

Симона
Вилар

Светорада
Медовая

Светорада

Симона Вилар

Светорада Медовая

«Автор»

2008

Вилар С.

Светорада Медовая / С. Вилар — «Автор», 2008 — (Светорада)

Конец X века, время героических походов, борьбы с кочевыми племенами и возведения новых русских городов. Привыкшая к роскоши и воспитанная среди всеобщего поклонения, юная смоленская княжна неожиданно исчезает накануне свадьбы с князем Игорем. Знатному жениху свояченица красавица предпочла Стенку Стрелка, за которым готова идти хоть на край света. Однако жизнь уготовила Светораде тяжкие испытания. Еще вчера она счастливая жена воеводы, сегодня – невеста хазарского царевича, а завтра – пленница печенежского хана...

© Вилар С., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	33
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Симона Вилар

Светорада Медовая

Глава 1

899 год

Два одомашненных лося были впряжены один за другим в санный возок и ходко бежали по тропе, выходящей среди сугробов. Молодой мерянин¹ Кима правил ими, привалившись к накрытым рогожей кадкам с липовым медом. Он пел, пел весело и довольно обо всем, что видел вокруг:

*Лес в снегу, а я все еду.
Вокруг елки – высокие красавицы.
Их снежные лапы свисают над дорогой.
Я еду быстро-быстро,
А везут меня сильные лоси,
И им нетяжело везти меня с моим медом.*

Мерянин Кима вез дань от селения бортников в град Ростов, располагавшийся на берегу озера Неро. Выехал он поутру в погожий снежный день на исходе зимы и вез как общинный мед – положенную дань, – так и пару своих кадок – но эти уже на продажу. Оттого настроение у Кимы было преотличное. И как не радоваться жизни в такой светлый день, когда свежавыпавший снег блестит, нет ветра, сани просто летят, а от бегущих разгоряченных лосей валит пар.

Кима улыбался. Лицо молодого мерянина разрумянилось от легкого морозца, на белесые брови из-под меховой шапки упала светлая прядь, а серые, чуть раскосые глаза задорно блестели. У него были широкие, как у большинства мерян, скулы, и курносый нос уточкой.

Санная дорога пролежала между сугробами, но по мере приближения к заледенелой ленте реки делала резкий поворот, и отсюда, с пригорка, вид на заснеженную реку открывался во всю ширь. Кима сначала немного сдержал бег лосей, чтобы те ненароком не опрокинули возок при повороте, а потом и вовсе натянул вожжи, останавливаясь. Ибо на другом берегу реки он неожиданно увидел одинокого путника на лыжах.

Будь Кима без поклажи, случайный встречный его бы не взволновал, но теперь, когда он вез товар, встреча с незнакомцем могла сулить что угодно. Однако тот был еще далеко, и Кима только смотрел, как лыжник пригнулся, лихо скатился по заснеженному склону, перескочил через холмик и прыжком выехал на лед, быстро развернувшись, – только снег из-под лыж полетел.

«Ишь ловкач», – подумал мерянин, сдвигая на затылок свой волчий треух. Лыжник тоже его заметил, помахал рукой. Жест был приветный, но все одно на пути к Ростову можно было встретить и лихих людей, поэтому Кима потянулся к лежавшей за спиной рогатине. И тут совсем рядом прозвучало:

– Тсс! Рогатину-то оставь!

От неожиданности мерянин даже икнул, а потом лишь глядел на возникшего из-под лап заснеженной ели второго незнакомца. Тот появился почти бесшумно, только снег осыпался

---

¹ Мерянин – представитель древнего финно-угорского племени меря.

с еловых веток. Лыжник был вооружен луком с наложенной на тетиву стрелой, и стрела эта смотрела в аккурат на Киму.

– Говорю же, не бери. Но и не страшись. Зла тебе не сделаем.

Хорошо так говорить – «зла не сделаем». А отчего ж тогда стрелу навел? Отчего, пока первый путник отвлекал Киму своими скачками по склону, другой притаился под еловыми лапами у дороги?

Мерянин покосился на покрытые снегом заросли, ожидая, что вот-вот появится еще кто-нибудь из татей². Но не появились. Однако и этот с луком смотрелся опасно: плечистый, в рысьем полушубке, перетянутом ремнем, из-за плеча выглядывает рукоять меча, а само лицо незнакомца, хоть и молодое, но строгое: темные брови нахмурены под куньим мехом шапки, а синие глаза смотрят с недобрый прищуром. Ну и стрела на тетиве. Так добрые люди к путникам не подступают. Потому-то Кима и был напряжен, а рука в варежке все равно медленно подбиралась к рогатине, которая совсем рядом была – взять бы в захват и... Но синеглазый тать движение мерянина заметил, укоризненно поцокал языком, даже головой покачал, осуждая. Ах, леший его возьми!

Тем временем первый лыжник уже перебежал заледенелую реку, скоро вскарабкался по подъему, опираясь на лыжные палки. Поглядел на замершего Киму и опасного лесного лучника, а потом... неожиданно рассмеялся.

– Как погляжу, ты совсем запугал парня. Зачем? Мы бы и так столковались с ним. Верно говорю? – И улыбнулся приветливо. – Да пребудет с тобой милость богов, человеку добрый!

А Кима только смотрел, моргая белесыми ресницами. Надо же – баба! Даже не баба – девка молодая. И такая ладная! Мерянин, очарованный, заулыбался. Вот это краса! Из-под рыжей лисьей шапки на плечи незнакомки спадали длинные золотистые косы, укороченная шубка на тонком стане была перетянута ремнем, стеганные штаны заправлены в рыжие меховые онучи. А личико у девушки яркое и ясное, как солнышко: румяные щечки, пухлые яркие губы, длинные ресницы и темные брови вразлет. А глаза...

Кима был простым парнем, вот и сказал первое, что пришло на ум:

– Глаза-то у тебя... Чисто медовые!

Так и глядел на нее, глуповато улыбаясь, а девушка вновь зашлась звонким веселым смехом. Отсмеявшись, к своему спутнику обратилась:

– Вот видишь, Стрелок, он славный парень. И не откажется подвезти нас до Ростова. Ведь не откажешься?

Кима не сразу сообразил, что разговор ведется по-славянски. Ну да это не главное. Главное он уже уяснил: негаданная встреча ничего плохого не сулит.

Тот, кого звали Стрелком, снял лыжи, плюхнулся боком в сани подле кадок с медом и сказал:

– Для мерянина ты уж больно бойко говоришь на языке почитающих Перуна³. Мы-то опасались, что едва сможем с мерянами знаками объясниться.

– Зря опасались, – погоняя вожжами лосей, ответил Кима. – Словене⁴ уже давно в нашем краю живут, вот мы и выучились их разговору.

Меж тем красавица бросила на Киму задорный взгляд, от которого молодой мерянин вообще разомлел, даже забыл покрикивать на лосей, перешедших на тряскую рысь под новым грузом. И казалось парню, будто от попутчицы свет исходит – так ясно и хорошо вдруг на

---

² Тать – преступник; здесь – грабитель с большой дороги.

³ Перун – бог-громовержец, податель грозы, а также воинской удачи; главное божество в древнерусском языческом пантеоне.

⁴ Словене – древнеславянское племя.

душе сделалось. Девушка сидела почти рядом, он видел ее тонкий профиль, темные длинные ресницы, переброшенные на грудь золотые косы.

– Так вам до Ростова? – осмелился он начать разговор.

Ответил Стрелок:

– Нам путь сюда в племени голядь⁵ подсказали, заверив, что встретим тут тех, кто до Ростова поможет добраться. Вот нам с тобой и повезло. Лоси у тебя сильные, да и язык наш знаешь.

Кима стал пояснять:

– Мать моя мерянского племени, а отец... О, мой батя словенин! Нечаем зовут, и родом он новгородец. Хотя после того как князь Олег Вещий посадил своих людей в граде Ростове, батя мой больше в Новгороде не бывал. Местным стал. И не последним человеком, замечу. Гривну⁶ воеводы носит.

Кима гордо заулыбался, погоняя лосей, и не заметил, какими взглядами обменялись негаданные попутчики. Потом Стрелок придвинулся и осторожно спросил:

– А князь Вещий... Он как, бывает в здешних краях?

Кима захихикал, а после сказал, что, мол, князь Олег Вещий и птицей летает в поднебесье, и волком рыщет в чаще, и рыбой-щукой кружит под водами, потому как он ведун и он везде. Да только с тех самых пор как князь назначил своего посадника в Ростове, нужды самому сюда являться ему нет. Дань ведь от племени мерян ему исправно в Новгород доставляют, а за всем тут следит верный человек – посадник Путята. Ну а при нем и родитель Кимы состоит, воевода Нечай. И когда его мерянский сын Кима приезжает из лесов в Ростов, Нечай его всегда хорошо принимает и сажает подле себя.

По своей природе этот мерянский парень был на диво болтлив: говорил и говорил, забыв, как еще недавно опасался встреченных им чужаков. Казалось, он готов был всю свою жизнь рассказать, и даже не заметил, что на его попутчиков будто нашло некое успокоение, едва поняли, что в Ростове им встреча с князем Вещим не грозит. Хотя Стрелок и уточнил: часто ли люди Олега в Ростов наведываются? И остался доволен, узнав, что сам Кима никого из них тут никогда не видел.

Через некоторое время Кима опять запел обо всем, что было вокруг: о коряге у дороги, о сверкающем пушистом снеге на елях, о стуке дятла в морозном лесу. И просто просиял мерянин, когда красивая попутчица стала в лад подпевать ему: мол, и лоси хороши у возницы, и правит он лихо, и сам хорош да любезен. А там и Стрелок вдруг запел: дескать, мерянину все удастся в пути, и то, что он не столько на дорогу, сколько на девушку глядит – так для умелого и ловкого парня это безделица: он не собьется с пути, не завезут его лоси невесть куда.

Кима хоть и был прост, но уловил намек, смех его понемногу смолк и задумался он, обижаться ли на Стрелка или смолчать. Но тот сам разрядил обстановку, когда достал из своего мешка завернутый в тряпицу кусок пирога и разломил его, протянув половину Киме.

– Угощайся, хозяйка моя пекла. И хоть тесто уже поостыло, но от мороза брусника в нем хуже не стала. А жену мою Светой зовут.

Последнее он сказал с такой гордостью и теплотой, что Кима понял: ценит Стрелок свою ладу, в обиду не даст, да и никому другому не уступит.

Мерянин стал жевать. Пирог и впрямь был что надо: мука хорошего помола, а брусника в тесте кисло-сладкая, душистая. И все трое только дружно рассмеялись, когда сани, подскочив на ухабе, разом подбросили их, а кадки с медом громыхнули, но не свалились – Стрелок заботливо поддержал.

---

⁵ Голядь – древнее славянское племя.

⁶ Гривна – нашейное украшение из золота или серебра, зачастую служившее знаком отличия или признаком чина; так же называлась и денежная единица в древней Руси – серебряный слиток весом около фунта.

Подкрепившись, Кима вновь принялся болтать:

– А меня все кличут Кимой Нечаевым сыном. Селище мое своим покровителем почитает хромого бобра. Старцы сказывали, что, когда прашуры выбирали, где станут жить, место для поселения им и указал этот хромой бобер. Мать моя там и живет, а отец... ну так сказывал уже. Однако о себе я вам все поведал, а вы все отмалчиваетесь. Вот и спрашиваю: каким ветром вас занесло в наши края? Хотя сам вижу, что издалека вы: и мешки у вас дорожные, и говорите вы не так, как словене в Ростове.

– Мы из племени вятичей⁷, – ответила Света, но сперва, как показалось Киме, взглядом испросила разрешения у своего Стрелка.

Про себя Кима подумал, что он бы ни за что не стал таскать по лесам такую красу. Хотя... Что там говорить, мерянские девки и бабы тоже были лыжницами не последними. И все же конец зимы не самое хорошее время для путешествий. Да и податься вот так вдвоем в леса... Мало ли что у этой пары стряслось, раз мыкаются по свету.

Любопытство разбирало парня, вот и спросил:

– А что же заставило вас тронуться в путь до того, как Туня-юмо⁸ не прислал свои теплые ветра для разгона зимней стужи?

Ответил Стрелок:

– Раньше я служил под рукой князя вятичей Держимира. Однако ныне Держимир согласился платить откупную хазарам, и люди стали говорить, что Недоля к нему пришла, раз уступает жадным степнякам. А кто захочет остаться у неvezучего правителя? Особенно, когда слава Путяты Ростовского летит, как на крыльях птицы Гамаюн⁹. Вот мы и надумали уйти от Недоли вятичей к Доле ростовской. Так я говорю, жена?

Света не ответила, только взглянула на Стрелка с такой улыбкой, что Кима подумал: «С этой красавицей, да еще и медовой, никакая Недоля не страшна. С ней любое дело сладится, любое горе отступит». И он снова и снова косился на сидевшую подле него молодку, стараясь только, чтобы ее муж не замечал этих взглядов.

Стрелок тоже не сводил с нее глаз, то и дело прижимался щекой к рыжему лисьему меху, укрывавшему плечико его лады, даже веки смежил, наслаждаясь мгновением. Она же стегнула мужа по носу кончиком косы, а потом нежно провела по его прикрытым глазам, по заросшей щетиной щеке, по крепкому подбородку. О Киме они словно позабыли, и он сам чувствовал себя здесь лишним. Потому и отвернулся, стегнул лосей, прикрикнул, погоняя.

Стрелок первый окликнул его:

– Если хочешь еще о чем-то спросить – спрашивай. В разговоре и дорога короче покажется.

Говорил будто обычное, а лицо у самого еще благодное после ласки жены, синие глаза сияют. Кима подумал: «Бабам небось такой нравится». Ровный нос, волевое лицо с высокими скулами, и глаза такие... матерые глаза, хотя сам молодой еще. Такие глаза бывают у того, кто много чего пережил или много чего уразумел в жизни. Потому Кима и обращался к Стрелку уважительно. Спросив, каким делом тот кормится и жену кормит, не удивился, услышав, что Стрелок воин – само имя его о том говорило, ну и еще выправка. Вон он полулежит на саях, а все же в теле чувствуется какое-то звериное проворство, удаль молодецкая. Такому что расслабиться, что собраться – один миг.

Кима опять стал рассказывать о Ростове:

– Ростов-то, он растет год от года. Множество людей в него прибывать стало, когда Путята там порядок навел. Служить ему даже варяги считают достойным.

---

⁷ Вятичи – славянское племя.

⁸ Туня-юмо – божество ветров в финно-угорской мифологии.

⁹ Гамаюн – птица счастья.

– Откуда же им тут взяться, варягам-то? – приподнялся на локте Стрелок. Взгляд стал цепким, внимательным.

Тут уж Кима запел соловьем: не в глуши, чай, живем, по Итиль-реке¹⁰ варяжские ладьи нередко ходят.

– А-а... – протянул Стрелок как будто разочарованно. – А мы вот слышали, что Ростов так далеко от общих торговых путей стоит, что только бобры дикие там и водятся, а люди редко когда забредают.

Киму больше всего задело, что пришлый о бобрах непочтительно отозвался. Ну и стал пояснять, что у мерян бобер – зверь священный: он и мудр, и плодовит, и мастеровит; бобры умеют рубить деревья, запружать реки, строить дома, как люди, даже говорить между собой умеют лучше всех других зверей, так как работают вместе, ватагой. Да и богат бобер – мех его ценится у варягов не меньше соболя или куницы. Парень даже достал из-за пазухи искусно сделанную фигурку бобра на тесемке – оберег. Но его попутчиков восхваление бобра не больно-то и тронуло, и они вновь принялись расспрашивать, какие связи у мерян с другими землями Руси.

Далась им эта Русь! Кима-то и слова такого не знал. И их, похоже, это только порадовало. А когда стали спрашивать, кто же пребывает в Ростов, как упомянул Кима, тот с важностью поведал про ярла варяга Аудуна. Некогда приплыл он в эти края со всем своим родом и поселился в Ростове на берегах озера Неро. И посадник Путята был рад такому соседству.

– И как же ладят Аудун и Путята? – заинтересовался Стрелок.

Кима хмыкнул. Ну, паря, пусть глаза-то у тебя и матерые, а и Киме есть чем тебя подивить. И он принялся рассказывать, как что Аудун даже породнился с первыми людьми града: дочку самого посадника Путяты за себя просватал, а свою старшую отдал ни много ни мало за того воеводу Нечая, который Киме родной отец.

– Так что и я теперь с варягами в родстве, – приосанился мерянин.

Вот, пусть видят, с каким важным человеком свела их судьба. Потом добавил, что и тиун¹¹ градский, Усмар, недавно женился на другой дочери варяга Аудуна. А тиун этот в Ростове почитай один из самых важных людей.

Тут голос подала Света:

– Как же вышло, что слуга, тиун какой-то, смог так подняться в Ростове?

Ее вопрос озадачил Киму. Только и смог сказать: какой же тиун слуга, если без его догляда ни торги не собираются, ни дань не отправляют! Рассказывают, что Усмар сам из новгородской купеческой семьи, а так как в округе он единственный, кто считать может так же ловко как... как... Тут Кима даже не нашелся, с кем сравнить умельца счетовода, ибо ни мудрые шаманы, ни варяги Аудуна не умели так быстро складывать и вычитать, как Усмар. Вот тиун и стал одним из первых людей в Ростове, подытожил Кима. И добавил неожиданно: «Хапуга!»

– О, да ты, как погляжу, не сильно его любишь, – заметил Стрелок.

Кима смолчал, только стегнул лосей. Но через миг все же не сдержался:

– А чего его любить! Перед ним даже сам Путята заискивает. Ну а варяг Аудун... Эх, дочка его, Асгерд, в прошлый праздник лета мне улыбалась, даже гостинцы принимала. А потом... Усмар просватал, и Аудун счел его достойным породниться со своей семьей.

Какое-то время они ехали молча. Потом Кима почувствовал, как Света легонько погладила его по плечу.

– Не огорчайся, Кима. Ты молод, за тебя любая пойдет.

---

¹⁰ Итиль – старое название реки Волга.

¹¹ Тиун – управляющий в усадьбе, имении в древней Руси.

Кима криво улыбнулся. Хотя чего там – и впрямь любая. Да только такую горделивую и ясноглазую, как Асгерд, поди найди. А может, и впрямь поискать? Ведь довелось же ему негаданно встретить такую красавицу, как эта приветливая Света из лесов. Но она уже занята. Вот так всегда: пока он, Кима, в лесах собирает мед из бортей, всех ладных девушек кто-то успевает уже сосватать!..

Мерянин замолчал удрученно, глядя на дорогу, а путники стали негромко переговариваться. Кима в какой-то момент уловил, что их голоса как будто изменились, да и о чем они говорили, было не разобрать. Только отдельные фразы понял: «Глушь, думали... без-опасно...», «А как кто узнает...». И еще: дескать, мир велик, поедem и дальше.

А потом Стрелок резко выхватил свой лук, миг – и стрела сорвалась с тетивы. Кима, ошарашенный, замер, наблюдая, как с дальнего дерева, сбивая снег с ветвей, свалился темным комком соболя.

Мерянин натянул поводья, глядя, как Стрелок пошел в заросли, а потом вернулся, разрыхляя при ходьбе глубокий снег сильными ногами в меховых онучах. Показал добычу сперва жене, а потом и Киме. Зверек был красивый, с черно-дымчатым мехом – за такого у хазарского купца в базарный день можно не один дирхем затребовать, а болгарин и коня отдаст. И еще Кима заметил, что шкурка зверька не подпорчена – сбил Стрелок соболя аккуратно в глаз. И это при движении и с такого расстояния!

– А ведь ты и впрямь Стрелок! – восхитился мерянин.

А охотник и его жена переглянулись, после чего Он не видел, как охотник и его жена быстро переглянулись и Стрелок протянул соболя Киме.

– Бери, это тебе, Кима Нечаев сын.

– Шутишь, что ли! – От удивления мерянин даже на шепот перешел. Но тут же поправился: – За такой дар надо постараться. А что я? Только подвез вас и все.

– А ты и дальше старайся. У тебя отец в Ростове не последний человек, вот и замолви ему за нас словечко. Мол, мы в дружбе с тобой, мол, надо похлопотать перед посадником Путятой.

Для простодушного Кимы все это было слишком сложно, но он все-таки кивнул. Что ж, он попробует. Да и получить черного соболя почитай за просто так Киме хотелось.

– За мной не пропадет, – подмигнул он, принимая подарок. И уже когда отъехали, добавил: – Только вы совета послушайтесь: держитесь подальше от Усмара. И ее, – он кивнул на Свету, – не выставляйте перед ним. Ибо Усмар... Она ведь краса, а тиун страсть как до красавиц охоч. Даром что сам тесть Аудун за ним приглядывает. Да и Асгерд его любит...

И вздохнул нерадостно. Но потом, снова причмокнув, стегнул лосей вожжами. Ну не тосковать же было в такой ясный день!

Глава 2

Лоси бежали легкой рысцой, и вскоре лес начал редеть, стали появляться мерянские поселения: обычно стояли рядышком два или три длинных бревенчатых дома без окон, с рогатыми лосиными черепами под стрехами, дым вился сквозь продухи дерновых крыш. Сами меряне были в тяжелых зимних одеждах, у многих украшенных по плечам меховыми узорами; вместо шапок и мужики, и бабы носили пришитые к шубам башлыки, которые набрасывали на головы. Жившие своим особым укладом, они тем не менее были гостеприимны. Заметивдвигающийся по тропе вдоль поселения возок, меряне приветливо махали руками, выкрикивали пожелания доброй дороги, а то и зазывали в гости. Кима весело что-то отвечал по-мерянски и смеялся, когда местные детишки пытались бежать следом, утопая в глубоком снегу. И взрослые, и дети с любопытством глядели на чужаков, ехавших в компании Кимы.

Дорога постепенно расширялась и все больше шла под уклон. Стрелок и Света невольно подались вперед, когда открылся вольный простор среди лесов, показались широкое замерзшее озеро Неро и темные строения града Ростова. На берегу верх днищами лежали челноки, вмержшие в снега; кое-где около прорубей копошились люди; проехал верхом всадник; шли бабы с коромыслами.

Сам Ростов был расположен не на мысу, как обычно было принято у прибрежных градов, и не на насыпи; градского защитного тына нигде не было видно, отчего все здесь казалось бедным и ненадежным. По сути это было обычное поселение: дворы строились кому где нравилось, одни избышки приткнулись у самой воды, возле причалов, другие – у кромки леса; кое-где виднелись обнесенные тынами усадьбы, стоявшие как бы сами по себе; и только в одном месте путники заметили рубленые башни и скопление заснеженных кровель, от которых тянулись к небу дымки очагов.

– А вон там градский детинец, – указал вперед Кима. – Там дружинные избы, терем посадника Путяты и гридница. Богат град Ростов, сами же видите!

– Ага, – соглашаясь, кивнул Стрелок, однако особого восхищения не проявил. А через миг спросил едва ли не с осуждением: – Пошто в Ростове не оградилась от находников стеной да запорами? Или лихолетья у вас не бывало?

Мерянин только хмыкнул.

– Словене одно время пробовали возвести насыпь, но потом передумали. Да и не нужны Ростову особые укрепления. Град ведь окружен болотами, сухопутный путь от великой реки Итиль сюда топами перекрыт, а если подойти по рекам... то это еще суметь надо. Реки-то у нас илистые и порожистые, пробраться к озеру Неро будет непросто.

Меж тем Кима прикрикнул на лосей и ловко завернул их к избам, поехал по длинному проходу между тынов.

Здесьний детинец не впечатлял мощью. Ни насыпи, ни привычной для градов городни¹², ни заборолов¹³ со скважинами-бойницами – только частокол из толстых заостренных бревен окружал внутренние постройки. А вот ворота были мощные, из расколотых пополам дубовых стволов, стянутых железными скобами. И над ними привычное: поднятые на шестах черепа врагов – доказательство, что не даром кормятся воины из детинца. Освещенные неярким зимним солнышком, они скалились жуткими улыбками со своей высоты.

У ворот стояли стражники в островерхих шлемах, а на открытом пространстве у детинца толпились люди с возами и санками, привезшими полагающуюся дань, которую принимал у

---

¹² Городня – стена из сплошных бревенчатых срубов, часто наполненных внутри землей, что делало городни неприступными и уберегало от возгорания.

¹³ Заборолы – строения поверху крепостной стены с мостками, откуда защитникам было удобно обороняться от врагов.

них невысокий, богато разодетый мужчина в длинной, крытой синим сукном шубе и высокой меховой шапке.

Увидев его, Кима что-то проворчал недовольно: надо же, как это они на тиуна Усмара сразу напоролись. Но шапку все же скинул, склонился, приветствуя управителя. А тот сперва только мельком взглянул, больше занятый принятием товаров, и лишь потом, заметив незнакомцев, присмотрелся более пристально. Особенно к Свете. Она тоже спокойно разглядывала поднявшегося до положения управителя тиуна. И хотя Усмар был недурен собой – невысокий, но стройный, с выразительными карими глазами и темными бровями вразлет, с холеной аккуратной бородкой – все одно чувствовалось в этом нарядном человеке что-то неприятное.

Они въехали в ворота детинца. Здесь располагался довольно обширный двор, окруженный срубными постройками; в глубине виднелся проход к терему посадника, ярусные крыши которого поднимались выше иных строений и были украшены изящной башенкой с острым шестом со знаком солнца наверху. На многолюдном дворе в основном находились мужчины-воины, занимавшиеся по погожему дню воинскими учениями.

Кима натянул вожжи, спешил и пошел через толпу, оставив спутников на санях. Вернее, Света осталась сидеть, потупившись под устремленными в ее сторону взглядами. Стрелок же, наоборот, встав на санях во весь рост, с интересом смотрел вокруг. В его глазах зажглась радостная искорка, будто видеть подобное ему было привычно и приятно.

А ведь и впрямь, поглядеть добру молодцу было на что. Чуть поодаль боролись в захват опытные кмети¹⁴, подсекая друг друга на утоптанном снегу; здесь же с азартом сражались на длинных жердях молодые воины: они сходились, нанося удары с замаха, или отступали, ловя выпад противника выставленной поперечно длинной палкой. В дальнем углу будущие ратники уворачивались и отскакивали от многорукого деревянного истукана, вращавшегося на шарнирах; особо занятно было поглядеть туда, где два витязя упражнялись на мечах, а крепкий коренастый воин в надвинутой на глаза темной овчинной шапке, давал им дельные советы. Но больше всего внимание Стрелка привлекли молодые воины у мишеней. Луки у них были длиннее, чем он привык, зато, видать, тугие и крепкие – стрелы с них срывались стремительно и ударяли в плетеные мишени с такой силой, что нарисованные углем метки осыпались на снег темной пылью, а сами мишени мелко подрагивали на столбах-подпорах.

– Эх, хорошо стреляют! – невольно похвалил он умение стрелков-ростовчан.

– Ага. Почти как ты, – отозвалась Света, на что Стрелок обернулся так резко, словно жена толкнула его. Однако, заметив ее смеющиеся глаза под рыжим мехом, перевел дух.

– Никогда так не говори, Светка.

– Не буду. Думаешь не знаю, что я жена самого лучшего стрелка в подлунном мире? Ты же соответствовать моему выбору моему выбору должен!

Стрелок усмехнулся, небрежно надвинув жене на глаза пушистую шапку, за что получил шлепок по руке. Но тут вернулся Кима и тот воин в мохнатой черной шапке, который ранее следил за упражнениями воинов с мечами. Отвлечь воеводу от обучения мечников мог не всякий. Кима имел на это право, поскольку был его сыном. Он так и представил родителя: «Воевода Нечай Новгородец, отец мой».

Ростовский воевода оглядел пришлых водянисто-голубыми глазами, казавшимися чересчур светлыми и какими-то невыразительными под темным мехом шапки. Но взгляд у него был цепкий, внимательный. Слушая, что говорит ему сын, он только кивал, но как-то отстраненно, будто больше своим мыслям, чем сказанному сыном.

Кима же трещал без умолку:

---

¹⁴ Кмети – полноправные, умелые воины в дружине.

– Пусть меня лишит своей доброй милости Мэркугу-юмо¹⁵, отец, если я не привез тебе редкостного удальца, который не будет лишним в твоей дружине. Он умелый стрелок, я сам тому свидетель. А приехали он в Ростов от вятичей.

– Ну, дурному с места сорваться все одно что собаке почесаться, – произнес наконец воевода. Снял рукавицу, вытер запястьем нос – немаленький такой, широкий и уточкой, как и у Кимы. Но если Кима был приветлив и открыт, то его отец производил противоположное впечатление. Он не спеша оглядел пришлых – больше Стрелка, а на Свету глянул лишь мельком. – Думаете, вы тут приживетесь? Думаете, ждали вас?

– И тебе пусть пошлют боги здоровья и удачи! – заулыбался в ответ Стрелок, обнажив ровные белые зубы.

– Да, да, конечно, – согласно мотнул кудлатой шапкой Нечай, не сразу сообразив, что не поприветствовал гостей, как полагается. – Спрашиваю, на что понадеялся, сюда прибыв?

– В дружину твою хочу наняться.

– Уверен ли, что сгодишься?

– Отчего ж нет? Я хороший стрелок. Не хуже твоих буду, а то и получше.

– Среди моих все хорошие стрелки, одним больше, одним меньше – дружина не разбогатеет. А вот захотят ли тебя местные содержать и хлеб-соль давать за свою охорону, еще неведомо.

– Даже так? – Стрелок вскинул брови. – Неужто вече созываете, когда очередного воина в дружину берете?

Нечай не уловил иронии в его голосе и стоял, почесывая лоб под мохнатой шапкой. Стрелок выразительно покосился на Киму, и тот посоветовал:

– Батя, ты проверил бы его.

– Сам знаю! – отмахнулся воевода, подивившись, отчего раньше не догадался сделать это, и обратился к пришлому: – А ну-ка пойдем к мишеням.

Стрелок будто этого и ждал, соскочил с саней, стал на ходу вынимать лук из налуча.

Света перевела дыхание. Что ж, теперь небось сладится. Чтобы ее Стрелок да не справился – скорее лешие за булат начнут лапами хвататься¹⁶, чем ее милый не подивит кого угодно своей ловкостью да меткостью. И она даже не пошла смотреть, осталась сидеть в санях, отвернувшись от глазевших на нее кметей. Поправляя обмотку на рыжем меховом онуче, она вдруг заметила, как на нее упала чья-то тень. Девушка подняла глаза и ахнула. В первый миг показалось, что перед ней явился сам пригожий Ярила¹⁷, так хорош был незнакомец: высокий, статный, с правильными тонкими чертами лица. Голова красавца была не покрыта и на его широкие плечи серебристой волной ниспадали длинные волосы, причем у одного виска они были зачем-то заплетены длинной косицей.

Он подмигнул девушке в санах:

– Здрава будь, девица!

Это было произнесено по-словенски, но с иноземным выговором. Варяг, сразу поняла жена Стрелка. Да и его рост – он был повыше многих – и выправка указывали, что этот красавец из той воинственной породы людей, которые прибывали на Русь из-за холодного Варяжского моря¹⁸. Да и под его расстегнутым полушубком была видна мелкокольчатая рубашка-кольчуга, а из-за плеча торчало древко копья с длинным острым наконечником. Там, где Света раньше жила, было немало таких, однако в последнее время ей пришлось проживать в глухих

---

¹⁵ Мэркугу-юмо – покровитель людей.

¹⁶ Лешие – лесная нежить – не могут касаться изготовленного руками людей металла.

¹⁷ Ярила – божество жизненных сил, плодородия и людской мощи; в сказаниях изображался в виде красивого молодого парня.

¹⁸ Варяжское море – Балтийское море.

лесных племенах, и встретить вдруг викинга-варяга стало для нее неожиданностью. Да и таких красавцев Свете еще не приходилось видывать в своей жизни.

– Да будет с тобой сам добрый Бальдр, храбрый ясень стали!¹⁹ – обратилась она к нему на скандинавском языке.

Приветливая улыбка осветила лицо молодого варяга. Он чуть склонил голову, окидывая девушку более внимательным взглядом, и в его зелено-голубых глазах мелькнуло изумление.

– Похоже, что и в тебе течет кровь потомков Аска и Эмблы, да, береза нарядов?²⁰ – спросил он.

– Во всех людях течет их кровь, – засмеялась Света. – Но больше всего ее у сыновей Нореяг²¹, не правда ли?

Варяг снова улыбнулся.

– Всегда рад встретить землячку так далеко от земли фьордов!

– И я рада тебе, благородный воин. Однако я никогда не бывала в краях, о которых ты упомянул, хотя отец мой родом оттуда.

– А-аа... – протянул белокурый красавец. – Ну, такое бывает... На Руси сейчас частенько можно встретить детей храбрых викингов от славянских матерей.

В этот момент со стрельбища донесся гул и одобрительные выкрики. Молодой варяг с интересом посмотрел в ту сторону, а Света беспечно сказала:

– Обычное дело, когда мой муж показывает свое мастерство.

– Так это твой... муж?

– А ты что, хотел, чтобы я с братом приехала? – лукаво улыбнулась девушка.

На губах варяга тоже заиграла улыбка.

– Да. Тогда бы я мог мечтать о тебе, береза нарядов, а может, и не только мечтать.

Света увидела, как блеснули его глаза. Она привыкла к таким взглядам, но сейчас только и сказала:

– На меня смотреть тебе не резон. А вот подивиться умению моего мужа любому воину будет любопытно. Идем же!

Они смешались с толпой зрителей и смотрели, как Стрелок, оправдывая свое прозвище, одну за другой пускает быстрые стрелы – все они попадали в центр черного круга на мишени.

– Я ведь говорил, что он умелец! – радовался за доставленного им гостя Кима. – Я не зря привез его прямо к тебе, отец.

– Добро. – Воевода махнул рукой. – Однако хотел бы я поглядеть, на что ты еще, умелец, способен. Метать стрелы и мои мерянские дружинники умеют. А вот горазд ли ты с иным оружием управляться? С мечом или с копьем, к примеру.

Стрелок только пожал плечами, передал Киме лук и стал вынимать меч.

– погоди, – остановил его воевода Нечай. – Что меч у пояса ты не зря носишь, я могу и так догадаться, а вот...

Он помедлил, оглядывая толпу разгоряченных зрелищем зрителей. Увидев красивую девку Стрелка, скользнул по ней взглядом, не задерживаясь, пока не заметил, что возле молодой женщины стоит рослый варяг с непокрытой, несмотря на морозный день, головой. Воевода посмотрел на длинное, обвитое железом копьё, торчавшее у того за плечом, и сделал знак златовласому варягу.

– Скафти, иди сюда, – позвал он его. – Что-то давненько твой Язык Змея не схлестывался с добрым противником.

---

¹⁹ Бальдр – бог света, доброты и весны у скандинавов; ясень стали – воин (такие поэтические иносказания у скандинавов назывались кенигами).

²⁰ Аск и Эмбла – по скандинавским верованиям первые люди, которых боги сотворили из ясеня и ивы; береза нарядов – девушка (*кешиг*).

²¹ Нореяг – древнее название Норвегии, что означает «северный путь».

– Язык Дракона, – поправил Скафти, с нескрываемым удовольствием беря в руки свое длинное копьё, и оглянулся на красавицу в лисьих мехах:

– Я не буду с твоим мужем жесток.

– Надеюсь, что и он будет с тобой добрым, – подмигнула она.

Однако когда оба поединщика вышли на посыпанную песком площадку утоптанного снега, освобожденную для них остальными воинами, личико ее стало серьезным. Бой-то смотровой, да и в муже она уверена, но все одно нельзя не волноваться, когда мужчины берутся за оружие.

Нечай, беспричинно поправив мохнатую шапку на голове, наблюдал за обоими. То, как держался пришлый против умелого варяга Скафти, показывало, что он не лыком шит. Вон и поданное ему кем-то из кметей копьё взял умело, чуть взвесил в руке, а потом перехватил поперек в ловком захвате – так, чтобы и колоть смог, и поймать удар древком, если что.

Оба соперника стали осторожно обходить друг друга по кругу, приглядываясь. И Нечай вновь не смог не отметить, что на сшибку Стрелок вышел более рьяно, стараясь сразу потеснить Скафти, поставить варяга так, чтобы закатное солнышко светило тому в глаза, а ему самому в спину. А когда Скафти, распознавший замысел чужака, попытался потеснить того с выбранного места, Стрелок не стал отступать.

Резкий короткий выпад Скафти он отвел острием копьё, не позволив сопернику наскочить на него, а сам снова напал, да так надал копьём, что едва не задел варяга. Тот увернулся и неожиданно рассмеялся:

– Ух, как страшно!

Пришлый вроде как опешил от подобного небрежения к бою, но в следующее мгновение тоже заулыбался. Правда, тут же едва успел отскочить, когда почти у самого его лица мелькнуло острие копьё Скафти. Уклонившись, Стрелок резко выпрямился, отпрыгнул и выдохнул с паром:

– Знаешь, а ведь и мне страшно стало.

Собравшиеся вокруг стали посмеиваться. Нечай выкрикнул:

– Вы воины или скоморохи? А ну-ка в сшибку!

Однако и высокий Скафти, и верткий Стрелок, который был ниже противника, уже и сами не понимали, упражняются они или игру затеяли. Оба почувствовали друг в друге умение как драться, так и смеяться, а потому выпады и наскоки сменялись у них шутками и подзадориваниями. Кмети, окружившие их плотным кольцом, тоже развеселились, стоявшая в толпе Света улыбалась в прижатые к губам косы. Услышав, как Стрелок спросил соперника, не жарко ли тому, она заметила, что мужчины переглянулись, кивнули один другому и разошлись, скидывая полушубки, чтобы вновь стать друг против друга.

– Только теперь скорее давай, – заметил Скафти. – Не мудро мне будет простудиться, когда у меня свидание в селище мерянском.

– Скорее так скорее, – сказал Стрелок, отводя наскок Скафти перехваченным двумя руками древком копьё. – Надо еще постараться не задеть тебя, чтобы не оплошал перед милой.

– Не оплошаю!

– Если не задену!

Мрачный воевода Нечай уже тоже стал посмеиваться, наблюдая за ними. В душе же был доволен: чтобы кто-то столько времени выстоял против Скафти с его копьём!.. По всему видать, доброго воина привел путевой Велес²² в их отдаленный край. Сам-то Нечай бьется над каждым новым дружинником, обучая ратному делу, а у этого Стрелка и самому не грех поучиться. Но ведь в таком не сознаешься, зато поглядеть на ярый поединок и воеводе так же любо, как и собравшимся кметям. Вон как парни расшумелись, в раж вошли.

---

²² Велес – славянское божество, помогающее путникам в дороге; бог скота, богатства и искусства.

И тут, когда Скафти занес свой Язык Дракона немного выше обычного, Стрелок мгновенно воспользовался этим, проскочил под древком и застыл перед варягом, направив острие копья ему в грудь.

– Считаю, что ты убит, – тяжело дыша, вымолвил Стрелок. – Но на свидании оживешь. Это как боги святы.

– Считаю, что я упал, – так же тяжело дыша, ответил Скафти. И улыбнулся: – Вот это бой был. Ай да ты!

– Ай да я, – согласился Стрелок.

Их тут же окружили, зашумели, одобрительно хлопая по плечам.

Взволнованная Света стояла в толпе и гордо улыбалась. И хотя ее Стрелок сейчас был окружен воинами и ему было не до нее – его победа, была их общей победой. Однако в этот миг, когда оживленные кметы потеснили ее от поединщиков, и она, отступая, натолкнулась на кого-то спиной, она ощутила, как кто-то осторожно, но решительно подхватил ее под локти, а у самого уха вкрадчивый голос произнес:

– Доброго здравия тебе, краса несказанная.

Света быстро оглянулась. Тиун в своей длинной синей шубе на соболях выглядел боярином. Его карие глаза лукаво светились, молодое лицо раздумянилось, а зубы, как у волка – крупные, белые и красивые, один к одному, – влажно поблескивали.

– И тебе не болеть, приказчик посадничий, – ответила девушка, обратившись к нему как к служилому, и с потаенным удовлетворением отметила, как на самодовольном лице тиуна стала гаснуть улыбка.

– А с чего ты взяла, что я приказчик? Меня тут все господином кличут, даже боярином.

Но тут рядом оказался светловолосый Скафти. Крепко хлопнул тиуна по плечу – тот даже пригнулся, отступив от девушки и отпустив ее руку.

– Привет тебе, Усмар Безбедный! – громко и весело произнес Скафти. – Моя сестра Асгерд передает тебе привет, а также сообщение, что она готова вернуться в твой дом, как только ты явишься за ней.

– А, смирилась-таки. – Усмар кивнул, однако никакого воодушевления в его голосе не ощущалось. – Что ж, я готов вновь сойтись с ней, хотя она уж слишком горда. Не то что наши, словенки. – И повернулся к Свете: – Я ведь правильно угадал, душа девица? Ты не мерянка, а нашего, словенского корня.

– Усмар, тебя не должна интересовать чужая жена, – загораживая девушку, наступал на него Скафти. – А теперь идем. Аудун хотел с тобой поговорить.

И он решительно подхватил тиуна под руку и повел прочь.

А к Свете подошел веселый Кима.

– Идем, у санок подождем. Нечай повел твоего мужа к посаднику, челом за него бить будет.

После снежного ясного дня Стрелок не сразу разглядел в дальнем конце длинного помещения силуэты людей у печки-каменки. Просто ступал за Нечаем, пока не разглядел собравшихся. И сразу понял кто тут посадник Путята: тот сидел в высоком кресле и разговаривал с местными шаманами. Сам посадник был лицом смугл, густые черные волосы подстрижены по-новгородски в скобу, широкая, с сединой вокруг рта борода лопатой ложилась на вышитое оплечье алой рубахи.

Посадник лишь мельком глянул в их сторону и поднял руку, велев не мешать. Выслушивал шаманов. Те выглядели непривычно: все в меховых накидках, в башлыках, сшитых в форме звериных личин – волчьей, рысей, у одного даже скалилась вставленными клыками медвежья голова, большая и, должно быть, тяжелая, а еще жаркая, если учесть, как раскалена каменка. Стрелку и самому стало жарко, и он скинул шапку, утер вспотевший еще во время

поединка лоб. Его светлые пепельно-русые волосы были заплетены сзади в косицу, только на висках выбивались, да еще длинный чуб нависал, ниспадая наискосок на синие глаза с хитрым прищуром. Держался парень гордо и прямо, и вовсе не из спеси – просто чтобы казаться выше, так как ростом он удался не более среднего. Зато был плечист и строен, как тополе, и даже в спокойном состоянии в нем чувствовалась сдержанная сила, готовая прорваться в любой миг.

Это и отметил посадник, неприметно разглядывая чужака. А там и с мерянскими шаманами дела уладил, встал и стал кланяться, отвечая на их поклоны, пока они, пятясь, отступали к выходу. Давно правивший в этом далеком от остальной Руси краю и став тут почти владыкой, он научился уважать местные обычаи и местный люд, поскольку опирался на них. И не было Путяте нужды каждый год посылать в Новгород за подмогой. Но от новых готовых вступить в его дружину людей, он бы не отказался. А этот парень с длинным чубом, как пить дать воин.

– Кого ты привел, Нечай? – опустил на прежнее место посадник.

– Кого не надо не привел бы, – отозвался Нечай, поправляя на голове лохматую шапку, словно это помогало ему собраться с мыслями. – Пойми, Путята, после набегов мордвинов и наших стычек с черемисой²³ прошлой осенью войско ростовское поредело. Набирать молодежь по мерянским селищам и обучать ее – дело долгое и непростое, сам знаешь, каковы они в воинской науке: стрелять ловки, а вот в сшибке сойтись – так себе. Не та юшка течет в их жилах. А этот парень из вятичей, они народ бойцовый и удалой...

– Если ты, Нечай, его одобряешь, то чего же мне артачиться, – добродушно сказал посадник. – Да вот только пусть он расскажет, как его судьба занесла в наши края. Тут тропы нехоженные, кто попало сюда не забредает.

Стрелок поклонился и поведал все то же, что и Киме говорил: служил у князя вятичей Держимира, но потом не сладилось у них и он решил отправиться с женой в другое место. А они слышали от купцов про удачливого посадника из Ростова, который и богат и порядок у него отменный, да и на службе воинов не обижает.

Стрелок говорил, как полагается говорить правителям: был у него опыт службы при князьях, знал, как подольститься. И даже заметил, как внимательно слушавший его Путята стал улыбаться в бороду. Ну а потом пришлось отвечать на другие вопросы: дескать, как долго Стрелок от вятичей к Ростову, по чьим землям шел. Посадник спросил даже, где они с Кимой познакомились. А потом вдруг огорошил пришлого, сказав:

– Не верю я тебе, паря. Ты ведь вятичем тут представился, однако я хорошо их знаю, не один год общаемся, и вот что я скажу – ты не их племени. Говор тебя выдает, не та речь, хоть и схожа. Зачем ложь несешь? Отчего не признаешься, откуда ты родом и что за нужда в путь отправил?

Стрелок пятерней убрал с глаз длинные пряди волос, подумав: «Вот привязался! Не все ли тебе равно?» Его так и тянуло надерзить: мол, где был, там меня уже нет, но все же сдержался.

– В чем-то ты угадал, посадник, – тряхнул он чубом. – Родом я из племени лесной дрегвы – слышал о таких? Да только давно я оставил свой край, чтобы служить у князя вятичей Держимира. Ну а службу у него оставил, когда Держимир стал на жену мою затрагивать. Света моя ведь краше летнего дня будет. Вот и пришлось нам зимой уходить куда глаза глядят. Вернее куда нам посоветовали добрые люди: к тебе в Ростов.

– Так ты еще с бабой явился? – развел руками посадник.

– Что в этом странного? – осклабил Стрелок.

– А то, что если я тебя возьму под свою руку, то только потому, что воины мне нужны. Воинское дружинное побратимство, оно полной отдачи требует, чтобы воин позабыл и о роде своем, и о семье. Мои дружинники только в крепости живут, готовые, если нужда, в любой

²³ Мордвины, черемиса – финно-угорские племена.

миг сорваться на дело. Вот тебе и придется сговориться с кем-то из местных, кто примет твою жену на постой и кормление. Но учти: зима на исходе, закрома у людей опустели, последнее по сусекам выскребают, и никому лишний рот не нужен.

Стрелок чуть нахмурился.

– За жену я бы заплатил мехами.

– Вот удивил! Да сейчас мехов в Ростове больше, чем хлеба. Так что никто не обрадуется постояльцу. Даже сулож²⁴ нового дружинника... Вон за тебя мой воевода Нечай хлопотать взялся, но сказал ли он тебе, что в Ростове воины сперва в уных²⁵ состоят, а то и отроках год проходят, прежде чем пояс кметя получают.

Стрелок нахмурился. Быть младшим дружинником без платы и своей доли из похода он не мог – ему жену кормить надо.

– Его женщина может жить у нас, – раздался вдруг со стороны спокойный голос.

Все повернулись к двери. Стрелок едва удержался, чтобы не присвистнуть. Вот это витязь! Вот это ярл!²⁶ Тут не ошибешься.

В дверном проеме стоял внушительного вида воин. Рослый, головой почти под прилолку, с могучими плечами, на которые из-под выложенного медными накладками шлема ложатся светлые, почти белые волосы. Такова же и борода, покрывающая верхние пластины богатого панциря. Белый мех накидки касается почти половиц. Светлый и величественный, этот витязь казался едва ли не видением. Но он был человеком, причем из местных, особенно если учитывать, что подле него стоял и Скафти.

Оба варяга приблизились. Стрелок почувствовал на себе взгляд ярла, заметил и быструю, вроде как ободряющую улыбку Скафти. Но не успели новоприбывшие еще и слова сказать, как посадник подался вперед.

– Что, Аудун? Неужто у Русланы началось?..

Рослый Аудун смотрел на Путятю сверху вниз.

– Твоя дочь в полном здравии, посадник. Чего и тебе желаю.

Путята перевел дыхание.

– А зачем тогда явился? Да еще в воинском облачении. Неужто в бой собрался?

Варяг покачал головой.

– Памятуя о своем долге, я собирался проехать к реке Итиль, где недавно видели каких-то неизвестных. Нужно бы разобраться, кто там волнует наших людей. А зашел перед отъездом я вот почему: мой сын сказал, что к нам прибыл опытный воин, женатый к тому же на девице нашего племени. И если ты не желаешь принимать этого молодого воина в свою дружину, то я готов взять его в свой хирд²⁷.

Путята помолчал какое-то время, а потом обратился к Стрелку:

– Отчего же ты молчал, что твоя жена варяжьего племени?

– Ты много вопросов задавал, посадник, но жена моя тебя не интересовала. Однако если этот добрый человек позаботится о нас, я с благодарностью приму его расположение. – И, перейдя на скандинавский, Стрелок произнес, чуть запинаясь: – Пусть мудрость Одина²⁸ всегда будет с тобой, светлый даритель колец²⁹, а я никогда не забуду добра.

Тем временем Нечай склонился к Путяте и стал что-то быстро говорить, а тот согласно закивал ему.

---

²⁴ Суложь – жена.

²⁵ Суложь – законная жена.

²⁶ Ярл – военачальник, предводитель дружины.

²⁷ Хирд – дружина у варягов; соответственно хирдманны – воины в хирде.

²⁸ Один – верховное божество у скандинавов, бог мудрости, войны и побед.

²⁹ Т. е. правитель (*кеинг*).

– То, что ты предложил, нам весьма кстати, – сказал посадник ярлу Аудуну. – Я согласен, чтобы ты взял жену этого воина под свою руку, однако его самого я решил оставить у себя на службе. Мой воевода считает, что он достаточно умел, чтобы избежать учебной поры, и советует сразу поставить его гриднем³⁰, даже определить под его опеку младших воинов отряда. Тогда и тебе не будет обиды, Аудун, что мужа вашей соплеменницы не приняли как должно.

Аудун молча кивнул, забросив на плечо полу длинной меховой накидки. Стрелок же опустил голову, пряча за длинным чубом веселый блеск глаз. Ай да Путята, готов его сразу гриднем сделать, лишь бы не уступить варягу Аудуну. Но он только поклонился посаднику, принимая его милость. Сам же готов был и в пляс пуститься – не ожидал такой удачи. Главное, что они с женой получают достойное положение и не будут больше мыкаться по свету. По сути, благодаря варягам они устроились в Ростове лучше, чем могли рассчитывать.

---

³⁰ Гридни – лучшие воины в дружине, приближенные главных командиров.

Глава 3

Ярл Аудун сын Орма был переселенцем из Норвегии. Будучи одним из хевдингов³¹ в области Рогаланд³², он еще на родине получил прозвище Любитель Коней. Правда, высокого и могучего Аудуна могла вынести не всякая лошадь, а вот крепкие и рослые скакуны из страны Гардар³³ были как раз по нему. Поэтому Аудун не раз ездил в Гардар и закупал там сильных длинногривых русских коней; он даже разводил их у себя в хозяйстве и торговал ими, что и составило основу его богатства.

Аудун был независим и силен. Поэтому, когда конунг Харальд Длинноволосый³⁴ стал теснить вольных хевдингов, Аудун Любитель Коней не пожелал ему подчиняться. А у тех, кто противился власти Харальда, было только два выхода – либо сражаться и погибнуть, либо переселиться в иные места. Поразмыслив, Аудун решил перебраться со своим родом в страну Гардар, где еще ранее не единожды бывал.

Однако уже в Ладогe вольный ярл столкнулся с тем, что он не единственный разумник, выбравший Гардар местом поселения. Сюда и до него прибыл немало викингов с севера, многие давно прижились и даже породнились со словенской знатью. Так что новых пришельцев они встречали уже без особого радушия. Да и местный люд тоже не особенно жаловал прибывающих чужеземцев, которые стремились захватить лучшие места и потеснить словен. Вот тогда-то Аудун и решил испытать судьбу, отправившись по великому водному пути реки Итиль, надеясь найти место, где мог обрести новый дом.

Место ему показала сама судьба, причем не очень-то милосердно.

У Аудуна была жена, Раннвейг, мудрая подруга и советчица, с которой он прожил жизнь, родил детей и на которую всегда мог положиться. В дороге она стала прихварывать, потом и вовсе занемогла. Это было как раз недалеко от Ростова. Здешний посадник Путята позволил Аудуну разбить стан в его землях, даже прислал местных лекарей-шаманов. Но ничто не помогло, Раннвейг умерла, и ярл возвел на берегу Итиля для нее высокий курган. Теперь уехать от захоронения жены ему было тяжелее, чем покинуть родовую усадьбу в Рогаланде. В итоге он и остался в Ростове с разрешения Путяты, которому было лестно иметь своим воеводой столь отменного ярла, да еще с сильной дружиной в придачу. Одно было плохо – Аудун отличался гордостью и не терпел над собой власти; он выслушивал распоряжения Путяты, однако выполнял их только в том случае, если считал достойными своей чести. Какое-то время это приводило даже к столкновениям между ними, пока хитрый Путята не нашел способ, как привязать к себе Аудуна. Однажды посадник пришел к ярлу и сказал, что, видя печаль Аудуна по умершей супруге и зная, как тяжело обживаться на новом месте без хозяйки, он решил предложить ему в жены свою единственную дочку Руслану.

Предложение было неожиданным, но варяг принял его, хотя сама Руслана и не казалась Аудуну таким уж приобретением. Чернявая, мелковатая и смуглая девушка в глазах северянина выглядела отнюдь не красавицей. Но Руслана была молода, а взять в дом новую жену – верный признак того, что глава рода еще в силе. Только Путята остался внакладе от этого брачного союза с варягом: он-то думал, что зять, следуя местным законам, станет послушен воле старшего родича и будет беспрекословно выполнять его наказания, однако Аудун, хотя и принял посадника ростовского как родню, послушания не выказывал.

---

³¹ Хевдинг – правитель, выбираемый из местной знати.

³² Роголанд – область в Норвегии.

³³ Гардар – так викинги называли Русь: буквально страна градов.

³⁴ Харальд Длинноволосый (Прекрасноволосый) (860–940) – владелец норвежской области Вестфольд, который, став королем (конунгом), вел постоянную борьбу с родовой знатью и непокорными викингами за свое главенство в стране.

Все это пришлым Стрелку и Свете еще предстояло узнать, а пока они в сопровождении ярла и его старшего сына Скафти подошли к усадьбе Аудуна, расположенной немного в стороне от градских изб на берегу замерзшего озера.

Стрелок с интересом оглядывал усадьбу варяга-переселенца, хозяйственные постройки в кольце частокола на земляной насыпи, длинный жилой дом с двускатной дерновой крышей, опирающейся на срубы стен. Сейчас, когда все это было покрыто снегом, дом напоминал длинный снежный сугроб.

Аудун сказал:

– Моя усадьба называется Большой Конь, – и указал на резное изображение головы коня под стрехой крыши. – Теперь же, – добавил он, оправляя накидку из белой овчины, – не считите меня невежливым, но я должен буду оставить вас ради службы. А о вас позаботятся мой старший сын Скафти и дочка Гуннхильд.

С этими словами Аудун пошел к ожидавшей его дружине, вскочил на длинногривого ярко-рыжего жеребца и сделал знак трогаться. Скафти помахал отъезжающим рукой и жестом пригласил новых постояльцев войти.

Стрелок ранее бывал в поселении Гнездово под Смоленском, где оседало немало выходцев из-за моря, видел длинные дома викингов, однако внутрь, в отличие от своей жены, никогда не заходил. Ей же были привычны и протянувшийся вдоль всего строения проход, и ряд поддерживающих двускатную кровлю столбов, украшенных затейливой резьбой, и открытые очаги по центру, где горел огонь. Это пламя вдоль всего помещения освещало низкие скандинавские столы и расположенные у стен кровати с задвижками – боковуши, как их называли на Руси. У ближайшего из очагов хлопотали женщины. Одна из них, рослая, статная, с головным платком замужней женщины, закрывавшим лоб до бровей и завязанными на затылке концами, шагнула навстречу гостям и протянула большой рог с пивом.

– Мой отец не всякого приведет под свой кров, – произнесла она, предлагая рог Стрелку. – Но раз Аудун Любитель Коней пригласил вас на постой, значит, вы достойные люди, и я от всего сердца желаю, чтобы наш дом стал домом и для вас.

Она говорила немного гундося, отчего Стрелок не все разобрал в ее речи, но приветливый жест понял правильно и, приняв рог, выпил до дна. Уже возвращая его хозяйке, он, немного сбиваясь, поблагодарил ее на варяжском и пожелал здоровья и добрых дней. Затем покосился на жену – мол, правильно все сказал? Света только чуть кивнула в ответ, принимая второй рог из рук другой дочери Аудуна.

При этом обе молодые женщины быстро оглядели друг друга, будто оценивая: обе были хороши и стройны, но если в Свете были яркость и некая чувственная прелесть, то Асгерд, младшая дочь Аудуна, обладала холодной северной красотой. Она гордилась своей внешностью, и появление под родным кровом такой красивой постоялицы не очень-то ее порадовало. Тем не менее она сказала, обращаясь скорее к Стрелку, чем к его жене:

– Поешьте с дороги и передохните, а мы пока растопим для вас баню и позаботимся о том, где вас уложить.

В дальнем углу сидела у прялки молодая жена Аудуна Руслана. Ее большой живот выпирал под вышитым передником, оплечье богатого платья было на мерянский манер красиво расшито узорами из кусочков меха и бисерной россыпью, и так же, в тон оплечью, был расшит ее повой³⁵. Руслана испытывала легкую досаду, оттого что не она встречает гостей, а дочери мужа. Но так уж вышло, что мягкую по натуре и нерешительную Руслану в Большом Коне все воспринимали как младшую: почитать – почитали, но она всегда оставалась на вторых ролях.

---

³⁵ Повой (или повойник) – головной убор замужней женщины в виде шапочки, немного возвышающейся надо лбом и закрывающей сзади волосы.

Со своего места Руслана видела, как веселый и пригожий Скафти подсел к гостям и стал что-то говорить, смеща их. Она невольно вздохнула. Когда ее сватали за Аудуна, который годами был старше даже ее отца, девушка втайне надеялась, что тот откажется и она выйдет за кого-то из сыновей Аудуна. За красавца Скафти, например... или за второго его сына, Асольва. Но с Асольвом больше повезло ее подружке Верене, которая приглянулась ему и вышла за него замуж. Не прошло и года, как она подарила мужу двойню, за что ее почитала и любила вся родня: считалось, что родить двойню – особый знак благословения богов. Руслана же долго ходила пустой, пока наконец прошлым летом не поняла, что не зря старый муж покрывает ее каждую ночь. И все же Руслана втайне продолжала мечтать о Скафти...

Сейчас же она сделала знак Верене и, когда та приблизилась, стала расспрашивать о гостях. Болтушка Верена с радостью оторвалась от ткацкого стана, чтобы выложить подружке-свекрови все, что ей удалось узнать.

– Пришлые будут из племени реговичей. Вернее он вроде как из этого племени, а жена его благородной варяжской крови. Поэтому твой муж и пригласил их: знаешь ведь, как он добро-сердечно относится к людям со своей родины. Ты только погляди, как Скафти их обхаживает. Хотя, как я слышала, во дворе крепости этот пришлый превзошел его в двубое с копьями. Но Скафти что тебе дитя – ни на кого обиды не держит, а от жены пришлого глаз не может отвести. Но и она-то краса, что тут скажешь. Ты видела, Русланка, как Асгерд на нее зыркнула? Небось нашей гордячке придется теперь уступить гостье свое звание первой ростовской красавицы.

Руслана закончила сучить нить из кудели и бросила моток в корзину, взяла было пряслице для нового веретена, но вдруг сердито отшвырнула его – оно так и покатилося под лавку.

– Довольно, – сердито произнесла она. – Что это я как чернавка какая в углу таюсь? Мне тоже интересно поглядеть вблизи на гостей. Не так уж и часто под кровом Большого Коня появляются чужаки.

Она резко встала, но тут же невольно застонала, держась за поясницу. Большой обвисший живот тянул вниз, спина болела. Верена поддержала подругу, попробовала усадить на место, говоря, что если той угодно, то она велит подозвать к ней гостей, однако жена Аудуна подошла к ним сама. Верена только вздохнула: вот Русланка ворчит, что ее в Большом Коню никто всерьез не воспринимает, а как же иначе, если в ней величавости ни на потертую овчинку? Все бегают, все кого-то расспрашивает, не осмелится даже что-либо взять без дозвола, во всем полагается на Гуннхильд, словно не она, жена хозяина, тут госпожа, а ее падчерица. Потому-то гордые дочери Аудуна и видят в ней лишь прибавление в семью, но отнюдь не ровню себе.

В этот момент Скафти сказал гостям что-то смешное и все трое зашлись от хохота. Стрелок даже коленом о столешницу стукнулся, так что миски подскочили – ну не получалось у него сладить с этими низкими, по колено, варяжскими столами. Ни тебе локтем опереться, ни ногу под столом вытянуть. Света же держалась проще, чувствовала себя непринужденно, ела красиво, поддерживая ложку ломтиком хлеба, не чавкала, уголки губ аккуратно вытирала маленьким платочком. Вот на эту ее манеру аккуратно есть и обратила внимание подходившая Руслана. А еще она заметила, что вблизи гостья кажется еще краше: шапку она скинула, представ перед хозяевами с непокрытой, как у незамужней, головой; вся в золотистых кудряшках, нежно обрамлявших личико. Свет от огней сделал их словно мерцающими, да и сама она словно светилась весельем и радостью.

Руслане еще не доводилось видеть такой привлекательной женщины. Однако и спутник ее был хорош. Не так, конечно, как Скафти, но приятен лицом, на котором выделялись синие глаза. А еще плечи широкие, улыбка... Он встретился взглядом с Русланой, и она улыбнулась гостю в ответ, не успев решить, достойно ли жене хозяина расточать улыбки чужакам.

Но тут же рядом оказалась Гуннхильд.

– Тебя что-то встревожило, госпожа? Не беспокойся, все в порядке, все под надзором.

Гуннхильд по-славянски говорила почти без акцента. Она быстро научилась и местной словенской речи, и мерянскому говору. Замужем Гуннхильд была за воеводой Нечаем, жили они ладно, хотя и виделись нечасто, а только когда тот приходил к жене из детинца. У овдовевшей к моменту приезда в Ростов Гуннхильд были две дочери от первого брака, и еще двоих она родила своему ростовскому мужу. И хоть пора ее первой молодости уже миновала, рослая Гуннхильд оставалась стройной и величавой; было в этой женщине некое спокойное достоинство, которое привлекало к ней, заставляя одновременно уважать ее и немного побаиваться.

Вот и сейчас Руслана не решилась сказать старшей падчерице, что просто умаялась сидеть в углу и прясть, что хочет пообщаться с новыми людьми, и послушно позволила Гуннхильд бережно взять себя под руки и отвести на прежнее место. Заботливая падчерица принесла ей горячего молока, подставила под ноги скамеечку, осведомилась, как молодая мачеха себя чувствует. Однако у Русланы все равно было ощущение, что та мягко и ненавязчиво отделилась от нее.

Из бокового входа появилась со стопкой полотна Асгерд, сообщив гостям, что баня для них истоплена и они могут помыться с дороги. Гуннхильд дала им квасу, гостье выделила полотняную рубаху, а у Верены даже попросила платье для пришлой, ибо все понимали, что в пути, да еще на лыжах, женщине можно одеваться в порты, однако в благородном доме она не должна выглядеть как юноша с длинными косами.

Гостей не было долго, парились, видимо, до самых костей, до малинового свечения на коже. Само собой понятно: после такой-то дороги... Однако Верена, носившая в баньку для пришлой свое красно-коричневое платье на бретелях, потом пробралась к Руслане и со смешком сообщила, что такое увидела!..

– Ох, они такие!.. Я когда шла к постройкам в закут, где банька наша, то они, не заметив меня, как раз выскочили из парной и ну дурачиться в снегу! Смеялись, она визжала, а он валил ее голую на снег и целовал. Она же только довольна была да его самого снегом закидывала. Вот оглашенные! Дурачились, как дети, право. Пар-то так и валил от их разгоряченных тел, но я-то углядела, как этот Стрелок хорош. Жилистый, сильный, плечистый, а уд у него...

И, склонившись к Руслане, быстро зашептала, все время посмеиваясь. Та кивала, опуская очи, и не понимала, какое дело Верене до пригожего чудака. У нее самой вон Асольв загляденье, да и при чем тут мужской уд? Дело не в том, мал он или велик, главное – как муж свою бабу холит, а не что с ней на ложе предельвает.

Поэтому Руслана только и спросила, а гостя-то, мол, какова? Подружка хмыкнула: уж не намного лучше самой Верены. Даром что ли ее платье этой Свете впору пришлось.

Когда гости привели себя в порядок и вернулись в усадьбу, Скафти указал им на место возле самого большого очага, чтобы волосы просушили. Света сперва все больше русые волосы своего милого расчесывала, опять же шепталась с ним о чем-то и посмеивалась, будто ни до кого иного в доме у нее заботы не было. Но на деле все примечала: и что посадник Путята пришел в дом зятя, и что сразу же к Руслане подался. Света еще днем заметила, что дочка посадника очень похожа на отца: такая же смуглая и чернявая, с широкими черными бровями. Но дурнушкой Руслану не назовешь: небольшой мягонький носик, яркие губки, глаза большие, карие, но какие-то печальные и невыразительные. А отца своего она как будто побаивается, разговаривает с ним, не поднимая очей.

Вскоре появился и воевода Нечай с сыном Кимой. Кима нес на плече бочонок с медом – подарок родне. Нечай в первую очередь нежно и быстро обнял жену, потом приглубил дочерей – сначала своих младшеньких, а потом приветил и старших дочек Гуннхильд. Кима же, посадив одну из младших сестренок на колени, дурачился с ней, играя с ее тонкими, смешно торчавшими косичками.

В дверь то и дело кто-то входил, тянуло холодом, и Света отошла к женскому столу, где было теплее. Размотав головное покрывало, стала расчесывать свои на диво красивые волосы

– длинные, пушистые, отливающие светлым золотом. А сейчас, чистые и легкие, они походили на солнечную реку, обтекающую ее фигурку, и завивались у лица в мягкие локоны. Все невольно засмотрелось на расчесывающую свои кудри молодую женщину. Она вскоре почувствовала всеобщее внимание, но, будучи привычна к таким взглядам, не засмушалась. Да и чего ей волноваться, если она под охраной такого удальца, как ее Стрелок. Света только порой поглядывала на него, видела его счастливо и гордо мерцающие из-под спадающего наискосок длинного чуба глаза, видела, как он сидит, чуть прислонившись спиной к подпоре столба. Рука Стрелка небрежно лежала на согнутом колене, но время от времени он слегка водил кистью, как будто повторял ласкающие движения ее гребня.

В дверях появился тиун Усмар. Скинул шубу на руку слуге и огляделся, тоже задержав взгляд на расчесывающей волосы красавице. Но тут к нему подошла его жена Асгерд, поднесла рог с пивом. Она принарядилась к приходу Усмара, надев длинное голубое платье с вышивкой, а голову повязав красивым платком с серебристой тесьмой; свои светлые золотистые волосы Асгерд заплела в косы и уложила кольцами от самых висков. Она смотрела на мужа с нежностью, и Усмар, принимая у жены рог, поцеловал ее запястье. Затем сообщил, что уже приехали вестовые от ее отца с сообщением, что Аудун надеется поспеть как раз к вечерней трапезе.

Довольная Асгерд провела мужа вдоль ряда очагов и усадила на подобающее ее мужу место. Но едва она отошла, Усмар снова усталился на Свету. И смотрел так долго, что она отвернулась, закрыв лицо пышной волной волос.

Аудун и впрямь вскоре вернулся. С ним были два его сына: средний, коренастый и спокойный Асольв, к которому тут же поспешила Верена, и младший, четырнадцатилетний подросток Орм с такими же светлыми и пушистыми, как у отца, волосами. Пока ярл Аудун и Путята беседовали, слуги и женщины снимали с крюков большие котлы с кашей, приправленной соленой рыбой, тонкими ломтиками нарезали вяленое мясо, выносили хлеба. Все это составляли по длинным столам; одновременно открывали бочонки с пивом, разливали хмельной мед и ягодные кисели. Потом Аудун, как старший, взял слово и поднял рог во славу богов, а затем все приступили к трапезе.

Однако за едой многие поглядывали на новоприбывших. Живущие в глуши мерянской земли, за заснеженными глухими лесами и замерзшими болотами, ростовчане не так часто получали новости извне, и появление каждого нового лица вызывало у них оживление и интерес, желание вызнать как о самих пришлых, так и о том, что делается в отдаленных пределах. Оттого-то, когда вкушающие утопили первый голод, Аудун сам обратился к Стрелку и его жене, пригласив их сесть поближе к нему, на крытых сукном ступенях у подножия главного сиденья. Это означало, что гостям полагается рассказать о себе и потешить вестями собравшихся.

Первым говорил Стрелок: о далеком племени дрегвы рассказал, обитающем в болотистых лесах на Припяти. Потом как встретил среди днепровских варягов свою Свету и вместе с ней подался на службу к князю вятичей. О вятичах местные были наслышаны, но с удовольствием внимали рассказу, как Стрелок служил у князя Держимира, как ходил с ним в степные дозоры и схлестывался с хазарами. О хазарах в Ростове знали как об опытных торговцах, но относились к ним с неким предубеждением, будучи наслышаны, насколько те опасны, когда отправляются в набег. Стрелок же преподнес все так весело, что выходило, будто схватки со степняками – сплошная забава, а удальцы-русы лихо гоняют копченых³⁶, ибо заломить хазарина для них столь же просто, как свалить в лесу волка-одиночку. Он и сам получил в награду драгоценный пояс за сбитого стрелой с коня хазарского хана. Так что они показывали хазарам, как лихо приходит.

³⁶ Копченными русы называли степняков как из-за смуглости тех, так и из-за обычая коптить оружие и стальные пластины доспехов, чтобы те не блестели на солнце и не выдавали на открытом пространстве их местонахождение.

– То-то теперь те же вятичи дань вызвались платить хазарам копченым, – сурово отозвался со своего места Путята, на что Стрелок промолчал: что ж, так оно и вышло, что вятичи подчинилась хазарам.

Потом пришлые опять тешили хозяев историями о жизни в других краях. Поводами и о традициях в племени муромы, где одно время им пришлось жить. И опять же с их слов все выходило так забавно, что ростовчане не переставали дивиться, слушая, как у муромчан по обычаю жених похищает перед свадьбой понравившуюся девушку, а друзья-молодцы, помогавшие ему, тешатся с ней по очереди. И только потом жених приводит избранницу в свой дом. Подобное легкомыслие в Ростове не одобряли, ибо тут куда строже следили за честью рода – чтобы и договор был, и родня согласовала выбор молодых.

Далее разговор коснулся племени дикой голяди, через земли которых путникам пришлось пробираться к Ростову. Вот уж действительно дикое племя! Ростовчане, конечно, знали, что соседи их нелюдимо и непривычно живут, но им было забавно послушать, какие обряды творят голядские колдуны-шаманы. Женщины краснели и фыркали, когда Стрелок с живостью описывал, как шаманы мочатся на деревья вокруг селения, обозначая свою территорию, будто волки лесные. Мужчины же пополам сгибались от смеха, слушая о том, как глава голядского воинства перед походом бегаёт за курицей, предназначенной для заклания на алтаре. По тому, как скоро он догонит перепуганную птицу, зависит, удачен ли будет поход. При этом, добавил Стрелок, все остальные только наблюдают за погоней, сохраняя самый серьезный вид, и никто не смеет вмешиваться.

Короче, смеху в этот вечер в доме Большого Коня было предостаточно. Гости оказались отменными рассказчиками и всех развеселили. Смех стал стихать, лишь когда Аудун поднял руку и спросил:

– Теперь я хотел бы узнать о родне твоей жены, Стрелок. Для нас, живущих вдали от Норе́йг, это всегда важно. Может статься, что мы знаем кого-то из ее рода, и нас сводила судьба с ее близкими людьми. И если таковые отыщутся, то и Свете, и тебе только больше почета у нас будет. Так что пусть теперь женщина нашего племени поведает, откуда ее корни.

Веселая улыбка Стрелка при этих словах потускнела, и он невольно сжал руку жены, словно хотел избежать этой темы. Однако Света, чуть улыбнувшись мужу, смело выступила вперед.

– По крови я только наполовину принадлежу к племени варягов, благородный ярл. Моя мать, славянка. Она была пригожа и из хорошей семьи, так что мой отец нашел ее достойной соединиться с ним в браке.

– Это не диво. Немало мужей из Норе́йг сходятся с местными женщинами. Я сам тому пример, да и мой сын Асольв доволен своей женитьбой. Однако скажи нам, Света жена Стрелка, каково было имя твоего уважаемого отца?

Света немного помолчала, потом произнесла:

– Его звали Кари из Раудхольма. И он носил прозвище Неспокойный.

Стрелок чуть вздрогнул при этом, взглянул на Аудуна, и увидел, как тот шевелит светлыми бровями, обдумывая что-то.

– Клянусь рукоятью своего меча, что это имя мне знакомо! – сказал наконец варяг. – Это был известный герой. Я как-то встречал его на тинге³⁷ в Норе́йг. С ним еще был его сын-подросток, Гуннар, если мне не изменяет память. Так?

Света посмотрела прямо в глаза ярлу и согласно кивнула.

– У тебя очень хорошая память, ярл Аудун. Это было давно, а ты все помнишь... Скорее всего, ты встретил Кари Неспокойного и моего сводного брата Гуннара, когда они покидали

---

³⁷ Тинг – собрание свободных людей, где решаются спорные вопросы и создаются новые законы.

те края. А после прибытия на Русь Кари служил у одного прославленного днепровского князя. Ты знаешь об этом?

Она произнесла это как-то странно, с едва уловимым вызовом. Аудун ответил:

– Я, конечно, чту твоего отца, златовласая яблоня пряжи, однако у меня нет возможности знать о судьбе всех, кто когда-либо встречался на моем пути. Но, думаю, ты сама поведаешь мне о Кари Неспокойном.

– Он встретил безвременную кончину в Гардар. Он в то время служил у известного князя Эгиля Золото. Ты должен знать о нем.

Пока Аудун задумчиво вращал обручье на руке, силясь припомнить, неожиданно раздался голос Путяты:

– Я слыхивал о богатом и знаменитом Эгиле Золото и знаю, что он был едва ли не ближайшим другом самого Олега Вещего. Так ли?

– Так, – подтвердила Света и прижала руку к груди, словно удерживая бьющееся сердце. – Кари Неспокойный служил у Эгиля, пока его не настигла разбойничья стрела. Но это случилось, когда я была совсем ребенком, поэтому мне больше нечего сказать.

– Ну а о своем брате Гуннаре ты можешь поведать?

Девушка кивнула.

– Мой брат Гуннар... Мы долгое время были с ним очень дружны, но потом поссорились. Знаю, что он тоже погиб.

Голос ее неожиданно стал срываться и Стрелок поспешил жене на выручку.

– Лучше меня спроси, пресветлый ярл. Ведь я одно время служил в хирде Гуннара Карисона и знаю, как он сложил буйну голову. Его, как некогда и Кари Неспокойного, поразила стрела. Я сам... видел это³⁸.

Аудун медленно огладил рукой роскошную светлую бороду.

– Что ж, каждый по-своему находит свой путь в чертоги Валгаллы³⁹. Однако сдается мне, что я был не очень учтив и разволновал тебя, солнечная липа пряжи⁴⁰. Да и не гостеприимно так долго утруждать вас расспросами, учитывая, что вы с дороги, а время уже позднее.

После этого он поднялся, давая понять, что пора готовиться ко сну.

Заботливая Гуннхильд повела гостей к боковуше, отодвинула заслонку и, откинув тканый полог, указала, какая удобная постель их ждет. После этого она пошла вслед за отцом, который прощался с гостями. Посадник Путята уезжал со своими людьми, а Нечай оставался на ночь с женой. Но Усмар, который, как надеялась Асгерд, тоже останется, неожиданно заявил жене, что не станет спать с ней, пока она не смирится и не поедет в их общий дом.

– Сдается мне, – тихо произнесла молодая женщина, – что ты больше почета проявляешь ко мне, когда я под отеческим кровом, а не в твоём богатом доме.

– Ты вольна выбирать, – ответил Усмар и, направившись к двери, накинул на плечи свою большую соболью шубу. Он оглянулся всего лишь раз, но не на Асгерд, а в сторону боковуши, где укрылась с мужем приезжая красавица. И от этого на сердце Асгерд стало совсем плохо.

Гуннхильд украдкой наблюдала за сестрой.

– Хочешь, я скажу отцу, чтобы он освободил тебя от постылого брака?

Асгерд опустила глаза и отрицательно покачала головой.

– Нет. Я люблю своего мужа и сама его выбрала. И я жду от него ребенка.

Гуннхильд вздохнула. Что ж, красавицу Асгерд не единожды упреждали, что Усмар будет неподходящим для нее супругом. Но та хотела только его.

---

³⁸ Об этих событиях рассказывается в романе «Светорада Золотая».

³⁹ Валгалла – небесный чертог, где обитают боги скандинавов и где вечно пируют души погибших в бою храбрецов.

⁴⁰ Женщина (*кенинг*).

Вскоре в большом доме стало относительно тихо. Относительно, если учесть, сколько домочадцев улеглось тут на лавках вдоль стен и в задвинутых заслонками боковушах. В ночном сумраке то и дело слышались вздохи, какая-то возня, шорохи, порой негромкое хихиканье или кашель.

Стрелок раскинулся на своем покрытом шкурами ложе и силился в полумраке разглядеть отодвинувшуюся к стене Свету. Она лежала тихо-тихо, но по ее дыханию он угадывал, что она не спит. Медленно протянув во тьме руку, Стрелок погладил волосы жены. Очень мягкие и шелковистые, они так и заструились под его рукой. Тогда он придвинулся, обнял ее, легонько поцеловал в плечо.

– Ладно мое, княжна Светорада.

Только наедине, когда их не могли слышать, он решался назвать жену ее настоящим именем. Ибо на самом деле она была дочерью могущественного смоленского князя Эгиля Золото и некогда просватанной невестой Игоря Киевского. Стрелок похитил красавицу Светораду с ее согласия прошлой осенью и прожил с ней в ладу и согласии эти полгода, пока они скитались по дальним пределам, уезжая все дальше и дальше, чтобы никто не признал в его прекрасной жене смоленскую княжну. Узнай их кто – и это повлекло бы за собой разлуку, а то и гибель. Ибо они совершили неслыханное, сбежав из Киевских земель, из-под власти самого Олега Вещего и его воспитанника, молодого князя Игоря.

Светорада едва слышно всхлипнула, повернулась к мужу и обняла.

– Когда о родне расспрашивали... я так испугалась...

– Да ну? А я думал, моя Светка ничего не страшится. Ведь ты прекрасно справилась, даже мавка⁴¹ лесная не смогла бы так сплести правду и ложь, чтобы все выглядело былиной, а не сказом надуманным.

– В самом деле? – встрепелась Светорада, и по ее голосу он понял, что жена улыбается.

– Ты моя разумница. И то, что назвала своим отцом ярла Кари Неспокойного, тоже верно. Кто знает, где носило этого оглашенного по Руси, мало ли с кем он мог соединить свою судьбу. А Гуннар...

– Пожалуйста, Стемид... – тихо взмолилась Светорада Смоленская, тоже назвав мужа его прежним, настоящим, именем. – Пожалуйста, милый, не говори о нем.

Стемид, или, как его называли раньше, Стема Стрелок промолчал. Он сжимал Светораду в объятиях, держа у груди свое самое ценное сокровище, и чувствовал, как гулко бьется ее сердце. Ему надо было успокоить жену, отвлечь от горестных дум, и он, не зная, как лучше это сделать, начал целовать ее. Светорада поначалу никак не отвечала на его ласки. Ее губы послушно и бестрепетно раскрылись навстречу его губам, она спокойно ощутила, как его рука скользнула по ее щеке и стала опускаться по шее, тут же зацепившись за тонкую золотую цепочку с кулоном.

– Ой, порвешь...

Стема засмеялся в темноте. Княжна очень дорожила этим украшением, по сути последним, что осталось от ее некогда неслыханного богатства самой завидной невесты на Днепре. Светорада считала, что это ее оберег, и никогда не расставалась с граненой каплей яркого рубина в оправе из искусно сделанных лепестков. Она прятала его под одеждой, ибо жене простого воина подобную роскошь носить не пристало. Хотя... чего там! Русские воины любили украшать своих жен. Но Светорада все равно прятала ото всех этот давний подарок, словно он мог выдать, с каких вершин она сошла ради свободы и любви.

– Княжна моя, – прошептал Стема у самых ее губ и поцеловал – сперва легко и медленно, потом все более настойчиво. Он часто задышал, проникая языком в ее рот, и Светорада вздрогнула, сама обняла его, прижалась всем телом.

---

⁴¹ Мавка – лесной дух в облике красивой девушки. Любит пошутить и поморочить головы путникам.

От нее пахло березой, мятой и теплом, ее кожа была, как шелк, а волосы рассыпались, скользя по обнаженному телу. Стема упивался ее нежностью, ее пробуждавшейся страстью. О, она умела уступать!.. Он это знал и распалялся до дрожи. Но он никогда не брал ее с поспешностью. Даже когда скучал по ней. Вот и теперь он уже успел соскучиться. Дорога через лес, волнение, примут ли их в Ростове, суeta, незнакомые лица, расспросы... От всего этого можно было уйти только к ней, только в нее...

Он нежно целовал жену, легко касаясь губами ее подбородка и спускаясь по нежной шее до ключицы. Светорада дышала все глубже, откинув голову; ее руки лохматили ему волосы, порхали по спине, ощущая игру сильных мышц. Он чувствовал жар прильнувшего к его груди тела и твердость ее сосков. Когда он склонился к одному из них и сомкнул губы вокруг этого нежного бутона, Светорада не смогла сдержать стон и тут же зажала ладошкой рот, пугаясь, что их услышат. Но Стема лишь негромко засмеялся, вновь целуя ее. Он знал, что в любви Светорада несдержанна, но ему сейчас не было дела до того, услышат ли их... Ему хотелось ласкать ее, чтобы довести до страстной беспечности, чтобы она уже не могла ждать...

Светорада отзывалась на ласку. И сама уже сжимала сильное тело мужа. Задыхаясь, она придвинулась вплотную, словно хотела протиснуться под него. Стема понял: она готова принять его. Они слились и замерли на какой-то миг, наслаждаясь чувством единения.

– Ты со мной, Стема...

– Я твой. Я люблю тебя, Светка.

Их движения сперва были медленными, плавными и глубокими. А потом пошло нарастание. Света выгибалась и тянула его на себя, а он яростно напирал, погружаясь в ее жаркое податливое лоно. Приподнявшись на локтях, Стема хотел разглядеть ее в темноте – растрепанную, слабую и горячечную одновременно. Он знал, какая она шальная и нетерпеливая, когда бьется под ним.

А потом, когда Светорада выгнулась в его руках, напрягшись в порыве сближения, Стема лишь успел прижать ее голову к своему плечу, когда она вскрикнул и затрепетала под ним. У него больше не было сил сдерживать себя, его сознание затуманилось, и он унесся за ней в слепящий мир радости, который они так щедро дарили друг другу.

Потом они лежали, переводя дыхание, и улыбались друг другу в темноте.

– Мы никого не разбудили? – хихикнув, спросила княжна.

– Нет, конечно. Вон как кто-то храпит. До нас ли им...

Он перевернулся на спину, протянув руку, чтобы она могла положить ему на плечо голову, устроиться подле него, под его защитой, в его близости. Ему так нравилось оберегать и согревать ее, а она любила ощущение надежности рядом с ним. Пусть они жили в постоянной опасности быть раскрытыми, пусть им пришлось терпеть лишения и неудобства, однако они были друг у друга, а это так много! До бесконечности много...

Дыхание Светорады вскоре успокоилось, стало ровным. Она уснула. Стемиду было приятно ощущать тяжесть ее головки на своем плече. Он тоже мог уснуть, утомленный и счастливый. Однако через миг Стема открыл глаза, стал смотреть во мрак.

Может, его обеспокоили вопросы варяга Аудуна? Или вынуждала задуматься о дальнейшем новизна места? Так или иначе, но сон ушел от него. Вместо него пришли воспоминания...

Казалось, это было в какой-то иной жизни. Светорада – в сиянии блеска, богатства и своего знатного положения – стояла на высоком крыльце смоленского терема, и сам Олег Вещий соединял ее руку с рукой своего воспитанника Игоря. Стемка же был далеко от них, сидел за длинным пиршественным столом и не испытывал к заносчивой Светораде ничего, кроме неприязни... Однако, глядя на нее, он чувствовал в себе неясное томление и неожиданное

для него самого восхищение. В то время отношения этих двоих были настолько непросты, что порой казалось, будто их запутали вещие вилы⁴², прядущие людские судьбы.

Это был сложный период для Светорады и Стемида. Но, видимо, сама Лада⁴³ поворожила над ними, раз, несмотря на ссоры и перепалки, неожиданно стал разгораться жар, который однажды бросил их в объятия друг другу. А до этого были ошибки и предательство, непонимание и обида. Стема не догадывался, что княжна думала о нем больше, чем о своем прославленном женихе, хотя ни для кого не было секретом, что такие ладные и пригожие Игорь и Светорада, попросту не могут ни на чем сойтись и их отношения становятся все тягостнее. Казалось, они были устремлены не друг к другу, как обязывало их обручение, а в разные стороны. Игорь при первой же возможности покинул Смоленск, и оба были только рады этой разлуке перед свадебным пиром. Потом Светорада осиротела, и, пользуясь смятением смолян, оставшихся сразу без князя и княгини, юную княжну похитил воспитанник ее отца, Гуннар Карисон, которого сегодня она так смело назвала своим братом. Причем помог ему в этом именно Стема, мечтавший тогда вступить в дружину викингов и уплыть с ними за моря, что и было ему обещано за помощь в похищении. А потом... Потом Стема понял свою ошибку и убил Гуннара. А прибывший за невестой Игорь увез княжну в Киев.

Светораде предстояло стать его женой, но при условии, что она откажется от своих прав на Смоленск, который по завещанию ее родителей должен был стать приданым их дочери, ее защитой и силой. Олег Вещий и Игорь думали об этом иначе. Им не нужен был вольный город со своими правами и своей княгиней. Даже братья Светорады, Ингельд и Асмунд, покорились воле киевских князей. И уж совсем никто не ждал, что слабая юная девушка откажется подчиниться воле правителей. Однако что она могла сделать в одиночку? Скорее всего, ее все равно принудили бы смириться и тогда участь Светорады была бы незавидной. Вот тогда Стема похитил красавицу княжну с помощью Ольги Вышгородской. Ольга сама была заинтересована избавиться от соперницы Светорады и помогла беглецам. Темной ночью влюбленные ушли по реке, не оставив следов, и канули в небытие водного пути. А потом...

Стема вздохнул, вспоминая, что было потом.

Два дня они плыли по реке Десне, опасаясь приставать к берегу, таясь в тени нависавших над рекой деревьев, забивались в камышовые заросли, едва слышав вдали звук уключин идущих по Десне кораблей. Светораду искали, это было так же ясно, как и то, что Перун велик. Вскоре беглецы решили уйти с реки, где постоянно ходили ладьи, а по берегам то и дело возникали вышки княжеских градов. Стема набил из лука уток в заводи и в ближайшем селении обменял их на простую одежду из сермяги⁴⁴ для Светы. Он решил обрядить ее пареньком, спрятав нежное тело девушки под грубой рубахой и портами, а бросавшиеся в глаза золотые кудри – под низкий войлочный колпак. Богатые же одежды княжны разрезал на полосы и, обмотав ими камень, утопил в темной трясине болота.

Беглецы уходили все дальше и дальше в леса. Передвигались они только ночью, пока не оказались в местах, где их не настораживала каждая движущаяся по дороге подвода, отряд витязей или местная молодежь, гуляющая в рощах вокруг поселений. И если поначалу им приходилось под покровом ночи воровать на огородах репу и капусту, а то и связку подвешенной для просушки рыбы, то в лесу Стема уже мог позволить себе развести костер, жарить над огнем сбитого стрелой тетерева или варить в обмазанном глиной туеске собранные под корягами грибы. Год выдался грибной, все стежки-дорожки пропитались его духом, да и ягод тоже хватало в зарослях, так что путникам было чем подкрепиться. А переночевать они могли в шалаше или, если везло, укрывались в лесной заимке бродячих охотников.

⁴² Вилы – судьбоносные пряжи, прядущие для каждого человека его особую нить жизни.

⁴³ Лада – богиня любви, покровительница семьи.

⁴⁴ Сермяга – простая грубая ткань.

Стема терзался чувством вины. Вот ведь, сорвал белую лебедушку, затащил в чашу, увел в дальние боры и комариные болота, заставил пробираться через бурелом, чтобы увести неведомо куда... И когда однажды он робко завел разговор, что путь их не определен, что не лучше ли ему все же отвести княжну в родной Смоленск, она вдруг так и кинулась на него рысью, едва не расцарапав лицо. Светорада плакала и кричала, что женой думала за ним уйти, а он ее будто чужачку какую обхаживает и уже небось пожалел, что взял...

Этого даже Стемид не смог вынести. Повалив княжну на опавшую хвою, стал целовать, глуша ее крики и плач, пока наконец она не затихла и не обняла его.

Вот тогда-то они и поняли, что должны быть вместе, что все у них складывается и нет ни усталости от блуждания в дебрях, ни страха быть обнаруженными. Они словно клинок и ножны, созданные друг для друга умелым кузнецом, имя которому – Судьба.

А между тем уже подходил месяц желтень⁴⁵, ночами становилось все холоднее, начинало дождить, и Стема не на шутку встревожился, когда его милая стала прихварывать в пути. Она-то, конечно, храбрилась, шутила, проказничала: то запрыгнет Стемке на спину с поваленного дерева, то полезет целоваться измазанными соком лесных ягод губами, – однако в пути все больше уставала, глухо покашливала, а под вечер очередного дня просто осела под дубом, закрыв потускневшие глаза и тяжело забывшись. Стема уложил ее голову себе на колени и взмолился богам. А утром, не успел Стема еще и воду в горшке разогреть, чтобы напоить слабо постанывающую под шкурами девушку, как из зарослей к ним вышел волхв.

То, что перед ним стоит слугитель богов, не вызывало у Стемы никаких сомнений. У старца была длинная борода, на поясе висели амулеты, в руках – длинный посох с резной совой на набалдашнике, а в глазах – глубинная мудрость. Волхв почти не обратил внимания на засуетившегося парня, не отвечал на его вопросы и даже, казалось, не заметил того, что Стема схватился за рукоять ножа при его появлении. Старец просто подошел к Светораде, положил узловатую темную ладонь на ее чело, прислушался к ее хриплому дыханию, оглядел покрытое бисеринками пота лицо и, оглянувшись на Стемида, укоризненно покачал головой:

– Совсем замучил девку, недотепа. А ну-ка возьми ее и следуй за мной.

Оказалось, что невдалеке располагалось жилье волхва – покрытая корой полуземлянка, притаившаяся среди векового бурелома, будто нора зверя. Зато внутри было вполне уютно: бревенчатые стены увешаны шкурами, на полках какие-то крынки, земляная лежанка устлана сухой травой и накрыта вполне чистыми меховыми полостями, а по центру, под вытяжкой, – очаг на обмазанном глиной возвышении. Жить можно. Вот они и остались тут после того, как волхв напоил девушку каким-то отваром, намазал снадобьями и, тепло укутав, наказал не тревожить, чтобы она набиралась сил. Сам же отправился в лес, так и не ответив на вопросы Стемида.

Старик приходил еще несколько раз. Однажды принес какую-то мутную жидкость, от которой исходил неприятный запах, и, сообщив изумленному Стеме, что это собачий жир, велел поить им Светораду. А потом явился со шкурами и посоветовал парню сшить для себя и жены теплые одежды, ибо, несмотря на ясные дни, пора было готовиться к холодам. Тыкая иглой в проделанные шилом отверстия, Стема что-то кроил, сшивал, пока наблюдавшая за ним Светорада не сказала, чтобы он отдал ей свое рукоделие, и принялась за шитье сама. Силы-то уже понемногу возвращались к ней.

Как только Светорада стала подниматься, волхв как будто и вовсе забыл о них.

Так они и прожили какое-то время, пока в лесу не поблекли богатые краски осени и не пришло ненастье с туманами и повисшей в воздухе моросью. Все вокруг предвещало скорый приход Морены-Зимы. Вот тогда-то волхв появился снова. Светорада в тот день была одна на хозяйстве, поэтому испугалась, увидев лохматого длиннобородого деда, возникшего на пороге.

---

⁴⁵ Желтень – октябрь.

Тот, окинув все строгим взглядом, остался доволен. В его жилище царил порядок: земляной пол подметен, шкуры на лежанке разглажены, а в котелке над очагом булькало вкусное варево из дичи. Светорада, помня, что тут они только гости-постояльцы, стала торопливо объяснять волхву, что, дескать, муж на охоте и кудесник, ожидая его, может подкрепиться ее стряпней.

Волхв не отказался, молча ел, а затем даже жмурился от удовольствия – настолько удалось княжне горячее варево, приправленное корешками и брусничной выжимкой.

Когда вернулся Стема, он застал жену и старика мирно беседующими. Волхв и княжна даже посмеивались чему-то, обсуждая повадки зверей. Стема только подивился, что угрюмый лесной дед так весел и говорлив, хотя и знал, что его ладу не зря назвали Светорадой: был у нее дар любому прийти по сердцу и одарить добросердечием и приветливостью, отчего даже самое хмурое чело разгладится. Однако приход Стрелка, заставшего лесного ведуна хихикающим с молодой женщиной, похоже, смутил волхва.

– Вот что, дети мои, – изрек дед, – я не жаден до крова, мог и дальше вас гостями тут оставить. Да только вы не лесные люди – мне и в воду глядеть не пришлось, чтобы понять это. Вам нужно жить среди людей, а лес оставить духам и волхвам. Завтра я укажу место, откуда лесная тропа поведет вас дальше. Идите по ней, пока не достигнете кургана, могилы родовой, подле которой высится мощный столб покровителя небес и людских ремесел Сварога славного. Положите у изножия столба требу⁴⁶, – сказал волхв, кивнув на сброшенную Стемой у порога подбитую лань, – потому как Сварог к оленинке очень охоч. А как бог примет подношение, идите за его тень, чтобы, переступив на зорьке между тени, оказаться уже в землях племени вятичей. Вот и пробирайтесь к большой реке Оке, спросите там князя Держиитра. Сейчас как раз прошла Макошина неделя⁴⁷, Держимир Вятический только свадьбу отгулял, потому счастлив и весел. Думаю, примет он вас по-доброму. Ты, – произнес волхв, ткнув пальцем в грудь Стемида, – воин, а такие Держимиру нужны. Ну а тебе, красавица, от меня подарок. Примерь. И пусть все думают, что ты из племени вятичей.

Он протянул Светораде рубаху, вышитую знаками Дажьбога⁴⁸ – спиралями, кругами посолонь, – и клетчатую юбку-поневу, какие носят в племени вятичей.

Так судьба влюбленных была решена. Да и племя вятичей, неподвластное Руси и киевским князьям, живущее своим миром и своей жизнью, вполне могло стать родным и для них.

На другой день волхв явился проводить их. Они ждали его, и, едва он приблизился, молодые люди, взявшись за руки, вместе шагнули навстречу. Стема сказал:

– Мы тут в лесу совсем счет времени потеряли, но ты напомнил нам о Макошиной неделе, когда люди объединяются в семьи. Вот и подумалось нам: не совершишь ли и над нами обряд? Мы живем вместе, как муж и жена, но небеса не будут к нам милостивы пока такой, как ты, не произнесет заветное слово над нами.

Волхв выполнил их просьбу. Был стылый туманный день. Стема и Светорада стояли, соединив руки, и слушали положенные в этом краю брачные слова. После того как они произнесли свой обет, их лица засияли, будто озаренные солнцем.

Когда прощались с волхвом, Светорада осмелилась спросить:

– Как твое имя, вещий человек?

Это был дерзкий вопрос, и девушка поспешно пояснила, что старик, дескать, первый, кто помог им, от него они видели только добро, а потому она хочет назвать своего первенца его именем. Однако кудесник ответил странно. Окинув взглядом тонкую девичью фигурку

---

⁴⁶ Треба – ритуальное жертвоприношение.

⁴⁷ Макошь – главное женское божество славян, богиня плодородия, покровительница женской судьбы и всех женских работ. Макошина неделя – время между последней пятницей октября и первой пятницей ноября, период сватовства и свадеб.

⁴⁸ Дажьбог – божество плодородия, природы, хорошей погоды и всяких людских благ, покровитель свадеб и брака.

Светорады, он сказал, что ей еще нужно постараться выносить этого сына, а имя сами боги подскажут. И еще добавил задумчиво:

– Ты хоть и хрупкая, но судьба у тебя сильная. Вскоре тебе предстоит познать ее силу. Однако мне ясно: ты сильнее судьбы твоих врагов, сколько бы их ни встретилось на пути. Правда, каждый из врагов... будет любить тебя! – закончил он неожиданно.

Эти слова озадачили Светораду. Весь остаток пути она была тиха и задумчива.

Позже, как и предрекал лесной волхв, князь Держимир Вятический принял Стему в дружину с полагавшимся на воинской службе содержанием. Однако их радужные надежды истаяли, когда стало известно, что к Держимиру из Киева должно было прибыть посольство. Вятичи, терпевшие поражения от хазар, платили им дань, киевские же правители обещали, что смогут помочь избавиться от дани, если их власть примут. И хотя еще неведомо было, придут ли к союзу вятичи с днепровской Русью, беглецам стало ясно: никто из Киева их не должен тут увидеть.

Влюбленным вновь пришлось пуститься в бега и нестись по земле, словно сорванному с ветки листу. Они двинулись в самую распутицу, когда кони спотыкаются на подмерзшей грязи, а санного пути еще нет. Благо, что сперва им удалось пристать к ватаге, отправившейся на охотничий промысел в земли муромчан. Однако остаться там они не решились: уж больно настойчиво присматривался к Светораде вождь муромы. Зато в племени голядь они могли бы укрыться, благо, что те от иных народов держались в стороне, однако и на пришлых смотрели недоверчиво и мрачно. Светорада первая стала побаиваться этих полудиких жителей, да и Стема среди них не по себе было. Поэтому, разведав о поселении словен в Ростове на великом озере Неро, они собрали вещички – и в путь.

И вот теперь они нашли новый дом.

Стема прислушался к спокойному дыханию жены. Она была его радость, его подруга и любовь. Раньше он и представить не мог, что в жизни бывает такое счастье. Они понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда, они всегда ценили свое счастье и готовы были на все, только бы сохранить его. Стема очень уважал жену за то, что, как бы ни приходилось туго, Светорада никогда не жаловалась и не хныкала, не кляла долю свою за то, что отказалась от спокойной и благополучной жизни ради того, к кому позвало сердце. И все же Стема понимал, что не будет ему покоя, пока он не создаст для жены достойного положения, чтобы она не знала лишений и страха, чтобы ни в чем не нуждалась.

Длинный дом варяга Аудуна по-прежнему был наполнен дыханием спящих людей. Угли в очагах уже прогорели, становилось прохладнее, но в темной боковуше под медвежьей шкурой Стема блаженствовал, обнимая спящую жену.

Однако едва он погрузился в дрему, как его разбудили приглушенные взволнованные голоса. Послышалась возня, кто-то торопливо встал, разжег пламя в очагах. Потом послышался вскрик, перешедший в глухой затихающий стон.

У молодой жены Аудуна начались роды.

Глава 4

Руслана родила сына – здорового, крепкого мальчишку, такого огромного, что просто дивно, как он вышел из маленькой хрупкой матери, не причинив ей особого вреда. Повитухи посоветовали Руслане отнести богатые требы Роду и роженицам⁴⁹ за столь счастливое избавление от бремени.

Ребенок уродился смугленький и темноволосый.

– Наша порода, – заявил Путята, увидев внука, и его суровые глаза увлажнились.

Аудун по обычаю окропил сына водой, приложил к нему свой меч, заявив, что сделает из своего младшенького настоящего воина, а потом вынес ребенка к людям. Имя же сыну позволил дать посаднику – это было и уважение, и верный признак расположить к себе тестя. Путята просиял, назвав внука на славянский лад – Взимок.

В честь рождения ребенка и благополучного исхода родов у жены Аудун закатил пиршество на несколько дней. Это позволило Стеме и Светораде побыть какое-то время вместе, но после празднества воевода Нечай отвел Стрелка в детинец. Нечего под боком у жены отлеживаться, пусть послужит, а там, если проявит себя, и на побывку отпустят.

Нечай уже знал, как поступить с новым гриднем. Несмотря на то что парень был молод и новичок в Ростове, воевода оценил его воинский опыт, как иной кузнец по крице-заготовке определяет, какой клинок из нее получится, и не намерен был держать Стрелка на вторых ролях. Вот Нечай и определил пришлого десятником, причем дал ему под руку наиболее нерадивых и неопытных воинов.

Подчиненные Стемы, конечно, не возрадовались, что их отдадут под команду чужаку. И хотя уже знали, что он и из лука бьет отменно, и на копьях самому Скафти не уступил, все равно пришлый не казался им значительным: и ростом не вышел, и молоко еще на губах не обсохло. К тому же Стрелок больше походит на бродягу и смотрится простым уным рядом с подчиненным ему воином Власом – давним дружинником ростовского войска, прибывшим сюда из самого Новгорода и не одну зиму прожившим в детинце ростовском. Однако Влас удержался тут не из-за какой-то особой лихости, а как раз, наоборот, умением не высовываться. Причем воинская выправка и добротное вооружение Власа указывали, что он был не из бедного новгородского рода – его секира с богатой посеребренной насечкой на топорщице могла и князю подойти, однако Влас нечасто пускал ее в дело, хотя и носил с таким важным видом, что вызывал у окружающих желание поклониться ему в пояс.

Стема сразу же обратил внимание на этого Власа, когда подвластный ему десяток выстроился за дружинной избой, в стороне от других упражняющихся на майдане⁵⁰ кметей. Воевода Нечай, представив нового десятника подчиненным, сказал, обращаясь к парню:

– Вот твои соколики. Справишься – пошлю на объезд по реке Которосли. Мне лишний отряд умелых витязей как раз кстати будет. Ну а не совладаешь – подумаем еще, как поступить с бывшим воином Держимира Вятического.

Стема разглядывал своих подопечных. Пятеро явно из мерян – невысокие, скуластые, носы широкие, а полушубки у всех с меховыми башлыками. Оружие у мерян плохонькое, у одного даже обычная дубина с кремневыми вставками вместо привычных стальных шипов. Остальные пять славянского корня, но ясно, что не самые ярые: воинской выправки у них явно не хватает, доспехи так себе, стегачи⁵¹ не штопаны, ветошью и лохмотьями висят, оружие не

---

⁴⁹ Род – божество брака, покровитель людей и семьи у славян; роженицы – помощницы Рода, приносящие людям детей, благополучие в семье, хранящие семьи от болезней.

⁵⁰ Майдан – здесь: открытое пространство между избами в детинце, воинский плац.

⁵¹ Стегач – защитный доспех в виде рубашки из нескольких простеганных слоев льняной ткани, часто с набивкой из пакли.

наточено, у луков даже тетивы скинуты, будто лук – это простая палка. Ну и горделивый Влас с ними. Этот вообще смотрел на нового десятского, как на недоразумение мельтешащее.

Стема начал общение с подчиненными с выговора: дескать, воями⁵² они не особо смотрятся – таких не то что набежчику одолеть, простому мужику с маломальской сноровкой ничего не стоит обломать. Потом Стема отправил троих в кузню ровнять клинки, иным приказал нашить бляхи на кожаные безрукавки, а Власа заставил спрятать подальше в сундук длинный бобровый опашень⁵³ и обрядиться в простой колушок, в каком сподручнее будет упражняться на стрельбище. На стрельбище же он повел их сразу, как только тетивы были натянуты на луки и раздобыты заваливавшиеся под лавками тулы⁵⁴ со стрелами. Заставил упражняться, и вскоре мишени и стоявшие за ними стенки частокола были сплошь утыканы стрелами, как ежи. Не уступил, когда один из воев заругался, что рук уже не чувствует, а Влас рев поднял, возмущаясь, что его, ростовского удалого кметя-секироносца, к луку приставили, как мерянку-охотницу из лесов.

– Я воин, а не мерянин, который у бобров разрешения на выстрел испрашивает. А ты меня... Эх, ты удаль мою лучше с секирой проверь.

– Удалю ты еще сможешь похвалиться, – спокойно отозвался Стрелок. – А пока мне сдается, что секира твоя не так хороша, как подобает побывавшему в сече оружию. Ну а что до мерянского обычая просить у бобра позволения убить его... Меряне, они бобров чтят по древнему обычаю, а вот ты, даже если бы лесные строители плотин и позволили тебе сбить какого из них стрелой, вызвал бы только смех, потому как неумелый стрелок.

И Стема указал на торчавшие в тыне за мишенями стрелы с щегольским красноватым оперением – все из тула Власа были. Так и сбил он спесь с важного новгородца, а заодно похвалил мерян, оказавшихся неплохими стрелками. Может, именно поэтому кто-то из них решил помочь новому старшому, когда Влас задумал лихое против молодого десятника. Уже после вечерней трапезы, когда Стема собирался идти в оружейную избу да проверить, как подчиненные хранят обмундирование, к нему подошел Кима и, отозвав в сторонку, шепнул, что просили предупредить свои, будто нового десятника ждет «темная». Ну чтобы не зарывался шибко. И Кима многозначительно кивнул в сторону оружейной избы.

Стема только кивнул и неспешно отправился туда, где его ждали. В местах, где он служил ранее, зарвавшихся воинов порой наказывали, ну и тут, видать, те же порядки. Поэтому он прихватил с собой фонарь, в котором за роговыми пластинами светил огонек свечи. По дороге вспоминал, что ранее видел в оружейной: лари с доспехами вдоль стен, развешанное на бревенчатых стенах оружие, тяжелая балка-матица вдоль всего строения.

Когда Стема вошел и за ним поспешно захлопнули дверь, он перво-наперво отбросил фонарь, а сам, успев в потемках лягнуть кого-то подкравшегося сзади, ловко подпрыгнул и ухватился за низкую матицу⁵⁵. Подтянулся, взобравшись на нее, и замер, слушая, как напавшие тузят друг дружку во тьме. Хекают от злости и боли, ругаются приглушенно, валяются. Звуки ударов и возня внизу были нешуточные, но Стема не стал ждать, пока нападавшие разберутся, что к чему, и пробрался по брусу матицы к узкому окошку под стрехой, выюном извернулся и вылез наружу. Уходить не стал, а присел на крылечке в ожидании, когда возня за дверью прекратится.

Вскоре показались обходившие территорию детинца дозорные во главе с Нечаем. С факелами в руках они свернули к оружейной избе, заслышав там какой-то шум. Увидев спокойно сидевшего на крылечке Стрелка, который невозмутимо шурился на свет факела и негромко

⁵² Вой – воин в дружине, не дослужившийся еще до положения кметя.

⁵³ Опашень – длинная теплая одежда, с рукавами и распашная.

⁵⁴ Тул – колчан для стрел.

⁵⁵ Матица – потолочная балка.

насвистывал себе под нос, воевода кивнул кудлатой шапкой в сторону закрытой двери, из-за которой доносились звуки.

– Что там?

– Да меня, кажись, лупят, – с показным равнодушием ответил Стема.

Нечай долго соображать не стал, отворил дверь и осветил факелом раскрасневшихся и растерзанных воев, копошившихся на земляном полу. У кого-то из них щека была расцарапана, у кого-то кровь носом шла, кто-то сплевывал разбитые зубы. И все, тяжело дыша, растерянно смотрели на воеводу и стоявшего подле него невредимого Стрелка.

Нечай грубо выругался, недобро помянув чуров⁵⁶. Догадавшись, какому испытанию хотели подвергнуть назначенного им старшего, воевода напустился на незадачливых вояк:

– Вы что это удумали, кикимора вас щекочи? Вам однажды с ним плечом к плечу выступать, а вы вместо воинского побратимства вражду разжигаете? Да я вас жернова вращать посажу⁵⁷, горшки ночные выносить за всем отрядом...

– погоди, воевода, – миролюбиво остановил его Стема. – Видать, ты что-то не так понял. Я сам велел своим воям ловить меня в потемках, чтоб они поняли: умелого дружинника и десятком одолеть непросто. Вот теперь они уразумели – смотри, как разгорячились. Жаль только, что умения еще маловато. Ну да ничего, я их обучу, как противника в потемках валить. А это так... Для первой пробы.

Нечай-то не дурак был, все понял, однако только укоризненно покачал мохнатой шапкой и вышел. Стема же велел своим расходиться.

На другой день он вызвал их на майдан, сказав, что хочет померяться силами. Вои выглядели несколько смущенными после вчерашнего, но прощения не просили, а все больше на Власа косились. Тут и ворожить не надо было, чтобы понять, кто зачинщик и кого в первую очередь обломать следует. Вот Стема и вызвал Власа на единоборство, предложив померяться силами не на оружии, а в рукопашной. И заметил при этом, как у Власа и остальных вытянулись лица: новгородец рядом с пришлым выглядел как кряжистый дуб подле молодого тополя. И явно решили, что сейчас их Влас сомнет этого десятника, как девку на сеновале. Ну а вышло...

Влас размашисто занес пудовый кулак, метя Стрелку в голову, будто собирался первым же ударом вогнать в землю. Но Стрелок каким-то ловким движением перехватил его руку, рывком завернул назад и так толкнул воя в спину, что тот не устоял и рухнул на утоптаный снег.

– Давай еще, – сказал Стема, даже не сбившись с дыхания, будто и не было ничего.

Разъярившийся Влас, порывкая, бросился на Стрелка, но его сильные размашистые удары не только не задевали десятника, но даже не успевали застать того на месте. Сам же Стема, ловко изворачиваясь, то и дело наносил Власу быстрые и весьма болезненные тычки. Остальные вои даже покрикивать стали от восторга. А когда Стема вдруг легко вывернул Власу кисть, так что тот взвыл и осел на колени, молодой десятник спокойно объяснил, как делать залом, и предложил Власу самому попробовать такую безделицу на...

– Ну, допустим, на Глобе. – Он указал на коренастого рябого воина с перебитым носом, тоже, видать, драчуна и не новичка в рукопашной. Глоб следил за двубоем с интересом, даже движения стал повторять, чтобы лучше уяснить для себя некоторые приемы.

– Не так у нас дерутся, – потирая болевшую после заломы кисть, проворчал Влас. Однако едва перед ним встал Глоб, как Влас пошел на него наскоком, но... опять взвыл, потому что теперь уже Глоб ловко повторил на нем вывих кисти, перенятый у старшего.

---

⁵⁶ Чуры – духи предков.

⁵⁷ Тяжелая работа, за которую обычно сажали невольников.

Что ж, с двубоем у Власа сладилось не сразу. Только на третьем из поединщиков он смог повторить этот прием и даже спросил у Стрелка, так ли у него получилось. А Глоб потребовал, чтобы старшой еще чему-нибудь их обучил.

Когда через пару часов Нечай подошел поглядеть, как у них дело складывается, и остался доволен. Стрелок работал с воями умело, они его слушались, даром что взмокли на солнечно-холодном лютневом⁵⁸ морозце.

К вечерней трапезе изголодавшиеся и усталые вои Стрелка прибыли дружной ватагой. Нечай и это отметил. «Пойдет дело, – решил воевода. – Повезло нам с этим парнем».

Через пару седмиц⁵⁹ он даже отправил Стрелка с его десятком на медведя. Те справились скоро, завалив матерого зверя. Вечером в дружинной избе кмети лакомились разваренной медвежатиной, и добытчики наперебой рассказывали, как вышли к берлоге, как молодой мерянин Кетоша заостренным колом поднимал медведя, как тот выскочил из норы, но не встал на дыбы, а пошел на них «кабаном», на четырех лапах, и только пущенные молодым старшим стрелы принудили зверя в ярости встать на пятки... А там уж и Влас отличился, приняв зверюгу на рогатину. Правда, она некстати треснула, и, если бы Глоб не подоспел с топором... Ну да подоспел, и теперь они все лакомятся медвежатиной.

Нечай довольно стирал с усов медвежий жир, усмехался. Позже рассказывал посаднику Путяте, что Стрелок молодец, спаял-таки непокорных воев в крепкое копье. А на другой день сказал парню, что дает ему время сходить к жене.

Светораду Стема увидел, когда она шла с полными ведрами на коромысле. И подскочив, тут же забрал у нее тяжкую ношу.

– Думал ли ранее, что тебе так туго придется, княжна моя...

Светорада только шутила: гляди, милый, местные бабы тебя засмеют, мол, такой витязь и с коромыслом расхаживает. Стема отмахнулся: не засмеют, а своих мужиков пожурят, что те их так же не балуют. И только поставив полные ведра возле очага в большом доме Аудуна, смог наконец обнять жену, не смущаясь ничьих взглядов.

Их не беспокоили, и они долго сидели в боковуше обнявшись. Светорада так истосковалась за ним! Ростов-то не велик, однако Большой Конь Аудуна на одной стороне града, а дети-нец ростовский на другом. И хоть воины воеводы Нечая и варяги Аудуна беспрепятственно хаживали друг к другу, мельтешение баб между ними не приветствовалось. Поэтому Светорада узнавала про успехи мужа от случая к случаю, как и он о ней.

– Сказывали, будто тиун Усмар к тебе зачастил? – спрашивал Стема, ласково приглаживая выбившийся завиток на ее щеке жены. Спрашивал вроде о том, что волновало, но у самого глаза лучились от счастья, когда глядел на нее. – Так что, не докучает ли зарвавшийся приказчик моей радости светлой?

Она чуть прикрыла глаза, с удовольствием ощущая его ласку и заботу.

– Не докучает. С тех пор как Усмар узнал, что Асгерд в тягости, и забрал ее в свой терем, его в Большом Коне не больно-то привечают.

Рассказывать же Стеме, что Усмар так и находит способ негаданно встретить ее среди переходов в Ростове, Светорада не стала. Что ей Усмар? За ним ревнивая жена приглядывает, да и братья красавицы Асгерд не позволят приказчику разойтись. Не говорила Светорада и о том, что пригожий Скафти не сводит с нее сияющих глаз. Но Скафти честь блюдет, а что смотрит, не беда. Она привыкла чувствовать на себе восхищенные взгляды мужчин.

Зато Светорада с охотой поведала, что младший сын Аудуна, Орм, бегаёт за ней, как ручной олененок, даже берется помогать, несмотря на то что сыну викинга не к лицу вместе

---

⁵⁸ Лютень – февраль.

⁵⁹ Седмица – неделя, семь дней.

с женщиной вытряхивать шкуры и возиться, починая лопаску⁶⁰ ее прялки. А еще Светорада сдружилась с бойкой Вереной, женой Асольва, да и с Русланой у нее неплохие отношения – та даже позволяет Светораде пеленать сыночка.

– Славненький он такой, махонький. Я бы и сама такого хотела, – вздыхала бывшая смоленская княжна.

Стема на это ничего не сказал и девушка перевела разговор на другое. Рассказала, что в Большом Коне всем заправляет хозяйственная Гуннхильд, вот только Светораде ее стряпня не нравится. Каши с соленой треской, какие по наказу хозяйки готовили служанки, уже всем надоели. А еще Гуннхильд имеет пристрастие во все блюда добавлять вареный лук, что Светке не по нраву. Поэтому княжна все чаще стала давать указы стряпухам, когда Гуннхильд нет рядом. И не варить лук велела, а мелко нарезать и поджарить в конопляном масле. С такой приправой и супец вышел что надо, и тушенная в собственном соку гусятина. А когда к гусю добавили сушеных яблок и лесную ягоду, то получилось просто объедение. Воины Аудуна так хвалили стряпню, что Светорада заволновалась: не разобидится ли хозяйка? Однако Гуннхильд оказалась мудра, и теперь именно жене Стрелка надлежит приглядывать за стряпухами, давая наставления. Так что пусть старшая дочь Аудуна и продолжает носить на поясе ключи хозяйки, но упрямой ее не назовешь. И Светорада думает, что зря Руслана считает, будто Гуннхильд трясется за свое место хозяйки в Большом Коне. Это у самой Русланы духу не хватает на своем настоять. Говорят, что Путята хоть и любит дочь, но воспитывал ее в такой строгости, что она до сих пор не осмеливается голос подать.

Светорада рассказывала все легко и весело, и пусть Стемке ее нехитрые новости были не так и важны, но как же приятно сидеть с ней рядом, наблюдать, как движутся ее сочные яркие губы, как она чуть склоняет голову набок или привычным жестом наматывает на палец непослушный локон у виска. Ее дивные золотые кудри оставались такими же непокорными, и даже повойник, убор замужней женщины, покрывавший головку Светорады от бровей до низко уложенного сзади на шее узла волос, не придавал ей степенности. Она больше походила на юную девочку, решившую поиграть в солидную хозяйственную молодку. Однако даже сквозь ее легкую непринужденную манеру держаться проступало нечто, что вызывало в Стеме опасения. Как не заметить в его Светке этой горделивой повадки, умения смотреть на людей покровительственно, двигаться с особой грацией? Да и речь ее, сложенная и гладкая, без привычных для поселянок прибауток по поводу и без, указывала на хорошее воспитание. Такую могли взрастить по меньшей мере в тереме.

Стема понимал, что получил от жизни самый ценный дар, любовь самой красивой и знатной девушки на Руси, а это и огромная радость, и немалая ответственность. К тому же настоящее золото утаить непросто, а Светораду недаром раньше называли Золотой. Теперь же с легкой руки мерянина Кимы все Медовой кличут. И пусть. Стема только спросил, не надоедает ли ей этот Кима? Парень зачастил в Ростов и всем похвастается, каких непростых гостей он привез во град. На что Светорада только и ответила, что Кима хвастун по натуре, к этому тут привыкли, но все равно любят сына воеводы Нечая. Кима ведь незлобив и прост. Слишком прост, бурчал Стема, вспоминая, о чем болтают в детинце: мол, еще недавно Кима к дочери Аудуна Асгерд все примерялся, а теперь несется в усадьбу Аудуна, словно ему там медом намазали. Хотя... Стема и раньше понимал, что вокруг его княжны всегда будут виться мужчины, всегда она будет привлекать взоры. Даже если будет возиться над котлами и носить воду на коромысле. И он негромко вздыхал. Ему так хотелось сделать ее госпожой! Чтобы не она трудилась, а ее обслуживали, чтобы не милостью хозяев пользовалась, а сама хозяйкой стала.

Когда Стема сказал об том Светораде, она благодарно прильнула к нему. Она верила в своего Стрелка! А то, что ей приходится работать, не страшно.

⁶⁰ Лопаска – вертикальная доска прялки, к которой прикрепляется кудель.

– Все хорошо, Сテムшка, – шептала княжна, легким поцелуем касаясь губ милого. – Я всем довольна, мне все интересно, а главное – ты со мной.

Какое счастье, когда она говорит такое! От ее слов у Стемы словно весна расцветала в душе.

– Ладно, пока поживем тут. Может, сама Доля⁶¹ привела нас в Ростов. А там, глядишь, я смогу дослужиться до сотенного. Из кожи лезть буду, только бы подняться и дать своей княжне положение и почет, каких она достойна. И однажды поселю тебя в тереме не хуже, чем расписные хоромы Усмара.

У тиуна Усмара и впрямь был самый красивый терем в Ростове: весь в резьбе, богато украшенный, с затейливым крылечком и обширными службами. На широкую ногу жил приказчик, люди ему кланялись, но все одно молва шла, что Усмар нажил свое богатство нечестно, обманывая и обворовывая приезжавших с данью мерян, или обсчитывал ватажников-охотников, привозивших из лесов пушнину. Светораде самой довелось наблюдать, как тот подсчет ведет, и она еле удержалась, чтобы не вмешаться.

– Надо бы Путяте об том прознать, – замечал Стема. – Путята гонорист, но не глуп. Однако же он таким скорым счетом, как Усмар, не владеет, а дел у него в Ростове и без того хватает. Вот если бы ты помогла, краса моя. Ты ведь еще в Смоленске обучалась у своей матери вести хозяйство и держать все под учетом.

Светорада молчала. Ну не говорить же ему, что люди болтают о Путяте: дескать, ростовский посадник женщин ни во что ставит, что почти свел со свету свою жену грозным нравом и грубостью. Потом вроде каялся, но жениться вторично не пожелал, презирая женский род, и только с дочерью суровый посадник был нежен.

Под вечер, когда в Большом Коне стали собираться домочадцы, Стрелку пришлось рассказывать, как ему служится под рукой Нечая, как он строптивого Власа приручал, как на медведя ходили. Свежие новости тут были в цене, потому Аудун и заверил Стрелка:

– Ты, яшень стали, всегда будешь дорогим гостем в моем доме. Так что заходи, как только время выпадет.

Но времени выпадало мало. И Стеме, несмотря на приветливость хозяев в Большом Коне, не столько хотелось их тешить разговорами, сколько побыть наедине со Светорадой. Они еле дождались, когда погасят огонь и будет позволено отправиться в боковушу. И только там, за задвижкой кровати, Стемка смог показать жене, как соскучился, как его тянет к ней, как не может без нее...

Когда утомленная Светорада засыпала на плече мужа, все ее тело до самых кончиков пальцев было наполнено медвяной расслабляющей негой. А проснулась... И не было уже рядом любимого. Ушел на службу тихонечко, даже будить не стал, сберег сладкий сон жены. А вот и зря! Светорада ворчала что-то себе под нос, укладывая волосы узлом и покрывая голову повойником. Строгая Гуннхильд настояла, чтобы новая жиличка вела себя прилично. Ведь не в мерянском поселении живет, надо обычаем степенных жен соблюдать, а не светиться копной распущенных волос, как незамужняя, да соблазнять чужих мужчин.

Вообще-то, Гуннхильд наделила новую постоялицу неким приданым: дала пару холщовых рубах, шерстяной жупан⁶² толстой вязки, войлочные полусапожки, кусок добротного светлого полотна, гребни, тесьму, а еще небольшой рог, окованный узорчатой медной полосой. Светорада благодарила, но только в глубине души мелькнуло что-то насмешливо-печальное: раньше она в парче да соболях расхаживала, ела на злате-серебре, а ныне за простой рог с окантовкой благодарить обязана. Но она тут же отогнала от себя эти мысли. Леший с ним,

---

⁶¹ Доля – персонификация доброй судьбы; Недоля – злой.

⁶² Жупан – довольно короткое, немного ниже талии одеяние типа облегающей куртки.

с этим некогда привычным, а теперь утерянным богатством. Главное, что она любима и свободна, что ей интересно жить.

Зимние дни все больше стали удлиняться, но все еще было холодно и даже как-то не верилось, что весна начинает вступать в свои права. Озеро Неро все еще дремало под толстым слоем льда, снег плотно покрывал землю, а ветви деревьев были черны и голы, без малейшего намека на почки. Светорада то и дело напоминала себе, что отныне она живет куда севернее, чем ранее, и теплеть тут начнет заметно позже. И хотя волхвы объявили время Масленицы, а ростовчанки словенского племени уже пекли тонкие круглые блины, мерянские жители только пожимали плечами, глядя на это суетное веселье. Они свое знали: пока медведь не встал из берлоги, а заяц не спешит сменить свою белую шубку, нечего и мечтать о том, что ветры принесут ясное солнечное тепло. Но в гости по традиции все же зазывали. Поэтому Светорада, пользуясь тем, что нового человека здесь всем было интересно послушать, успела побывать в каждом ростовском жилище.

Ростов, молодой град, привольно раскинулся на берегу озера Неро, название которого у местных означало «илистое». Вообще-то, град разросся на месте большого мерянского поселения. Поговаривали, что назвали свое он получил в честь некоего Росты, первого, кто сладил с местными шаманами. С того часа и стали тут строить бревенчатые срубные избы, как у славян повелось. А вот в чащах вокруг располагались поселения мерян, кумирни⁶³ шаманов, где почитали богов, таких же мирных, как и сами меряне, спокойно стерпевшиеся с тем, что теперь на берегу и в окрестностях Неро можно было встретить высокие изваяния славянских богов. Меряне даже стали почитать чужие божества не меньше своего Кугу-юмо или Шкабаса – создателя мира. А вот священный камень мерян, выступавший из замерзшего озера подобно острову, стал называться камнем Велеса, ибо Велес был покровителем торговли, а напротив каменного святилища издавна проходили мены и торги мерян.

Меряне многому научились у пришлых, многое у них переняли. Люди с Руси прибывали сюда целыми родами и оседали большими семьями. В Ростове говорили, мол ближе к лесу Милютин конец, хотя сам прибывший некогда с Руси Милюта давно помер. А ближе к озеру стояли в ряд дома Разудайских. И кто был тот Разудай? Уже и позабылось. Считалось, что был он из Новгорода. Ибо пусть новгородцы и считались лучшими плотниками по всем землям Руси, да только ростовские были уверены – они не хуже. Вон как у них все построено – бревнышко к бревнышку положено, тыны ровные высятся, окошки деревянным кружевом украшены. Залюбуешься!

Бывая во дворах местных Светорада хоть и рассказывала о жизни на Днепре, но имен никого из правителей не называла. Только раз обмолвилась про Игоря и сама чуть язык не прикусила. Хвала Богам это имя никого тут не заинтересовало – не ведали местные про Игоря. А вот про Олега Вещего знали. О нем даже мерянские шаманы любили потолковать; рассказывали, как некогда прибыл в их землю князь-варяг, как понравились ему мерянские люди и край их, как взял он эту землю под свою руку. Данию обложил невеликой, но охранять обещался. Вот почему здесь и поныне несут его витязи службу. И хорошо служат. Раньше меряне то с мордвой схлестывались, то от черемисы разбойной урон несли, но сейчас соседи присмирели; если и наскакивают порой, то люди воеводы Нечая враз ответный поход совершают, да так, что враждебные соседи потом не единожды подумают, прежде чем новый набег замыслят. Ну а с тем, что на реке Итиль разбойные соседи порой пошаливают, меряне почти свыклись и считали это неизбежным злом.

О реке Итиль, по-местному Великой, в Ростове говорили с особой гордостью. Светорада знала, что ее Стема уехал в дозор со своим десятком на эту отдаленную реку и теперь не скоро

⁶³ Кумирни – места поклонения божеству, лесные святилища.

приедет. Она вздыхала, понимая, что ее Стрелок – воин, без этого он жить не может, и такого, как он, не заставишь сидеть в Ростове подле жениного подола.

Она ждала его и жила как умела. Княжна, моющая котлы на хозяйственном дворе; дочь одного из богатейших князей Руси, которой приходилось замачивать в воде с золой рубахи хирдманнов и стряпать для всего рода. Она старалась не думать об этом. К тому же у Светорады был счастливый дар: она умела находить приятное даже в мелочах, а главное ей было важно доказать самой себе, что она чего-то стоит, чего-то может добиться и сама.

Стрелок вернулся в Ростов из поездки на праздник Медвежьего дня⁶⁴. Светорада с другими жителями Ростова как раз стояла в толпе, окружавшей площадку, где волхвы обкладывали освященным хворостом большую снежную бабу, олицетворяющую саму Зиму. А тут вдруг появился Стемка, увидел в толпе свою Свету, наскочил на нее со спины, подхватил, закружил. Светорада даже стала отбиваться, крича с видимым возмущением:

– Медведь! Пусти, задохнись! Стреб, как свою!..

– А ты и есть моя! Захочу – зацелую до смерти!

И впрямь начал целовать на глазах у всех. Однако такое поведение влюбленных никого не разгневало. Только когда костер ярко затрещал и снеговая баба стала плавиться от жара, люди перестали на них глазеть и запели полагающиеся веснянки.

Стема и Светорада тоже подпевали, стоя в обнимку. Снеговая баба истаявала под дружное пение ростовчан. Постепенно люд потянулся туда, где над кучами угля вдоль берега жарились барашки и служительницы-волховки раздавали освященное сдобное печиво. Весело было, солнышко пригрело, гусяры ударили по струнам, в бубны забили, а молодежь принялась отплясывать, разбившись на пары. И тут, к удивлению собравшихся, Стрелок со Светой тоже пустились в пляс. По традиции весенние танцы вели только молодые и неженатые парни и девушки, а остальным приходилось лишь степенно наблюдать со стороны. Однако этим двоим оглашенным словно и дела не было до старых обычаев. Стрелок в обороте поднимал свою жену, кружил, а когда она радостно начинала выплясывать под перезвон гуслей и дудок, пошел вокруг нее, бросив шапку о землю и ловко выделывая коленца. И что с того, что уже женаты, если душа молода и сила рвется наружу? От них исходило такое безудержное веселье, что даже суровые волхвы не стали вмешиваться. Стрелок и Света были пришлыми, а значит, могли и не знать местных обычаев, поэтому служители богов смолчали и только посмеивались в бороды. А потом, когда и другие семейные пары присоединились к хороводу, тоже не стали пенять. Если с чужаков не потребовали ответа, то зачем же теперь своим праздничное настроение портить?

Праздник получился буйный, медовуха ходила по рукам, брага лилась через край. Вскоре народ захмелел и просто исходил смехом, когда под удивленным взглядом посадника Путяты его скромница дочь повела в танок важного Аудуна. Руслана и ногами бойко перебирала, и притопывала мастерски, даже повизгивала от удовольствия, когда ее солидный муж так разошелся, что стал лихо подпрыгивать и горланить, что тебе лось во время гона. А уж по примеру вождя и другие варяги вошли в круг и, притопывая, стали орать, размахивая в воздухе выхваченными клинками. Весело было!

Ночью Стема поделился с молодой женой своей думой: вскоре вскроется лед на реке Великой, пойдут струги по легкой воде, и тогда Путята начнет строить в мерянском поселке Медвежий Угол⁶⁵, новый град на берегу. И в граде том ему придется сажать своего человека. Вот Стема и надеется, что Нечай на него Путяте укажет.

Когда на другой день Стема уехал, княжна Светорада отправилась доить коров. Княжна... А вот же, теперь она знала, что, если у коровы соски в трещинах, первую струю надо пропустить через колечко. Сидя в полумраке у крутого бока коровы, Светорада вдыхала

---

⁶⁴ Медвежий праздник – 25 марта, день весеннего равноденствия, у славян время, когда весна начинает набирать силу.

⁶⁵ Так некогда называлось место, где впоследствии вырос город Ярославль.

теплый запах парного молока и размышляла над услышанным. Они со Стемой не так давно прибыли в Ростов, а ее Стрелок уже вон куда метит. Конечно, хорошо было бы получить столь высокое место, однако и другие, более нарочитые⁶⁶ ростовчане могут захотеть возвыситься в новом граде. И Светорада впервые подумала о том, чтобы поговорить об этом деле с ростовским тиуном. Усмар, как бы там ни было, мужик толковый и влияние на посадника Путятю имеет. Однако... Светораду даже вид Усмара раздражал, несмотря на то что тиун не был дурен собой, одевался аккуратно и богато. Она не обольщалась насчет того, что Усмар за услугу ничего не попросит. Ведь уже не единожды он затрагивал ее, одарить пытался... А когда смотрел на нее, то в его темных глазах появлялся маслянистый блеск. Светорада невольно усмехнулась, вспомнив, как недавно тут же, подле хлебов, толкнула наглого Усмара в кучу навоза, чтобы руки не распускал.

Окончив дойку, Светорада взяла полные ведра и пошла к выходу. Остановилась на пороге, вдохнула глубоко. В воздухе уже явственно ощущался восхитительный запах талой воды и влажной земли. Хорошо!

Весна и в самом деле наступала. Солнце днем светило так, что в кожных становилось жарко. И хотя по ночам было студено и снег затягивало крепким настом, днем на сосновых иглах елей висели капли влаги и часто было слышно, как осыпались с мохнатых лап пласты снега. Днем же с крыш капало все сильнее, и пригревшиеся на солнце синицы, цепляясь за бревенчатые стены построек, звонко долбили по дереву клювами, отыскивали спящих между бревнами мух.

А потом, меньше чем за седмицу, вскрылся лед на озере Неро, берега его начали просыхать, а там и водяная птица пошла. По воде плыли темные стаи гоголей, крохалей, белели пары строгих лебедей, весенний воздух звенел от птичьих голосов. Повсюду журчали ручьи, открылись еще бурые после снега проталины, распространяя запах сырости и перегноя.

Теперь Нечай чаще отпускал Стрелка к жене, а вои его десятка всячески прикрывали старшего, если он задерживался на побывке. В Большом Коне Стема сдружился со Скафти. Они часто болтали, соревнуясь, кто кого превзойдет в знании прибауток, больше выпьет пива и не опьянеет или ловчее взберется на столб для учений. Скафти был веселым славным парнем, правда, когда к ним приближалась Света, и Стрелок обнимал жену, лицо его порой застывало, а в глазах читалась странная боль.

Стема как-то заметил это и сказал:

– Жениться тебе надо, клен сечи! А то вон завидуешь мне так, что тебя и пожалеть хочется.

Скафти насмешливо фыркнул.

– Жениться? Такому как я? Да еще не прошла по траве вдоль Неро дева, какая была бы меня достойна. Ну разве что твоя злата ожерелий Света мне бы подошла.

– Эй, эй, парень, на чужое рот не разевай! В тебя и так все мерянки местные влюблены, не говоря о ростовских девушках. Вот ходи вдоль Неро и присматриваться, чей отпечаток следа на траве тебе больше по сердцу. Так и найдешь себе суженную. А то видали его... Едва ли не сын богов.

– А я и есть потомок богов, – подбочивался Скафти. – Это ты знаешь родословную только до своего деда, а уж мы, люди рода Аудуна ведем ее...

– Да, знаю, знаю! – под веселый смех своей Светки отмахивался Стема. – Где уж мне до вас небожителей. С меня достаточно того, что я лучше езжу верхом и могу победить тебя в схватке на копьях. – Помолчав, он улыбался и добавлял: – А еще у меня красавица жена.

И они начинали целоваться, под веселые шутки окружающих. Только Скафти грустнел, глядя на них.

---

⁶⁶ Нарочитые – уважаемые, признанные.

Однако, что ни говори, а с появлением этих двоих долгие вечера в Большом Коне стали веселее. И вообще, все уже поверили, что этой паре дана особая сила и благодать, все это ощутили. Вон и суровый Аудун все чаще стал проявлять знаки внимания своей молодой жене, даже начал обучать Руслану ездить верхом, хотя раньше не допускал ее к своим рослым жеребцам. А считавшийся удачным брак резвухи Верены и спокойного Асольва как будто переживал вторую молодость.

Даже хмурый воевода Нечай вдруг стал проявлять некий интерес к жене, чаще приходил из детинца на ночь, а однажды подарил ей пушистую шаль вязки мерянских мастериц, чем несказанно растрогал Гуннхильд, не получавшую от мужа никаких подарков со времен его сватовства. Надо заметить, что они поженились, как полагается, по взаимной выгоде, родили детей, а старших дочек Гуннхильд от первого брака Нечай удочерил, следуя старым обрядам. В их браке все было спокойно, и только этой весной Нечай как будто впервые увидел, что его хозяйственная жена, несмотря на годы, сохранила стать, а подаренная им серая шаль очень даже идет к ее светлым туманным глазам. И он все чаще стал просить ее посидеть с ним рядом, оставив домашние хлопоты. Один раз Нечай даже завел разговор, не трудно ли ей жить с таким невзрачным и вечно занятым мужем, пускай и воеводой, ведь он явно не стоит столь мудрой и привлекательной жены... И хотя Гуннхильд всегда знала, что не отличается красотой – и чертами лица груба, и слишком рослая, и в бедрах с возрастом раздалась, – слова мужа взволновали ее. Позже многие замечать стали, что Гуннхильд старается принарядиться к его приходу, даже надела давно покоящиеся на дне сундука золотые полукружья сережек, а еще не так строга стала к челяди и домашним за нерадивость.

Однако была в Ростове пара, которую вся эта суматоха и разговоры о Стрелке и Свете только раздражали. Это были Усмар и Асгерд.

Как-то Усмар пришел домой из детинца мрачнее тучи. Асгерд спросила:

– Ты сегодня не в духе, муж мой? Что-то не ладится с посадником?

Тиун молча разгребал ложкой овсяную кашу, потом резко отодвинул от себя тарелку, и его рот скривился в короткой холеной бородачке, как будто он ел какую-то гадость, а не горячую, приправленную маслом овсянку.

– Ты вон все меня упрекала этой пришлой Светой... этой Медовой, – произнес, – однако, признаюсь, она мне как кость в горле.

Оказалось, что эта вертихвостка неплохо разбирается в вычислениях и цены знает не худо. По совету Стрелка Путята вызвал ее к себе, потому что у него возникло подозрение по поводу недочета дани. Усмару пришлось пояснять, мол, и пушного зверя в этот год добыли недостаточно, и меду не донесли, а уж о руде и говорить не приходится. Однако Путята все теребил ярлыки табличек об оплате, сопоставлял, путался и ворчал. А потом вызвал на подмогу Свету. И та, просмотрев счета, указала Путяте на недоимки. Вот посадник на Усмара и накинулся. Тиун пояснял, отчего так вышло, но эта рыжеглазая тут же из-за плеча Путяты указывала, где расчеты не сошлись и где стоит провести проверку по селениям данников, чтобы затем сравнить с тем, что хранится в кладовых да амбарах.

Асгерд слушала обиженные речи мужа, прикрыв глаза длинными золотистыми ресницами. Она догадывалась, что ее муж на подобной службе не мог, чтобы и о себе не позаботиться, да не отложить то, что приглянулось, но считала, что не ее дело поучать Усмара, как вести дела. Если ее муж так решил – значит, так тому и быть. Да и не было ей заботы, как Путята отличается в Новгороде за дань. К тому же, став женой тиуна, Асгерд полюбила жить в роскоши, какой у отца родного не знала: у них был свой терем на высокой подклети, в котором было несколько покоев, и дочь викинга оценила, как это удобно, когда не приходится делить общее помещение с челядью. Ей нравилось спать на мягких перинах, ходить по половицам из пушистых медвежьих шкур. А еще Асгерд с нетерпением ждала, когда начнется движение судов по великой реке Итиль, и ее муж за неучтенные для дани крицы руды и кадушки с мерян-

ским медом приобретет для жены яркие шелка, цветные бусы и даже дивные ароматные притирания.

Любящая роскошь Асгерд знала, за кого шла замуж. Но не только стремление стать самой богатой женщиной в округе заставило ее добиваться брака с Усмаром. Она полюбила его. Ей нравилась его манера властно разговаривать с людьми, она любила наблюдать, как он отмеряет положенное у данников и выдает им ярлыки в знак уплаты дани. Даже то, как он сидел по вечерам за столом и что-то взвешивал, подсчитывал и сдвигал на счетах-абаке круглые косточки, вызывало у нее благоговение. Да и хорош был собой Усмар: опрятно одет, в плечах, может, и не столь широк, зато всегда чисто вымыт, волосы расчесаны, дорогую одежду носит с достоинством, какого Асгерд ранее и видеть не приходилось.

Учитывая свою тягу к нему, как и то, что небедно с ним жить будет, Асгерд когда-то пошла со слывшим в округе любостаем⁶⁷ тиуном в лес, и не сопротивлялась, когда Усмар уложил ее на траву и неспешно овладел. А когда вставали, дочь Аудуна так и сказала, чтобы он засылал сватов, если не хочет, чтобы мужчины ее рода вырезали ему все нутро или отсекали голову. Даже посадник не посмеет за своего поверенного заступиться, опасаясь гнева варягов из Большого Коня.

Тогда Асгерд казалось, что она поступила ловко и мудро, принудив богатого и пригожего тиуна к браку. Однако ласковый и приветливый до того Усмар не смог простить, что она насильно женила его на себе. С тех пор ладу между ними не было. Ей даже приходилось терпеть, что он к другим женщинам хаживал. Что она могла? Уйти назад к родне? Порой Асгерд так и делала. Но после роскоши в тереме, после того как всем Ростовом гуляли их свадьбу, ей было неловко возвращаться в Большой Конь.

Вот и приходилось гордой скандинавке заискивать перед мужем. Сейчас же она просто сказала:

– Если эту девку Медовую как-то опорочить, то Путята, возможно, не станет больше прислушиваться к ее речам.

На другой день, вырядившись в красивую шубку из белого горноста, Асгерд отправилась в отчий дом. Она шла в сопровождении служанок по раскисшим после снега переходам между дворов, осторожно ставила ноги в сафьяновых сапожках на подсохшие бугорки, придерживала подол длинной синей юбки. Она очень ценила свой вид, свое богатство и внешность, и гордилась, что ее считают первой красавицей Ростова. Правда теперь до Асгерд стали доходить разговоры, что прибывшая из лесов жена Стрелка не менее ее мила и пригожа, зато улыбки от нее добьешься чаще и с людьми она приветлива. И хотя высокая стройная Асгерд с ее светлыми золотистыми косами и точенным личиком привлекала взгляды людей, но все чаще они ходили глазеть на эту Свету, как на чудо какое невиданное.

Миновав крайние избы кривой улочки, Асгерд вышла на открытое пространство, окружавшее усадьбу ее родителя. И как она раньше могла жить тут? Кругом лужи, за тыном навозная куча, а проезд в воротах – сплошная слякоть. Сегодня тут, судя по всему, уже немало поездили. Заслонившись рукой от солнца, Асгерд посмотрела туда, где вдоль береговой кромки озера удалялись фигуры всадников. Она узнала отца и старших братьев, а также еще нескольких людей Аудуна, отправившихся на привычную выездку хозяйских лошадей.

Свою старшую сестру Асгерд застала в овчарне. В этом году овцы стали ягниться несколько позже срока, но хлопот с ними было предостаточно, и Гуннихильд следила, как скотицы ухаживают за новорожденными ягнятами, а то и сама заходила в загон, брала на руки нежные кудрявые комочки, целовала в лобики. Сейчас с ней была и ее старшая дочь Бэра,

---

⁶⁷ Любостай – недобрый дух, принявший облик пригожего мужчины, чтобы соблазнить женщину; в просторечии – мужчина, который кружит женщинам головы.

совсем еще юная девушка, которой этой зимой отчим Нечай подарил серебряный браслет – знак, что она уже выросла и вполне может считаться невестой.

При появлении Асгерд Бэра поспешно спряталась в загородку с новорожденными ягнятами, сделав вид, что только они ее и интересуют – впечатлительная девушка не очень-то любила свою красивую надменную тетку. Гуннхильд же приветливо заулыбалась, правда, улыбка ее сразу погасла, когда Асгерд с упреком заметила, что ее старшая сестра превратилась в скотницу.

– Как погляжу, Медовая вскоре совсем тебя от дел отлучит, моя Гуннхильд, – сокрушалась младшая сестра. – Разве ты не видишь, как она старается умалить твое влияние, чтобы заправлять тут всем на правах любимицы Аудуна?

В это время из-за загородки появилась растрепанная головка Бэры.

– Злая ты!

Гуннхильд сурово шикнула на дочь, потом взяла сестру за руку и повела из овчарни, чтобы та ненароком не испачкала свой великолепный наряд.

Дочери Аудуна прошли в большой дом усадьбы и оказались на половине, где женщины готовили еду. Здесь было тепло от разожженных очагов, и Асгерд сразу стало жарко в горностаевой шубке. Не придавая этому значения, она огляделась и сразу увидела Медовую.

Жена Стрелка хлопотала у большого, подвешенного на длинной цепи котла. Ее о чем-то спрашивали, она отвечала, и окружавшие ее женщины смеялись. И Асгерд словно воочию убедилась, что все эти рассказы, что рыжегзазая Света умеет сделать так, что людям с ней хорошо, правда.

«Она просто хитрая ведьма!» – заставила себя так видеть пришедшую жена Усмара.

Сейчас Медовая стряпала, как обычная служанка, однако в ее движениях было столько грации, а осанка казалась такой достойной и горделивой, что среди всех остальных она выглядела повелительницей. Даже светлые кудряшки, выбившиеся на висках из-под повойника, не делали ее неопрятной, а простая одежда – красно-коричневое платье и темный передник – смотрелась нарядной даже тут, в кухне. А то, как молодая женщина стряхивала с тонких пальцев сушеные приправы в котелок, походило на некое священнодействие. Сейчас, когда из-за дыма отодвинули продох на крыше и в него потоком полился солнечный свет, создавалось впечатление, будто лучи падают только на эту неприятно одетую стряпуху и она сияет, озаряя все вокруг.

Асгерд внезапно поняла, что уставилась на новенькую едва ли не с открытым ртом. Это обозлило ее и заставило очнуться. Она огляделась, втянула носом вкусные запахи стряпни, стала различать голоса. Когда Верена спросила, достаточно ли она размешала в растопленном масле муки для подливки, Медовая, почти не глядя, велела добавить холодного бульона и продолжить мешать, пока не останется ни единого комочка. Затем одна из служанок уточнила, как долго выдерживать в сметане сушеные грибы. Но последней каплей для Асгерд стало то, что из-за спин женщин вдруг раздался голос ее брата Орма. Оказалось, что младший Аудунсон тоже крутится в кухне, занимаясь бабьим делом: паренек сидел рядом с решеткой, на которой жарилась печень, и спрашивал у Светы, достаточно ли мясо подрумянилось, чтобы его переворачивать.

– Что это такое, Орм? – выступая вперед, повысила голос Асгерд. – Или ты забыл, что ты сын викинга? Зачем согласился, как раб, возиться у очага?

– Не ругайте его, госпожа, – вступилась за стусевавшегося парнишку Света, поворачиваясь и словно бы стремясь заслонить его от сестры. – Ведь однажды и ему придется идти в поход, а там нужно уметь не только в седле сидеть и у правила⁶⁸ корабля стоять. Тот, кто способен накормить людей, всегда пользуется в отряде уважением.

---

⁶⁸ Правило – рулевое весло на корме корабля, лодки.

– Это ты мне будешь указывать? – возмущенно воскликнула Асгерд и нервно рванула белые меховые помпоны ворота. – Мне, дочери ярла Аудуна?! Ты, кухарка! Изображаешь из себя тут хозяйку, как будто Гуннхильд уже отстранили от дел, а Орм у тебя в услужении. Так-то ты платишь моей семье за то, что приняли тебя в род, бродяжка!

Это было сказано громко и зло, и все вокруг притихли, отводя взгляды.

Светорада замерла. Ее будто холодом обдало. Конечно, ей не стоило забывать, что она живет тут исключительно из милости, однако ее княжеская кровь забурлила.

«Спокойно, – приказала себе Светорада и, вытерев руки о передник, повернулась к Асгерд. – Сейчас именно она в своем горностае и серебре смотрится госпожой, а я всего лишь кухарка».

И все же щеки княжны запыхали от едва сдерживаемого гнева.

– Вам просто жарко в ваших мехах у очагов, благородная Асгерд, вот вы и горячитесь. Если вы посидите тут с нами и выпьете ягодного киселя, то успокоитесь и по-другому взглянете на происходящее. Но если вас что-то не устраивает, скажите, и я все сделаю так, как вы пожелаете.

– Она еще советы мне дает! – кипела от возмущения красавица Асгерд.

Не выдержав, Гуннхильд взяла младшую сестру под локоть и мягко, но настойчиво стала увлекать к выходу.

– Что с тобой происходит, Асгерд? – спросила она уже в своей боковуше, расстегивая петли на шубке сестры. – Сдается мне, что из-за своего положения ты стала излишне раздражительной.

– Я не раздражительна! – резко отозвалась Асгерд. – Просто сейчас я сама убедилась в том, о чем болтает уже весь Ростов. Эта рыжеглазая чужачка, хитрая, как порождение Локи⁶⁹, влезла вам всем в душу и постепенно прибирает власть к своим рукам. Люди поговаривают, что она даже Аудуну в глаза заглядывает и скоро наступит день, когда ей удастся не только Руслану потеснить, но и у тебя забрать хозяйские ключи!

Гуннхильд вздохнула.

– Вот что, Асгерд, у тебя есть свой дом, где тебе надлежит всем распоряжаться. Здесь же пока я хозяйка. И если мне понадобится твой совет...

– Но за этим я и пришла, – перебила ее младшая сестра и, взяв руку Гуннхильд, ласково погладила ее огрубевшие от работы пальцы. – Только тебе тут все решать, даже то, нужно ли Орму вместо упражнений с оружием жарить на решетке мясо. Однако я хотела дать тебе небольшой совет: скоро мужчины и наши работники отправятся жечь лес под пашню. И там, как всегда, понадобится умелая женщина, чтобы позаботиться об их кормежке. Отчего бы не отправить туда эту Медовую? Ее муж часто в отлучке, тут людей тебе хватает, а на лесопале умелая и расторопная помощница просто незаменима.

– Но работа в лесу тяжелая и не всякой рабыне под силу, – отозвалась Гуннхильд, отметив про себя, что находиться среди большого количества мужчин в лесу не только не подходит благовоспитанной женщине, но и выглядит сомнительно для ее доброго имени.

Однако Асгерд настаивала, говорила, что в помощь Свете старшая сестра может отправить пожилую вдову Хильду и хроменькую мерянку Тсару, от которой в усадьбе мало толку. И не беда, что Свете придется жить среди мужчин... Во всяком случае выяснится, верны ли слухи о том, что Медовая ни одного мужчины не пропускает мимо.

Гуннхильд молча слушала пылкую речь сестры. В глубине души она понимала, что Асгерд просто невзлюбила пришлую, как одна признанная красавица не любит другую. Но Асгерд была родной сестрой, ждала первенца, и ее не стоило огорчать.

---

⁶⁹ Локи – бог коварства и лжи у скандинавов.

– Я подумаю над твоим советом, – только и сказала Гуннхильд, и предложила младшей сестре отдохнуть.

Но Асгерд недолго оставалась на месте. Довольно напевая себе под нос, она вышла на крыльцо и стояла там, блаженно шурясь на солнце. Когда же в воротах показался ее муж, она чуть ли не бегом кинулась ему навстречу. Однако Усмар будто и не заметил жену – он во все глаза смотрел на Медовую, которая как раз прошла по мосткам, проложенным через слякотный двор, в сторону кладовой. И только когда к нему приблизился вернувшийся с конной выездки Аудун и похлопал зятя по плечу, он очнулся и прошел вместе с тестем к конюшням.

У Асгерд внутри все сжалось от обиды. Пусть Усмар и ворчит на Медовую, но она ему нравится – только слепой этого не заметит. Казалось, светлый день для Асгерд начал гаснуть, а все звуки – и журчание талой воды, и птичий гомон, и оживленные людские голоса – стихли, оставив ее в одиночестве. Она спустилась с крыльца и медленно пошла по мосткам, пока нос к носу не столкнулась с возвращавшейся из кладовой Светой, которая несла у груди крынку сметаны.

Женщины остановились друг перед другом. Мостки были достаточно широкими, чтобы разойтись, но Асгерд стояла прямо посредине и не сводила с Медовой недоброго взгляда.

– Прочь с дороги, бродяжка! – приказала властно.

Светорада судорожно сглотнула и, зажмурившись, шагнула в грязь, увязнув почти по щиколотку в раскисшей жиже. Попробовала идти дальше, но едва ли не выскользнула из сапожек. Вот и оставалась стоять под насмешливым взглядом жены тиуна.

– Вот-вот, знай свое место. В грязи!

Асгерд величаво вернулась к дому и уже с крыльца с насмешкой наблюдала, как Света, успев замараться выплеснувшейся через край сметаной, пытается взобраться на мостки и не потерять при этом сапожки.

– Вот сука! – совсем не по-княжески ругнулась Светорада, ощущая, как со дна ее души поднимается волна злости. – Ну погоди же у меня, немочь бледная!

Она огляделась, опасаясь, что кто-нибудь, заметив ее жалкое положение, состояние, поднимет на смех, и увидела идущего к ней тиуна Усмара. Что ж, не самый приятный для нее человек, но Светорада знала свою власть над мужчинами. И знала, что унизившая ее Асгерд пристально наблюдает за ними. Пусть же смотрит!

– Ах, благородный Усмар! – окликнула она тиуна умоляющим голосом. – Не откажите помочь в беде слабой женщине, вы ведь такой сильный и великодушный! – И призывно улыбнулась, захлопав длинными ресницами.

Оторопелая Асгерд прикусила губу, глядя, как ее важный муж поспешил к этой грязной приживалке, подхватил ее, поднял на руки и понес, а та, придерживая рукой крынку, другой даже обняла его за шею.

– Что тут происходит? – спросила появившаяся подле Асгерд старшая сестра.

– Да вот смотрю, – только и сказала та.

А ведь поглядеть и впрямь было на что. Муж Асгерд, поставив Медовую на мостки перед хлевами, стоял к ней так близко, что это выглядело почти непозволительно. Однако Медовая его не отстраняла, а наоборот, склоняясь к нему, что-то быстро говорила, не убирая руки с его плеча. Тиун накрыл ее пальчики своей ладонью и слушал кивая, а вид у него был такой, будто они сговаривались о чем-то... Они на самом деле сговаривались, но, конечно, не о том, о чем подумала ревнивая Асгерд.

Они говорили о деле. Светорада пообещала, что пойдет к посаднику и сделает вид, что это не Усмар, а она ошиблась в подсчетах, возведя напраслину на честного управляющего. Разумеется, строгий Путята выругает ее за оплошность, однако доброе имя Усмара будет спасено. Сам же Усмар в уплату за ее услугу должен сделать вот что: когда зайдет разговор о том, кого назначать воеводой в новом городке на реке Итиль, пусть он замолвит словечко за ее

Стрелка. Стрелок ведь уже проявил себя умелым воином и люди под ним служат охотно. Если же еще и имеющий влияние Усмар замолвит слово за ее Стемид...

Тут она прикусила язык, поняв, что чуть не назвала мужа его настоящим именем. Но Усмар ничего не заметил. Он стоял, о чем-то раздумывая, хмурил соболиные брови. Его лицо выглядело значительным и серьезным, почти красивым, как отметила Светорада. Она даже стала понимать страстную любовь горячки Асгерд к этому видному, холеному мужчине с негромким вкрадчивым голосом. Внезапно Светорада оглянулась и заметила подле резных столбов крылечка жену Усмара и ее старшую сестру.

Медовая стала потихоньку пятиться от Усмара, но тиун сам удержал ее, пытаясь объяснить, в чем ей нужно указать на просчет, а в чем пусть и не настаивает, чтобы дело не выглядело подозрительно. Что ж, этот поднявшийся почти до боярского положения управляющий был умен, с ним можно было иметь дело. Вот только бы локоть ее он при этом так не сжимал. Светорада поспешила заверить Усмара, что сама заинтересована в их сделке, даже улыбнулась ему, как только она одна умела – открыто и приветливо, но вместе с тем лучезарно и обольстительно. У тиуна даже дух захватило от красоты этой юной женщины в засаленном переднике и грязных сапогах.

Наблюдая за ними, Асгерд просто извелась. От досады ее даже стошнило. В ее положении это было не диво, однако раньше с ней ничего подобного не случалось. А тут еле успела отбежать за угол – так ее мучительно и сильно рвало.

Рядом оказалась сестра. Подала влажную ветошь утереться, потом отвела ее в дом, уложила и велела принести травяного отвара. Слушала жалобы сестры и посуровела лицом. Не стоило бедняжке Асгерд так переживать из-за шуток Медовой с Усмаром, это уж точно.

Тем вечером Гуннхильд сказала отцу, что хочет отправить жену Стрелка в помощь на лесопал. Аудун возразил ей, заявив, что не видит нужды отправлять на тяжелую работу столь благородную женщину, но Света неожиданно для всех ответила согласием. Пока Стемы не было в Ростове, ее тут ничего не удерживало, а то, что она сегодня пококетничала с Усмаром на глазах его беременной жены, теперь ей самой казалось непозволительной глупостью.

Глава 5

Немного в стороне от Ростова, где болотистые низины озера Неро сменяются возвышенностью у тихой речки, называемой Устье, лежали земли, которые род Аудуна стал очищать от леса под пашню. Дома, в Норейг, у ярла Аудуна тоже были пашни, но небольшие. Здесь же земли было много, но всю ее покрывали леса, а жившие в окрестностях Ростова меряне никогда не пахали, не сеяли, а промыслили рыболовством, охотой и бортничеством. Поэтому каждый человек, соглашавшийся сидеть под рукой варяжского ярла и возделывать землю, пользовался его покровительством и защитой. В основном это были переселенцы-славяне. Они тяжело отвоевывали землю у леса: сперва рубили деревья, потом палили пни, корчевали остатки, а под конец, когда унавоженная палом земля становилась пригодна, вспахивали ее сохой и бросали семя.

От дома Аудуна на создание открытых пространств под пашни всегда приходило человек тридцать. Мужчины на скорую руку ставили землянки и начинали валить лес. А бывшей смоленской княжне и двум ее помощницам приходилось кормить всю эту ораву.

Однако неожиданно им пришла помощь в лице местных девушек-мерянок. В селениях мерян, как ни странно, был значительный перевес женского населения, вот молоденькие славницы⁷⁰ и спешили туда, где жили рослые и сильные мужчины. Явившись на лесопал, они проводили тут целые дни, заигрывали с работниками, а заодно помогали готовить еду. И каждая из пришлых мерянок надеялась, что она приглянется кому-нибудь из возможных женихов, кто-то оценит ее юную свежесть и умение хлопотать по хозяйству. Они так усердствовали, что вскоре следившей застряпней Светораде пришлось не столько самой готовить, сколько распоряжаться и выдавать припасы: лук, репу, соль. Она назначала кого на варку, кого на разделку мяса, а кого и на уборку. В ее становище всегда были чистые котлы, вытертые столешницы, а сама она поднаторела в приготовлении некоторых блюд мерянской кухни. Поначалу ужасавшая ее мерянская похлебка из сваренных вместе оленины, рыбы и дичи пополам с крапивой оказалась на деле очень вкусной, несмотря на ее неприятный мутный вид. А так называемые «твердые» кисели из овсянки, подававшиеся холодными и приправленными медово-ягодной подливой, она вообще сочла за изумительное лакомство.

Как-то, ближе к полдню, когда сытые работники-лесожоги ушли работать и были вымыты последние котлы и, Светорада решила прогуляться по лесной тропинке к реке Устье. Было тепло, солнышко пригревало теплом, и там, где ельник место лиственному подлеску, было видно, что ветви берез и осин покрылись полупрозрачной дымкой молодой листвы.

Пока Светорада была недалеко от становища, до нее долетал запах дыма от сожженных работниками корневищ порубленных деревьев, слышались глухие удары топоров. Люди торопились поспеть к сроку. Настал уже второй месяц весны, который здесь называли березозолом, а там, где Светорада жила раньше, – квитнем⁷¹. Но у нее на родине он и впрямь был квитнем: все поляны зеленели молодой травой, а берега над Днепром пестрели цветами. Здесь же под корягами и в ложбинках еще таился лежалый сероватый снег, и только на солнечных проталинах качали головками голубые пролески, оживала среди валежника прошлогодняя трава.

От размышлений княжну отвлек дробный стук копыт. Кто-то ехал быстрой рысью навстречу по тропинке. Светорада не очень обеспокоилась, так как знала, что поблизости есть мерянское селение, да и свои люди недалеко. Однако, увидев приближающегося всадника в разлетающейся на ветру синей накидке, она нахмурилась. Усмар! Как же он надоел ей! Они ведь уже обо всем условились, и Светорада выполнила обещанное, окончательно запутав в

---

⁷⁰ Славница – девушка на выданье.

⁷¹ Березозол и квитень – апрель.

подсчетах Путяту и тем самым вызвав у посадника раздражение. Усмар тоже выполнил уговор и Стому с его людьми отправили воеводой на Итиль в крепостцу Медвежий угол. И вроде бы все складывалось удачно, да только Усмар счел, что теперь его с женой Стрелка связывают общие дела, и начал то и дело наезжать на лесопал. Надоедлив был, как муха! Вот и сейчас, едва он помахал ей рукой и приветливо заулыбался, Светорада не ответила на приветствие, а осталась стоять на тропе, строго глядя из-под нахмуренных бровей.

Однако недовольный вид красавицы не обескуражил тиуна. Придержав коня, он легко соскочил на землю.

– Здрава будь, Медовая! Не меня ли дожидаясь?

Светорада предпочла ограничиться легким поклоном. Он же не переставал улыбаться.

– А ведь я тебе добрые вести привез.

– Мой муж вернулся? – не удержалась от вопроса Светорада.

Тиун молчал, медленно ударяя по ладони свернутым кнутовищем.

– А весть моя такая, – подступая, начал он вкрадчиво. – Ныне Путята отправляет большой отряд в Медвежий Угол, причем поведет людей Аудун Любитель Коней. Моему тестю только того и надо: скоро подле Медвежьего Угла большой торг начнется, вот он и рассчитывает выставить там на мену своих крепких коней. Но основной его задачей все же будет доставить немалый отряд под команду молодого воеводы, твоего муженька. Ну, ты довольна, как я уговор свой выполняю, а, Медовая?

Светорада невольно просияла улыбкой. Но потом сообразила, что теперь ее Стемка очень и очень нескоро сможет выкроить время, чтобы навеститься к ней. А вот как бы ей самой к нему отправиться?

Задумавшись, Светорада теребила тонкую веточку ближайшего куста, а про Усмара будто и забыла. Он же смотрел на нее во все глаза. Как же она ему нравилась! Даже работа на палках не придала ей вид простой служанки; Медовая смотрелась благородной госпожой и в одежде работницы, а какова же она будет, если нарядить ее в шелка, распустить по плечам ее дивные кудри да навесить на грудь гроздь блестящих стеклянных бус. О, он бы богато одарил ее, прояви она к нему благосклонность. А Усмар уже и ночами не мог спать, все думая, как это с ней... Вот же сладкая! Когда улыбается, в уголках пухлого сладкого ротика появляются такие прелестные ямочки... Усмар невольно задержал взгляд на губах Светы и даже судорожно сглотнул слюну, ибо ему уже чудился вкус ее рта, медовый, пьянящий...

Словно забывшись, Усмар шагнул к ней, отвел пальцами тонкие пряди от ее щеки, такой теплой, упругой и бархатистой. А когда она взглянула на него... Какими же прозрачными и медовыми были ее очи под темными бровями!

– Эй, тиун, погоди лезть-то! – прервала его мечтания Света. – Сам дал понять, что муж мой теперь не последний человек в округе, так что держись от меня подальше.

– Ну что ты все про Стрелку своего? – понизил голос наступая Усмар. – Ты вон его возвысить хотела, а он знаешь, как тебя отблагодарил? С мерянкой в Медвежьем Углу сошелся, с Согдой этой, шаманкой дикой. Она у мерян красавицей и искусницей в любви слывет. Вот он с ней и того... Все об этом знают, только тебе не говорят. Вот бы ты и сошлась со мной – не так-то обидно было бы. – Тиун усмехнулся и добавил: – Сама же потом благодарить будешь...

Светорада замерла, глядя на него.

– Что еще за... шаманка? Нет, я не верю!

– Верь не верь, но это правда. Отчего тогда он засиделся в Медвежьем Углу на Итиле? Отчего к тебе не летит? Очаровала его шаманка, верь мне.

Светорада часто задышала и прижала руки к груди, чувствуя, как сильно забилося сердце. Нет, этого не может быть!

Усмар смотрел на нее как будто с сожалением. Поймал ее ослабевшую руку, ласково пожал.

– Успокойся. Он просто не ведает, какое ты сокровище у него.

– Ведает, – тихо и как-то отстраненно отозвалась Светорада.

Усмар же настаивал на своем:

– Да что нам с тобой до него? Где он? Когда еще явится? Пока не наскучит ему его лада новая? А я тут, я люблю тебя, а весна такая... Любится-то как хочется...

– Вот и иди, любись со своей женой, – опомнилась Светорада и быстро отступила от тиуна. Подумала: а не хитрит ли он, стремясь добиться от нее милости? От этой мысли ей сразу стало легче дышать и все увиделось в ином свете. – Асгерд твоя – первая и самая родовитая женщина в Ростове. Она носит твоего ребенка. Прознай ее братья, как ты тут мне о любви говоришь... Не гневи Рода, тиун.

– Что мне ее краса, – дрожащим голосом ответил Усмар, чувствуя, что впадает в горячечный бред от ее близости. – Ее краса, как у Зимы-Морены – холодная и колючая. А вот ты, Медовая... Сладкая моя, горячая... Я ведь знаю, чувствую, как ты откликнешься, как ответишь, истосковавшись по мужской ласке.

И Усмар вдруг крепко обнял ее, прижал к себе, стал страстно целовать. Опешившая Светорада даже замерла, растерялась. А он целовал ее умело и глубоко, отчего даже голова пошла кругом в первый миг. Но тут же все восстало в ней против собственной слабости. Не желая покоряться, она отвернула лицо, стала упираться в грудь Усмара руками, силясь оттолкнуть.

– Пусти! Да пусти же, говорю!

– Нет уж, сладость моя! Я по тебе с первой нашей встречи сохну. Да и общие тайны у нас. Отчего же не скрепить их еще одной тайной? Страстной...

Задыхаясь, он прижимал Светораду к себе все сильнее, тискал, оглаживая по бедру, почти опрокидывая и не обращая внимания на ее попытки высвободиться. Светорада была потрясена: этот не больно мощный с виду мужчина оказался на диво силен. Она только взвизгнула и, извернувшись в его руках, оказалась вдруг прижатой спиной к нему, а он тут же прислонил ее к стволу дерева и стал торопливо задираť подол. И руки его... быстрые... уже были там, где и не положено им быть. И уд твердый уже напирал.

Светораде стало по-настоящему страшно. Она брыкалась, разнимала удерживающие ее руки и стонала, отчаянно стыдясь закричать. Если их за таким застанут... Все ведь видели, как она ранее уединялась с Усмаром, когда дела свои обговаривали, вот и могли заинтересоваться зачем в лес пошла, когда он приехал.

Светорада резко мотнула головой назад, что есть силы ударив тиуна затылком в лицо. Как раз в нос попала, он охнул, ослабил хватку, и княжна тут же вывернулась. Сбежать хотела, но он настиг, и с такой силой тряхнул, что у нее с головы спал повойник. Узел ее золотистых волос растрепался, а Усмар, схватив их в кулак, запрокинул ей голову и стал заваливать на землю. В какой-то миг увидел на шее женщины блеснувшую каплю сверкающего алого кулона, и ему даже показалось, что это ее кровь, и он, словно схвативший добычу волк, заурчал, впиваясь в её горло. Они оба рухнули, да так что, Усмар смог оказался сверху, рывком раздвинул ноги Медовой, стал наваливаться... Но тут что-то произошло и тиун понял, что что-то ему мешает, удерживает.

Он чуть скосил глаза... и остыл сразу, увидев пригвоздившее к земле полу его накидки острие копья.

Усмар все еще наваливался на Свету, когда оглянулся через плечо и увидел пробиравшегося к ним сквозь заросли Скафти. Конь самого Усмара, оставленный ранее на тропе, был довольно далеко, а светловолосый варяг с искаженным гневом лицом совсем рядом.

Но Усмар не растерялся. Вскочил, рванув полу накидки, и, схватив копьё, резво повернулся, направив острие на Скафти. Светорада только слабо ахнула, ужаснувшись тому, что сейчас может произойти. Однако Скафти был умелым воином, и когда тиун сделал резкий выпад, варяг, не замедляя шага, ловко уклонился, а потом схватился за древко копья и сильным

движением вырвал его из рук Усмара. В следующее мгновение Скафти залепил тиуну такую оплеуху, что тот кубарем покатился в кусты и оказался в ложбинке на сером холодном снегу.

Светорада торопливо поднялась, оправляя одежду. Все произошло так быстро, что она и испугаться-то толком не успела, а был только стыд, стыд, стыд!.. Ох убежать бы отсюда подальше! Но осталась стоять, глядя то на поднимающегося Усмара, то на Скафти, который вытирал ударившую тиуну руку о штанину на бедре. И на лице его читалась только брезгливость.

– Убирайся, отродье тролля! – сказал он Усмару дрожащим от ярости голосом. – И благодари богов, что тебя любит моя сестра.

Усмар не заставил себя упрашивать. Вскочил и помчался через подлесок туда, где за кустами виднелся его мерин. И только вскочив в седло, он словно опомнился. Поправил полы накидки, огладил волосы и, бросив взгляд на Скафти, стоявшего перед замершей Светорадой, крикнул издали:

– Ладно, сегодня она твоя, Скафти! Ты можешь потешиться с Медовой, пока ее Стрелок занят с Согдой.

И, пришпорив мерина, поскакал прочь.

Светорада только сейчас заметила, что плачет. Она стояла, прижав ладонь к губам, и вздрагивала. Скафти молчал, потом отошел в сторонку, поднял с земли повойник и протянул ей. Она же просто крутила его в руках под суровым, как ей показалось, взглядом варяга.

– Скафти, – всхлипывая, произнесла она, – Скафти, я не хотела. Он сам...

– Я догадываюсь. Усмару мимо красивой девы трудно пройти.

Варяг смотрел на Свету, растрепанную, плачущую и беззащитную, и в глубине души понимал Усмара, не устоявшего перед ее влекущей красотой. Неожиданно он сам разволновался, ему захотелось прижать молодую женщину к себе, утешить, пропустить сквозь пальцы золото этих прекрасных волос, вдыхать их запах... а еще узнать вкус этих губ, трепет этой груди...

Но тут он вспомнил, как недавно Усмар как раз это ему и советовал, и едва не отшатнулся от Светорады. Сел в стороне на поваленное бревно, поставив копье меж колен. Сам смотрел на молодые листочки, на то, как они светятся на солнце, на тоненький стебелек ветреницы у корявого ствола дуба и думал о том, что весенний цветок такой же нежный и беззащитный, как эта молодая женщина. И еще Скафти думал о том, что, не подоспей он вовремя, еще неизвестно, что бы тут приключилось.

Света через какое-то время сама подошла к нему. Она уже убрала разметавшиеся волосы под повойник, и только пальцы еще возились с застежками на груди, пряча под одежду рубиновый кулон.

– Ну что, идем? – спросил Скафти почти буднично и поднялся, опершись на копье.

Светорада испытующе посмотрела на него.

– Скафти, поверь, я не виновна в том, что случилось. Ну почти... Я ведь думала, что он ваш родич, поэтому и позволяла себе быть приветливой с Усмаром. Возможно, излишне приветливой...

Скафти поднял руку, принуждая ее умолкнуть.

– Давай так, Медовая: мы оба забудем о том, что тут приключилось. Посмотри-ка лучше, какой день ясный, какое солнышко. А то, что произошло... Просто забудь, как забыл уже я.

Он отошел, чтобы поймать своего коня, а потом они пошли рядом по тропинке. Конь Скафти неспешно ступал за ними, хватая на ходу молодые побеги с ветвей. Светорада вспомнила, сколько раз заигрывал с ней сам Скафти, сколько раз она лукаво отвечала на его ухаживание, и ей сделалось не по себе. Он мог подумать, что она сама подтолкнула Усмара к попытке овладеть ею. К тому же теперь она не была княжной, которую никто не смел ни опорочить, ни обидеть. А ее привычка быть любезной с людьми... Ах, как же ей изменить саму себя, как

дать понять им всем, что ее расположение – это одно, а ее любовь к мужу – другое, гораздо более важное.

Неожиданно Светорада остановилась и схватила Скафти за рукав.

– погоди! Ответь, кто такая шаманка Согда? И что за разговоры идут о ней и о моем Стрелке?

Скафти оперся на копье и, посмотрев на нее своими ясными зеленоватыми глазами, стал негромко насвистывать. Варяг был намного выше Светорады и сейчас походил на взрослого, взвращающего на неразумного ребенка. И все же она настаивала:

– Для меня это важно, Скафти. Так важно, что... Ты и представить не можешь, как нас со Стрелком свела судьба и что для меня может означать его измена.

Скафти по-прежнему продолжал насвистывать. В глубине души он давно понял, что этих пришлых объединила не простая любовь, что есть в них нечто особенное. Скафти верил, что его отец достаточно мудр и много повидал, чтобы утверждать, что Света – женщина благородного рода, а Стрелок, несмотря на молодость, – настоящий яшень сечи, прирожденный боец, который не по годам опытен. Да, эти двое были настоящей парой. А вот то, что сам Скафти много думает о Медовой, что скучает, если долго не видит ее, – его забота. Как и то, что его охватывало желание обладать ею, когда он слышал по ночам, как сладко стонет Света в объятиях мужа. Но сын Аудуна уверил сам себя, что для него найдутся другие женщины, чтобы утолить плотский голод.

– Вот что, Медовая, мне и дела нет до того, что наплел тебе этот помет сорочинный, который, на беду, является моим родичем. Поэтому будь умнее и верь в то, что говорит тебе твое сердце, а не злые языки.

– И все же, скажи, кто эта шаманка. Ты видел ее?

– Видел. И не только видел, но и познал, какова она. Согда – служительница Нэп-Эквы, мерянской богини огня. Она и сама подобна огню – рыжая, какие среди мерян редко встречаются. Но Согда... Она очень властная и дерзкая, даже на мужчин смотрит как на равных себе и... очень смелая в любви. Но ты успокойся, она ничего не значит для Стрелка.

Светорада молчала, не зная, что ей думать об этом. Скафти прав, мерянские женщины просты и доступны. Кому-то это нравилось, а кто-то относился к ним с пренебрежением. Но ее Стема...

Скафти продолжил:

– Послушай, мужчина может сколько угодно сходить с женщинами, но каждый знает, что важна для него только одна. Так которая становится его женой, матерью его детей. И такая женщина так много значит для него, что это равняется с честью!

– Но мужчина может взять еще жену, если его водимая жена бесплодна, – вздохнула Светорада, вспомнив, что до сих пор так и не понесла от любимого мужа.

– Но твой Стрелок не таков! – повысив голос, почти вскричал Скафти. – Знаешь, чем он мне понравился, несмотря на то что ехидные языки до сих пор напоминают мне, как он одолел меня в единоборстве на копьях? Он тем мне пришелся по душе, что я в нем почувствовал родственную душу. А если у него и будут женщины, то женой ему будешь только ты.

– Но я не желаю, чтобы у него были женщины! – Светорада топнула ногой. – Ведь я... Я... Ты даже не представляешь!..

– Ты тоже многое не представляешь, Света Медовая! К примеру, ты знаешь, что это? – Он подергал себя за косицу у виска. – У нас это знак вдовства. Меня тут все хотят женить, но я не соглашаюсь. Потому что у меня уже была жена. И то, что было между нами, не сравнить ни с чем, что могут дать мне другие. Возможно, даже ты...

Последние слова он произнес совсем тихо, и Светорада отступила от него, ибо взгляд Скафти вдруг запылал, лицо посуровело, и он посмотрел на нее так, будто хотел проглотить ее всю, без остатка.

Но Скафти тут же отвел взор, а потом и вообще отошел. Накинув повод на корни поваленной сосны, варяг опустился на покрытый лишайниками ствол. Светорада осторожно присела немного поодаль. Почему-то ей казалось, что она нужна сейчас Скафти. И когда он заговорил, несколько нервно, словно выплескивал давно потаенное, она слушала не перебивая.

Оказывается, много лет назад еще там, в Нореиг, Скафти был обручен с дочерью благородного и богатого человека. Девушку звали Турид, она была единственным ребенком, поэтому считалась завидной невестой. Скафти знал ее с детства и, когда их обручили, отнесся к предстоявшему браку спокойно, без лишней восторженности. Это была просто сделка: он – старший сын ярла Аудуна, она – наследница хорошей усадьбы и большого участка плодородной земли. К тому же их считали красивой парой, говорили, что он словно серебристый горностаи, а она как рыженькая белка. И было сговорено, что Скафти отправится в поход, по возвращении с которого им справят свадебный пир. Его это устраивало, так как заниматься хозяйственными хлопотами ему не нравилось, а вот поглядеть мир и узнать, на что способен, было интересно.

Почти целый год он отсутствовал, добыл немало богатства и славы, однако, когда они уже возвращались, на Скафти вдруг напала какая-то хворь. Он слабел, кашлял и таял прямо на глазах. Когда варяги вернулись в родной фьорд, его вынесли с корабля почти в беспамятстве. Так он и лежал в усадьбе, то приходя в себя, то погружаясь в забытие. Местные лекари поили его всякими зельями, но ничего не помогало.

Вот тогда отец Турид явился к Аудуну и сказал, что раз Скафти уже не жилец, будет лучше, если они разорвут обручение. К Турид как раз сватался сын местного хевдинга, и глупо было упускать такую возможность. Аудун с этим согласился, да и Скафти не стал возражать: тогда его уже ничего не интересовало. Однако тут заупрямилась Турид. Она сама стала готовить для Скафти снадобья, а потом решилась на отчаянный шаг. Неподалеку от них, в лесной чаще, жила ведьма. Люди боялись ее и говорили, что на ведьму следует надеть мешок и бросить в воды фьорда, но никто не осмеливался сделать что-либо подобное, поэтому ее просто избегали. А вот Турид не побоялась пойти к ней. Девушка преподнесла ведьме богатый дар и попросила о помощи. Ведьма, погадав ей, сказала, что на Скафти навел порчу кто-то из тех краев, где он был в походе. И снять ее можно только одним способом – положить на грудь больного руку давно умершего могущественного человека.

Дальнейшего вообще никто не ожидал. Турид наняла двух батраков, чтобы те раскопали курган некогда захороненного в их краю знатного ярла, а ночью, как и полагается, пошла к тому кургану и взяла у мертвеца кисть его руки. Вернувшись, она положила ее на грудь Скафти и стала ждать. И уж неизвестно, помогли ли Скафти употребляемые им снадобья или ведьма оказалась права, да только он стал идти на поправку. Скоро он совсем выздоровел, и они с Турид сыграли свадьбу, на которой пировала вся округа.

Однако не зря люди говорят, что мертвецы так просто не отдают ничего своего. Вот и с Турид стали происходить странные вещи. Бывало, она вскидывалась ночью и начинала кричать, указывая на что-то, только ей видимое, и говорить, что мертвец зовет ее. Потом она стала видеть странное и днем, все время оглядывалась и успокаивалась только, когда Скафти обнимал ее. Но вскоре и это перестало помогать. Турид билась в руках мужа и кричала от страха, а потом и вовсе ее разум помутился. Она никого не узнавала, смотрела перед собой, только тихонько просила кого-то оставить ее в покое. Иногда она убегала, и люди находили ее бродящей по лесу и с кем-то ругающейся. Турид совсем обезумела, ее красота увяла, но Скафти все равно ее любил, памятуя о том, что она для него сделала.

Он даже решился тоже пойти к той ведьме, однако выяснилось, что отец девушки, разгневанный на нее за то, что она сделала с его дочерью, велел ее убить. А зря... Может, она и смогла бы помочь.

– Однажды, – тусклым голосом продолжал рассказывать Скафти, – я отлучился из усадьбы и слуги, к сожалению, не уследили за Турид. В последнее время она стала очень хит-

рой, могла прикинуться спящей, а потом незаметно убежать. Ее обычно скоро схватывались и возвращали. Но не в тот раз... И когда я вернулся, мне поведали, что моя Турид взобралась на кручу и бросилась вниз.

Светорада зачарованно смотрела на Скафти, и ей казалось, что она слушает древний сказ о безумной красавице Турид, о загадочной лесной ведьме и безутешном богатыре Скафти, рыдающем над изувеченным телом жены.

– Скажи, – спросил Скафти, подняв на Медовую свои потемневшие от горестных воспоминаний глаза. – Скажи, мог ли я после этого взять в жены другую? Ведь Турид на такое пошла ради меня, а потом из-за этого и погибла. Я дал себе слово, что больше никогда не выпью брачную чашу ни с какой другой женщиной. Я ведь прав?

Светорада задумалась. Она была польщена, что быстрый, душой похожий на легкую птицу Скафти доверился ей, и понимала, что спрашивает он ее не просто так. Все его родные твердили, что парню пора остепениться, а не блуждать по лесам в поисках скорой любви от покладистых мерянских женщин или уводить под кусты ростовских молодых. Гордому Аудуну не было в том чести, и ему часто жаловались на сына, который, будучи взрослым мужчиной, вел себя, как безрассудный юнец, а потому считался недорослем и неполноценным членом общины, из-за чего не мог ни подавать голос на градских сходках, ни стать главой отряда. Правда, Скафти не больно-то рвался вмешиваться в общинную жизнь, но он ведь старший сын и наследник, и однажды ему придется взять на себя ответственность за всех в роду.

Светорада мягко сказала:

– Ты живешь, как тебе нравится, Скафти сын Аудуна. Отчасти мне понятно твоё желание строить собственную жизнь без оглядки на обычаи. Но ты должен кое-что понять: если курганный мертвец забрал к себе душу твоей Турид, то через нее он и тебя удерживает. Прошрое всегда тянет нас назад, ты живешь словно на привязи, а в жизни надо смотреть вперед. Так что тут только тебе решать – строить ли свою Долю или жить с Недолей в душе и ей подчиняться.

Услышав такие речи от беспечной жены Стрелка, Скафти даже отстранился от нее и посмотрел с каким-то новым интересом. Эта юная веселая пташка, никогда не казалась ему особенно умной, как, например, его мудрая старшая сестра Гуннхильд или практичная Асгерд. И уж совсем он не ожидал от нее речей присущих пожившей советчице, которая много испытала на жизненном пути.

– Доля с Недолей тут ни при чем, Света жена Стрелка, – заметил он с непривычным для него серьезным видом. – Просто моя Турид всегда здесь. – Он приложил руку к сердцу. – И пока я не пойму, что она отступает, позволяя другой взволновать мое сердце, я не расплету вдовью косицу...

Потом Скафти будто встряхнулся, беспечно заявив, что он проголодался, и стал шутиливо намекать, что Света, такая отменная стряпуха, должна непременно угостить его чем-то из запасов на становище. Светорада даже подивилась его умению отбрасывать печальные мысли. Что ж, есть люди, которые любят жизнь и находят повод для радости, даженося в сердце тоску. Интересно, а как бы повел себя Стема, если бы с ней что-то случилось? Как скоро он бы утешился? И она вдруг ощутила, что нестерпимо хочет увидеться с ним. Чтобы обнять его... и чтобы разобраться в том, что наплел ей Усмар о какой-то мерянской шаманке!

Когда насытившийся мутной, но очень вкусной похлебкой Скафти собрался уезжать, Светорада спросила, когда его отец намеревается отбыть в Медвежий Угол. Узнав, что, скорее всего, уже завтра, она потребовала, чтобы Скафти взял ее с собой в Ростов. Здесь, как оказалось, без нее есть кому готовить, а ей непременно нужно съездить к мужу.

– Ты все же хочешь убедиться, что твой Стрелок верен тебе? – засмеялся Скафти.

– Уж не покрываешь ли ты его? – вскинулась Светорада. А потом с независимым видом добавила, что ей просто хочется взглянуть на эту великую реку Итиль, о которой ей столько рассказывали.

Скафти махнул рукой.

– Тебе бы только поступать по-своему. Ну чисто княгиня, своенравная и привыкшая повелевать! Ладно уж, залазь на моего серого. Да мне и самому проехаться на коне с красивой девушкой будет в радость. Но учти, я не мой отец. Вряд ли тебе удастся уговорить Аудуна так быстро, как меня, доброго и покладистого мужчину.

– Уговорю, – буркнула, тряхнув головой, Светорада.

И не ошиблась. Умела она повлиять на людей. Даже на важного ярла Аудуна.

Глава 6

Стема и не догадывался, что к нему на Итиле приедет жена. Однако известие, что из Ростова вскоре снарядят отряд воинов, а также мастеровых для постройки крепостцы на речном мысу, он уже получил. И понимая, что вновь прибывших придется чем-то кормить, Стема еще с утра отправился со своими людьми на охоту в лес.

У них удачно сладилось: удалось подстрелить пару оленей и несколько зайцев, а когда охотники уже укладывали освежеванную добычу на волокуши, чуткий мерянин Кетоша из отряда Семы вдруг встрепенулся и стал прислушиваться.

– Чу! Слышите? Что-то творится на реке.

Все замерли, прислушиваясь. Со стороны леса, где текла полноводная река Итиль, и впрямь долетали приглушенные расстоянием беспорядочные звуки, отнюдь не вязавшиеся с безмятежностью солнечного ясного дня: слышались крики, лязг железа, скрип тяжелого дерева. Воевода Нечай первый сообразил, что это отголоски битвы, и, велев оставить на двоих уных добычу, всем остальным приказал поспешить к реке.

– Никак черемиса разбойная на кого-то налетела, – предположил он, обращаясь к Стелку.

И не ошибся. Когда люди Семы выбрались на крутой лесистый берег над рекой, они увидели сверху настоящий бой. И какой бой! Два тяжело груженных корабля были остановлены мелью, причем первый был явно кораблем викингов, загородившим путь и второму, крутобокому судну с большим клетчатым парусом, а вокруг этих увязших кораблей, как рой мух кружили многочисленные лодки-долбленки. С долбленок на суда летели потоки стрел, да и сами разбойники стремились отовсюду вскарабкаться на застрявшие ладьи. Наскочившие явно были из черемисы: все в звериных шкурах, на головах высушенные морды ушастых и рогатых зверей, визжат пронзительно, как принято только у этого племени, когда идут в наскок.

Стема первым натянул лук, сбив стрелой пробиравшегося к мачте варяжского корабля разбойника, у которого на голове красовались козы рога. Тот полетел прямо под ноги варягов, отбивавшихся у крытого сукном товара. Потом еще один был сбит в попытке взобраться на корабль. Но это уже не Стема постарался, а поднаторевший на уроках стрельбы хвастливый Влас.

– Эвон, какой я! – воскликнул новгородец, потрясая луком.

И тут же охнул, когда по его щеке чиркнуло пущенной кем-то из разбойников стрелой. Влас испугался, стал кричать, что у черемисы все стрелы отравлены, но в горячке боя некогда было разбираться. Да и сам Влас, когда люди Нечая стали пробираться по песчаной косе туда, где шел бой, тоже вновь кинулся в сечу.

Стема выпустил еще несколько стрел, пока не заметил одну странность: ряженные тати, поняв, что к кораблям подоспела подмога, поплыли не к противоположному дальнему берегу, а попытались укрыться в зарослях камыша. Черемиса бы к себе на другой берег поспешила, а эти...

– А ну лови их, ребята! – крикнул Стемка. – Старайтесь в полон брать, а там поглядим, что с ними делать.

Бой еще продолжался, но возбуждение его уже стало сходить, да и пленных на берегу было уже достаточно; разбойников окружали, валили прямо в воду, тех, кто пытался отбиваться, оглушали крепким ударом, других просто вязали. И как всегда бывает после схватки, на людей стала находить вялость. Более прытким из разбойников все же удалось скрыться в чаще, и на них попросту махнули рукой, зная, как здешние тати умеют отчаянно сопротивляться в зарослях.

Нечай снял с головы шлем и, вытерев вспотевший лоб, помахал рукой людям на ладьях. Он не ошибся, распознав на первом корабле варяжских торговцев. А на втором... Оценив крутость боков этого судна и покрой паруса, воевода пришел к выводу, что это хазары. Да и присутствие на корабле лошадей, которых пытались успокоить, свидетельствовало, что торговцы из хазарского каганата. Наверняка плыли на север, надеясь повыгоднее продать там своих гривастых красавцев.

Хазарский корабль смог первым развернулся к берегу – ладья варягов еще оставалась на мели и людям из Медвежьего угла еще придется с ним поводить, пока стащат. Ну да ладно, надо же показать, что не просто так с них берут пошлину за хождение вдоль Ростовских земель. Однако хазарские корабельщики все едино выглядели недовольными. Один из них выступил вперед и на неплохом славянском заявил, что их уверяли, будто здешний участок реки спокойный и под охраной, а оказалось, что все это ложь.

Нечай оглядел говорившего. Надо же, с какой бузой ему приходится дело иметь! Воевода знал, что хазарской торговлей их ведают иудеи⁷² с пейсами, обрамляющими лицо, а перед ним стоял какой-то калека горбун с татуировкой на лице, как принято у простых черных хазар. И при этом горбатый держался важно, да и одет был богато – весь в соболе да парче, на впалой груди золотые украшения в три ряда покачиваются, а на голове высокий колпак с поблескивающими нашивками. Наверняка этот блеск разряженного горбуна и привлек внимание дерзких лесных разбойников. И не подоспей вовремя люди Нечая, покрасовался бы какой-нибудь вожак из местных в этом уборе перед своими старейшинами или женами. А эта татуированная хазарская морда еще недовольна чем-то.

– Что ты потерял из товара, купец? – обратился к нему Нечай.

Тот оглянулся на свое добро, потом снова посмотрел на воеводу и подтянулся, стараясь казаться выше. Да куда ему с его горбом!

– Ничего не утеряно, слава могучему Тенгри-хану⁷³.

«Ага, своего демона помянул, – отметил Нечай. – Значит, точно не иудей, а птица невысокого полета».

– Ну, раз ничего, то и с нас какой спрос? Оберегли мы и жизнь твою, и имущество, так что ты нас не хаять, а благодарить должен. Иди далее по реке, никакого урона тебе больше не будет. И часа не проплывешь, как увидишь мыс с нашей крепостью. Там и мыто проездное заплатишь за то, что оберегли. Давай, давай, отчаливай! – прикрикнул он на пытавшегося возразить ему «черного» хазарина. Ишь спеси набрался, будто из пейсатых!

Когда крутобокий корабль горбатого хазарина стал отходить, Нечай со своими уже во всю был занят ладьей варягов. Нарубили молодые деревца на шесты и вместе с варягами подсовывали их под днище, налегая на судно, чтобы сдвинуть его с илистой мели. За делом Нечай даже переговорил с их ватажком, трудившимся наравне со всеми и заработавшим этим невольное уважение ростовского воеводы. Тот на исковерканном славянском (благо, что муж варяжки Гуннхильд немного знал его язык – так и смогли объясняться) поведал, что его спутник-горбун идет с ним от самой богатой хазарской столицы Итиль. Там горбатый хазарин состоял на службе у некоего царевича, вот и возмнил о себе невесть что, однако, как варяг слышал, в последнее время этот Гаведдай – так звали горбуна – чем-то обозлил своего господина, и тот прогнал его со службы. Небедный после былых щедрот царевича горбун решил заняться торговлей с Русью и пристал к варяжским купцам, надеясь, что плыть вместе на беспокойный север будет безопаснее. Они и шли по рекам без помех, пока эти мохнатоголовые и рогатые не напали.

⁷² Во главе хазарской верхушки стояли иудеи (с начала IX века иудаизм стал религией правящей элиты в Хазарии).

⁷³ Тенгри-хан – верховное божество так называемых «черных» хазар. Среди хазар имелись «белые» хазары, принадлежавшие к правящей верхушке и поклонявшиеся иудейскому Яхве; были и «черные», продолжавшие почитать старых языческих богов.

– Больше не нападут, – заверил предводителя варягов Нечай. – А с этими я сам разберусь. Он продолжал учтиво беседовать с варяжским гостем, хотя уже давно заприметил, что Стрелок делает ему какие-то знаки с берега.

Когда корабль викингов вольно пошел по реке, Нечай подошел к Стрелку.

– Ну что там?

– Тут такое дело, Нечай, – сказал парень, откидывая с глаз длинный чуб. – Наши это. Разбойнички. Не мордвины, не черемиса, а меряне здешние. И возглавил набег не кто иной, как наш с тобой знакомец, шаман Чика. Как прикажешь с ними быть?

Нечай только буркнул:

– Разберемся.

Предводитель разбойных мерян и впрямь оказался местным шаманом. С его головы стянули личину в виде рогатой козлиной головы, и теперь Нечай вертел ее в руках, укоризненно качая головой. А шаман Чика стоял, вскинув надменно подбородок, словно и вины за собой не чувствовал.

Нечай заговорил:

– Что ж ты наделал, Чика, дружок? Не с нами ли ты за одним столом пировал, гулял? Или мы жалели для тебя мяса, пирогов да хмельного меда? Отчего ты так разошелся, что неладное надумал – под черемису рядиться да разбой учинять? Ведь знаешь, что после недавних стычек мы с черемисой ряд⁷⁴ заключили о том, что они не станут разбойничать на реке, а мы их за то на торги летом пустим. И что получается? Если бы вас за черемису приняли да в ответ их становища побили, не было бы мира на Итиль-реке!

– Черемисе можно, а нам нельзя! – сверкая раскосыми темными глазами, выкрикнул шаман.

Он был еще не стар, в его заплетенной в косицы бороде почти не было седины. И держался Чика дерзко: будучи гораздо ниже Нечая, он вскидывал голову перед воеводой, будто не ответ держал, а сам допрос учинял. Однако расплывшаяся охряная краска на щеках делала шамана жалким, а его потуги казаться важным выглядели смешно. И все же ни воеводе, ни дружившему с Чикой Стеме было не до смеха. Оба понимали, что спустить разбойное нападение на охраняемых ими землях нельзя.

– У нас зверь плохо в силки шел, – продолжал говорить Чика. – У нас рыбы для детей не хватало. Нам что, помирать с недокормицы? Отчего бы и не попробовать поправить дела, когда такое богатство само в руки идет?

– Это у тебя-то мало богатства? – покачал головой Нечай. – Тебе не хватает скота, чтобы накормить мерянских детей? А теперь, Чика, я должен наказать вас.

Тут еще и Влас налетел, кричал, указывая на кровоточащую ссадину у себя на щеке и говоря, что если в ней окажется яд...

– Да не использовали мы яд, – устало вздохнул шаман. – Что мы, черемиса дикая, чтобы губить людей зазря?

– А своего же, Кетошу-мерянина, подстрелили! – не унимался Влас. – Парня только добрые доспехи и спасли. А то уже сегодня вечером с вашим Кугу-юмо брагу бы пил на том свете. Так я говорю, старшой?

– Так, – кивнул Стемид. – Сам понимаешь, Чика, что теперь тебе не поздоровится. Так что с ним делать прикажешь, Нечай? – повернулся Стемид к воеводе.

И Нечай повелел: каждого третьего из пленных мерян лишить большого и указательного пальцев на руке да развести огонь, чтобы сразу прижечь раны, тем самым избежав заражения крови.

---

⁷⁴ Ряд – договор.

Среди мерян сразу поднялся стон и плач. Для лесного охотника лишиться двух пальцев означало потерять возможность стрелять из лука и почти обречь себя на голодную смерть. Даже Стема не удержался, чтобы не попросить Нечая ограничиться поркой.

– Ништо, – отмахнулся тот. – Пусть свои же знают, из-за кого договор с черемисой чуть не сорвался. А бортничать они и без пальцев смогут. А не смогут, пуцай на палы к нам идут. Работа найдется, не пропадут. – И сердито зыркнул на Стрелка: – Ишь какой добрый выискался. Чисто христианин. Люди Чики на варягов напали, а тот же Аудун такое устроит, когда прознает, что мы за земляков его с мерянами не посчитались! Да он сам мерян резать в леса пойдет! Аудун вроде добрый, но и бешеным может стать, если что не по нем. Берсерк⁷⁵, одним словом. Недаром его даже наш Путята побаивается.

– Это Аудун-то берсерк? – подивился Стема. Ему приходилось сталкиваться с берсерком и поэтому казалось невероятным, что приютивший его Светораду благородный ярл может быть таким.

Но Нечай уже отошел от него, отдавая распоряжения. На оставшегося стоять Стему глянул с насмешкой.

– Ладно, голубок сизокрылый, лети отсюда в свою крепостцу. Я ведь здесь наездами, а тебе тут жить. Вот и нечего раздражение у местных вызывать. С грязной работой я сам управляюсь, а ты пока ранеными займись. Проводишь их в крепость, да только Власа своего мне оставь. Этот кровушку пускать любит, пусть и постарается для меня. Да еще с добычей охотничьей тебе надо разобраться. Не пропадать же добру, когда тут такое...

И все же прежде чем уйти Стема шепнул Нечая, чтобы тот шамана Чики не трогал. Пусть избежит наказания, а за неудачу ему свои же меряне накомылят, даром что тот беседует с богами. Меряне – люди простые, но зло им на ком-то сорвать придется. И не на русах же, которые и сильны, и с войском, и мерян защищают прилежно, и хлеб научили их сеять. И уходя Стема даже махнул рукой шаману в шутовском приветствии. Однако Чика ответной радости не проявил, даже крикнул гневно:

– Теперь тебя наша Согда ни за что любить не будет!

Стема, дурачась, схватился за голову и даже зашатался, показывая как ему страшно, чем вызвал смех своих дружинников. Но самому Стеме было не до смеха. Далась им всем эта Согда! Считают, что он тут всем обязан ее расположением.

Когда Стема, сопровождая волокуши с ранеными и свежаванной олениной, подъезжал к Медвежьему Углу, у пристани, недалеко от впадающей в Итиль речки Которосли, уже показывались давешние купеческие суда. Местные меряне обступили сошедших на берег купцов и бойко с ними торговались, предлагая пушнину и мед в обмен на заморские товары. Тут уже была очищенная от леса и обустроенная торговая площадка, а чуть дальше на речном мысу высилась крепость под названием Медвежий угол. Там и сейчас кипела работа, слышался звук стучавших топоров и скрип дерева.

Стема с удовольствием смотрел на возводимый с его участием городок. Тын, опоясывающий деревянную крепость, был почти уже окончен, только со стороны берега еще не установили длинные ограды из бревен, и в этот проем с дороги была видна высокая кровля большой дружинной избы. Стема не раз уже обдумывал, как будет тут на реке воеводствовать. Это хлопотное дело, но и почетное. Но главное, что он возвысится, а там и Светку свою возвысит, нарядит в паволоки⁷⁶ заморские, окружит слугами, чтобы жилось ей вольготно, чтобы не работала на других. Правда, видется тогда они будут еще реже, вздохнул Стема. Поселить ее на реке, где проходит торговый путь, он никогда не согласится. Ибо если в Ростове своя тихая

---

⁷⁵ Берсерк – воин, приходящий в неистовство в бою, нечувствительный к ранам и бьющийся с особой силой и жестокостью.

⁷⁶ Паволоки – тонкие ткани.

жизнь, то тут и опасно и людно. А людно означает особо опасно для них со Светорадой. Ибо если кто узнает его красавицу... Стеме было страшно даже подумать об этом.

От размышлений Стемида отвлекли женские голоса. Он со своими людьми как раз проезжал мимо вымола, где у небольшой заводи собралась стайка женщин, занятых лепкой горшков. Стему в первое время удивляло, что меряне еще не знали гончарного круга и посуду лепили по старинке. Вот и сейчас одни женщины месили ногами глинистую массу, а другие были заняты лепкой: отделив от уже размешанной глины небольшой комок, они скатывали его сперва в шар, а потом, нажимая на глину большими пальцами и оглаживая снаружи ладонями, изготавливали сперва дно будущего сосуда, похожее на острый конец яйца, а потом наращивали стенки из полосок вылепленной глины, уравнивая их похлопыванием и нажимом пальцев. Чтобы глина не приставала к рукам, женщины то и дело обмакивали их в речной воде. Поэтому весь бережок был занят хлюпавшимися в холодной воде мерянками, которые весело болтали за своей нехитрой работой.

Но при появлении Стрелка и его парней, мерянки стали их громко приветствовать. Воинов с Руси местные женщины особо привечали, даже для Глоба, отнюдь не красавца с его перебитым носом и темными после драк зубами, нашлась тут своя лада, бойкая молодая вдова, у которой на руках было трое детей, но которая всячески обхаживала ростовского дружинника, мечтая, что однажды он наденет на нее брачный браслет. И хотя Глоб похвалялся, что он вольная птица, однако по тому, как воин обрадовался встрече с вдовой мерянкой, было видно, что настырная баба все же приручила драчуна. На глазах у всех он подъехал к ней и они стали о чем-то говорить, не обращая внимания на хохочущих женщин. Вскоре Глоб вернулся и указал Стрелку куда-то в сторону. Стема проследил за его рукой и увидел идущую от леса Согду. За его спиной один из кметей вздохнул со стоном:

– Ах, до чего же хороша! Так бы и съел ее!

Служительница местной богини огня Нэп-эквы была довольно высокой для мерянки и величавой в движениях. Ее длинное одеяние из хорошо выделанной тонкой кожи было украшено по плечам и вдоль широких рукавов нашивками из меховых узоров и речным жемчугом; на голове был трехрогий убор жрицы, тоже украшенный мехами и бляшками из серебряных пластинок, спускавшихся, словно чешуя, на ее лоб. В чертах Согды явно угадывалась примесь инородной, нездешней крови: черные, слегка раскосые глаза, смуглая с оттенком желтизны кожа, нос с легкой горбинкой и нервными, как у породистой кобылицы, ноздрями. Встретившись взглядом со Стрелком, она широко заулыбалась, обнажив крепкие белые зубы, и пошла прямо на него.

Оказывая честь ее положению, Стема ждал, а его дружинники понимающе хмыкали, проезжая мимо.

– Она как Итиль во время паводка, – говорили. – Бурная, упрямая, сильная. Пойдет на кого – не увернешься.

Шаманка подойдя к Стеме вплотную, властно положила ему руки на плечи.

– Придешь? – то ли спросила, то ли приказала.

Стема ответил, немного помедлив:

– Лучше не жди.

– Что, все жены своей боишься?

– Не боюсь, Согда, а люблю.

Она продолжала улыбаться, а руки ее ласково огладили его плечи, коснулись шеи, словно желая то ли обнять, то ли придушить.

– Скоро новолуние, – сказала женщина, – ночи будут темные-темные. Так что никто не узнает. А я огонь для тебя разожгу, чтобы путь ко мне нашел.

Стема, пошел в крепость. Взгляд шаманки, служительницы пламенной богини, так и жег ему спину и, казалось, пропекал доспехи – того и гляди, металлические бляхи на нем рас-

калятся добела. Стема уже не раз обругал себя за то, что, напившись на пиру после сговора с черемисой, поддался Согде, позволив увлечь себя в ее избушку у мерянской кумирни, где провел с ней полную любовно-пьяного угара ночь. С тех пор Согда не давала ему прохода. Она сама была как пламя и не сомневалась в своих чарах. А то, что молодой десятник после памятной ночи начал избегать ее, только еще больше распаляло шаманку, и она донимала его непрестанно.

Стеме не нравилась эта история. А пуще всего он боялся, что какие-то сплетни дойдут до его жены. И он отвлекся, отдавая распоряжения насчет раненых, потом рассказывал о наскоке мерян на корабли. Но тут подбежал один из его отряда с сообщением, что со стороны речки Которосли, выходявшей из лесов прямо к Итилю, слышно гудение рога. Значит, Которосль уже сбросила лед и к ним от Ростова движутся суда.

Стема уже знал, отчего ростовчане не поставили защитные частоколы вокруг града на озере Неро. Пробраться туда через болотистые чащи и лесную глухомань с буреломами и трясинами чужому человеку было не под силу, а водный путь по Которосли во многих местах был перекрыт вбитыми в илистое дно заостренными кольями, чье расположение было известно только своим. Когда же наступала пора туманных летних испарений и Которосль сильно мелела, частоколы поднимались над водой и проход становился таким узким, что пробраться на ладье к граду вообще становилось затруднительно – точно так же, как из Ростова на Итиль. Однако сейчас, после таяния снегов, была самая пора, когда Аудун выходил на своих стругах на Итиль, чтобы нести дозор на реке.

Стема вывел коня из конюшни и поскакал к устью Которосли, намеренно не заметив стоявшую в стороне Согду. Да он и не думал о ней, когда увидел, как мощно и плавно входят в Итиль суда Аудуна – два прекрасных драккара с блестящими на солнце темными осмоленными бортами, с рядами плавно взлетающих и уходящих в воду весел, с оскаленными мордами чудищ на высоких штевнях. Причем обе ладьи были тяжело нагружены: все пространство возле мачты варяги завалили мешками и бочонками, а на корме поместили тюки, плотно увязанные и старательно накрытые. Самого Аудуна Стема увидел еще издали и помахал ему рукой. Как и Асольву, правившему вторым драккаром.

Когда Аудун сошел на берег, они со Стемой крепко пожали друг другу руки. Парень глаз не мог отвести от стругов ярла.

– Какие же они у тебя красавцы, ярл! – говорил Стрелок, не скрывая восхищения. – Первый, как погляжу, скамей на двенадцать будет, да и второй не намного меньше. А осадка у судов, видать, такая, что и по мелководью пройдут.

Аудун с интересом взглянул на парня.

– А ты, Стрелок, неплохо разбираешься в драконах мачты⁷⁷. Откуда знаешь о варяжских кораблях?

Стема тряхнул длинным чубом.

– Да так... Была некогда у меня мечта на таком вот красавце уйти с варягами в дальний поход... Да только все уже быльем поросло.

Аудун вроде как собирался что-то сказать, но неожиданно отвел глаза, закусил ус, будто пытаясь подавить усмешку, и быстро отошел. Стема озадаченно смотрела на ярла, но тут получил сзади крепкий тумак. И по укоренившейся воинской привычке резко развернулся, выбросом ноги сбив напавшего. Ну и... обомлел.

На земле, сбита его подсечкой, сидела Светка и обескураженно смотрела на мужа. Стема сперва тоже уставился на нее, а потом кинулся, быстро поднял и так крепко обнял, что она даже взвизгнула.

---

⁷⁷ Корабль (кенинг).

– Эй, будь поучтивее с почтенной женщиной, – засмеялся Аудун. Эта пара всегда забавляла его.

А Светорада уже сама уперлась в грудь мужа, отталкивая.

– Вот, ехала к нему, лешему, а он только и знает, что драться! Знала бы, как встретишь, – в броню бы оделась.

– Светка моя!.. Солнышко ясное! Хм... в броню говоришь? Неужто и тебя под мою руку в отряд отдали? Вот уж я погонял бы тебя на учениях с кметями.

– Конечно, ты только на то и горазд, чтобы драться да гонять. Ну ничего, я тебя тут сама построю, да так, что и твоим кметям будет чему поучиться.

– Ты моих кметей не тронь! Ты их в Ростове так застрашала, что они только и твердят, что должны меня по твоему наказу охранять, и чуть что, кидаются со щитами, прикрывают.

– Неужто? Да я за это каждого из них расцелую!

– Смотри ты, целоваться она будет! Ты к кому ехала? Ко мне или к моим кметям?

Подобные перепалки между молодыми супругами служили знаком полного согласия между ними, и все вокруг улыбались, наблюдая за этой сумасбродной парой.

Между тем прибытие торговых стругов по Которосли послужило оживлению торгова, и ярл, оставив Стрелка со Светой, поспешил туда. Он здоровался с прибывшими варягами, расспросил, откуда они и куда направляются, что могут предложить на продажу. Его окружили. Ярл Аудун, статный и рослый, в добротных доспехах и посеребренном шлеме, смотрелся таким витязем, что ему каждый хотел уделить внимание. Здесь, на чужой земле, далеко от их северной родины, варяги держались друг с другом приветливо, расспрашивали о знакомых в надежде передать им весточку. И хотя прибывшие варяжские купцы предлагали ярлу отменные товары, приобретенные в торговом граде Итиль, Аудун отошел от них, как только увидел прекрасных коней, каких как раз сводили по сходням с другого корабля.

– Кто хозяин лошадей? – осведомился Аудун и его глаза заблестели оживленно. Одна светло-рыжая кобыла с белой звездочкой на лбу особенно ему глянулась. – Я спрашиваю, разрази вас гром, кто привез лошадей на мену?

Один из хазарских охранников тут же стал расхваливать коней, а сам все озирался, высматривая хозяина, горбатого купца Гаведдая, который один был уполномочен распоряжаться этим четвероногим товаром. Но того, как назло, нигде не было видно, вот охранник, путая славянские и хазарские слова, и не мог ничего толком пояснить. Аудун начал понемногу сердиться.

– Торговать вы сюда прибыли, песьи дети, или похвалиться?

– Не гневайся, могучий батыр! Я просто не могу понять, куда наш купец подевался. Он ведь...

И дальше шла сплошная тарабарщина по-хазарски. Наконец охранник радостно воскликнул, указывая на своего господина, благородного Гаведдая, который сидел за выставленными на мену бочонками и тюками, словно хотел остаться незамеченным. Аудун приблизился и какое-то время с любопытством смотрел на маленького горбатого хазарина, который украдкой за кем-то наблюдал.

– Послушай, почтеннейший, – с трудом припоминая хазарские слова, обратился к нему ярл. – Я с тобой говорить хочу, дело есть. О великий Один, да что это с татуированным уродцем делается? – возмутился он, когда хозяин лошадей, не обращая внимания на покупателя, стал отползать от него, все так же прячась за тюками с товарами и кого-то выглядывая.

Проследив за взглядом горбуна Гаведдая, Аудун решил, что тот смотрит в сторону Стрелка и Медовой. Молодые люди стояли и целовались, словно позабыв, что находятся среди людного торгова. Ну, понятное дело, таких обычаев в Хазарии нет – чтобы лобызаться у всех на виду. Аудун слегка пнул коленом притаившегося за тюками купца, вновь спросив про лошадей, и постарался объяснить, что у него самые серьезные намерения. К таким речам ни один

торговец не должен был оставаться глухим, как бы его ни шокировали вольные нравы местной молодежи.

Гаведдай наконец повернулся к ярлу. Ну и уродец, отметил про себя Аудун. Лицо худое, вытянутое, нос выступает клювом, даже островерхая богатая шапка, сверкающая золотыми нашивками, скорее подчеркивает уродство татуированного лица, чем красит его. Да и повел себя горбатый купец как-то странно. Сделав знак ярлу следовать за ним, Гаведдай перебежками, втянув голову в плечи, поспешил на свой корабль, не больно волнуясь, идет ли за ним покупатель.

Когда они взошли по сходням на корабль, хазарин почувствовал себя увереннее и даже велел прислужнику угостить Аудуна вином. Вино показалось тому кислятиной. Аудун знал вина и получше. Оттого и решил, что торговец не бог весть какая знатная птица, поэтому завышать цену пока не стоит. Варяг завел речь издавека, дескать, он привез разные товары на мену и теперь интересуется, что торговый гость может предложить за них. Нет, рыбий клей и вино Аудуну ни к чему (да еще такое дрянное вино), а вот на бобровые шкурки он с охотой обменял бы у него рыженькую кобылицу.

Говорили они на славянском, который, как оказалось, Гаведдай неплохо знал. Однако то ли от недопонимания, то ли оттого что мысли у него были чем-то иным заняты, горбун отвечал Аудуну медленно, невпопад и, вытягивая шею, часто поглядывал из-за высокого борта на берег. В конце концов Аудун тоже заинтересовался, что же так волнует горбуна. И, опять-таки, создавалось впечатление, что Гаведдай смотрел только туда, где находились Света и Стрелок.

Теперь молодые люди подошли совсем близко, стояли подле варяжского купца, который разворачивал перед ними кусок ярко-голубой ткани и расхваливал свой товар. Личико у Светы при этом было оживленным и довольным. А еще ярл заметил, что к молодой паре сквозь толпу пробирается шаманка Согда, мрачная и решительная. Но тут перед ней, словно из-под земли, возник кривоносый дружинник Глоб и стал теснить от молодой пары. Потом даже подхватил на руки и понес прочь, несмотря на ее протесты и попытки вырваться.

Эх, нельзя так вести себя с местными шаманами, да еще на глазах у мерян, отметил Аудун, хотя и понял, отчего Глоб так дерзок. Согда – соль, а не баба, и слух про нее и Стрелка идет помаленечку. Аудун не сомневался, что Согда окрутила Стрелка, как и иных окручивала. Ярл еще помнил ее влияние на себя и невольно содрогнулся. Меряне не зря считали, что есть в ней особая сила, поэтому у Аудуна до сих пор оставалось ощущение, что Согда тогда его душу как нитку тянула, наматывая на свое шаманское веретено. Когда же мерянка потеряла к нему интерес, он даже вздохнул с облегчением. А вот Стрелок, судя по всему, сам отвертелся. Да и как не отвертеться, когда у него такая жена как Света! Вот уж действительно дева светлая! Она как солнышко. И Аудун не сомневался, что такая как она разгонит тьму колдовства мерянской шаманки.

– Ну давай к делу, Гаведдай, – сказал Аудун, вспомнив, зачем пришел. – За уже упомянутую кобылицу я готов дать пять шкурок бобра с прекрасным темно-рыжим мехом, ну а там глядишь... могу и долбленку меда липового добавить. Это хорошая цена, соглашайся, хазарин.

Он лгал, конечно, но ведь с малой цены и надо начинать торги.

Гаведдай наконец-то повернулся к нему своим разрисованным лицом.

– Меха и мед меня мало интересуют, благородный Адуна-батыр, – произнес он, теребя золоченые подвески на груди. – А вот нет ли у тебя пригожих молодых женщин на мену?.. Мне нужны красавицы, чтобы выгодно продать их в стране булгар⁷⁸.

Аудун поводил светлыми бровями, немного озадаченный. Ну были у него Большом Конне пара-тройка рабынь, но чтобы выставить их за лошадь... Шкурки бобра и те выглядят заман-

---

⁷⁸ Булгары – здесь имеются в виду черные булгары, тюркский народ, одно время обитавший на Волге. Исповедовали мусульманство.

чивее. Эх, надо было Аудуну раньше подсуетиться. Молодые рабыни – ходкий товар, после набегов на мурому или черемису таких можно добыть, правда, у иноземцев они ценятся куда меньше славянок. И Аудун только развел руками, показывая, что мены не получится.

– Но разве ты недостаточно велик, Адуна-батыр, чтобы раздобыть в округе красивых дев за коня? – хитро прищурился хазарин. – Я бы охотно обменял рыжую кобылицу на такую вон. – Он кивнул в сторону стоявшей неподалеку Светы.

– Эту нельзя, – отрезал Аудун. – Это истинная липа ожерелий⁷⁹, она нашего племени, а своих я тебе ни за что не отдам, клянусь копьем Одина.

– Так она из варягов, – задумчиво произнес Гаведдай, вытягивая шею и глядя, как Стрелок, обнимая Свету за плечи, повел ее к реке, чтобы показать жене мощь полноводного Итиля. – Никогда не подумал бы, что эта дева вашего племени, клянусь своей удачей! Но до чего же хороша!

И вдруг зашептал:

– Ах, Адуна-батыр, если умыкнешь ее для меня, я тебе за нее весь табун отдам!

Аудун только зыркнул на него исподлобья, изогнув круто бровь, и горбун опомнился, вновь стал невозмутимо поправлять свои золотые побрякушки.

– Прости за навязчивость, благородный батыр, но должен заметить, что коней я вез в такую даль для того, чтобы обменять на русских красавиц. Ибо мой господин Овадия бен Муниш предпочитает их всем остальным. А мне ох как надо ему угодить!

– Говорят же тебе, купец, что Медовая из наших.

– Медовая? Разве это варяжское имя?

– Она только наполовину наша, – уточнил ярл. – Ее отцом был известный ярл Кари Неспокойный, а брат, тоже не последний воин, служил у богатого смоленского князя на Днепре. Так что она из очень почтенной семьи. Ну чего ты так уставился на меня?

Гаведдай и впрямь смотрел на ярла, открыв рот. Потом судорожно сглотнул, но все равно какое-то время не мог вымолвить ни слова. Аудун покровительственно ждал. Ах, если бы не та рыжая кобыла, какую ярлу так хотелось свести со своим Золотистым и от которой получились бы такие славные жеребята... разве сидел бы он тут с этим уродом!

Гаведдай наконец взял себя в руки.

– Ты сейчас говорил об очень известных людях, благородный Аудун, – наконец правильно выговорил он имя ярла. – Я был наслышан про Кари Неспокойного, знал и его сына Гуннара Хмурого. Так эта дева – сестра того самого Гуннара, говоришь? Ну а этот парень подле нее? Он тоже варяг?

– Он рус, но, если бы он был нашей крови, моему народу от этого только больше чести. Это Стрелок, муж Медовой. Я принял их в свой род и они прилились по сердцу моим домо-чадцам. Так что сам понимаешь, что твое предложение об обмене кобылицы на эту девушку столь же нелепо, как если бы я стал вдруг почитать Христа. А теперь к делу. Будем обсуждать покупку или ты только за деву готов отдать лошадь?

Вечером, когда стало смеркаться, все собрались в дружинной избе, стоявшей за недостроенным частоколом нового града на мысу. По центру длинной постройки были наскоро установлены очаги, в которых разожгли пламя. Запах дыма смешивался с запахом свежих деревянных плах; скамьи вдоль стен еще не были сколочены, и люди разместились на охапках сена, поверх которых бросили овчины и плащи. Дым от огней поднимался к продуху в кровле, шатровая крыша была высока и пока не успела потемнеть от копоти, и оттого помещение казалось большим и светлым, несмотря на то что по углам до сих пор валялись щепки и другой строительный мусор.

---

⁷⁹ Красивая женщина (*кенинг*).

Собравшиеся – воины, приглашенные торговцы-варяги, местные старшины мерян – были в приподнятом настроении. Аудун был особенно доволен. Надо же, горбатый хазарин, который сперва так упрямылся, вдруг передумал и уступил ярлу весь табун по сходной цене. Он и мену провел кое-как, начал вдруг торопиться, а вскоре вообще отбыл.

– Видать в край болгар решил повернуть, – сказал Аудун, передавая дальше по кругу мех с местным березовым медом. – Ему для господина девы нужны, вот и решил, что там на рынке рабом их выменяет на полученные от меня меха и мед. А вообще, как по мне, бестолковый он торговец. Ну да мне даже повезло с таким. Лошадки его теперь мои! – смеялся захмелевший ярл.

Аудун, будучи в прекрасном расположении духа, не прочь был похвалиться удачным торгом, однако, как и остальные, поглядывал во двор, где у котлов с другими женщинами хлопотала Медовая. От котлов так пахло, что слюнки текли, и все довольно загладели, когда женщины сообщили, что варево готово, и стали разливать длинными черпаками по мискам похлебку.

Светорада пошла туда, где в окружении дружинников сидел Стема, и воины потеснились, давая ей место подле мужа. Кто-то передал Свете чашу березового меда, тягучего, густого и пряного, и Стема предупредил ее, чтобы не усердствовала, если не хочет охмелеть. Она же только смеялась. Ей так хорошо было, что она тут со Стемой! И совсем не хотелось вспоминать про злые намеки тиуна Усмара. Но не удержалась все же спросить, кто такая эта Согда, о которой столько толков?

Стема только хмыкнул:

– Да есть тут одна шаманка. А тебе-то что, краса моя? Не ревнуешь ли?

Светорада смотрела на своего Стемку сияющими глазами.

– Сокол мой ясный! Я ведь всегда знала, что твой удел высок и что я с тобой не пропаду. И как же хорошо, что сегодня к тебе приехала! Так надоело, что ты все время тут, а я в Ростове. А здесь ничего, уютно, – произнесла она, окидывая взглядом светлые бревенчатые стены, где из щелей между свежевystруганными бревнами торчали беловатые с зеленью пряди высушенного болотного мха – для тепла. И Света сказала Стеме, как она все устроит тут, когда поселится с ним на правах жены воеводы и хозяйки.

Стема пристально поглядел на нее.

– Светка, уж не надеешься ли ты, что со мной тут останешься?

Ее сияющие глаза потемнели, предчувствуя подвох, но сказала:

– Конечно, останусь. Я ведь твоя жена. Или думал, что мерянке Согде тебя отдам?

Стема нахмурился.

– При чем тут Согда, разбей ее Перун своей молнией!

– Так уж и разбей, – деланно улыбнулась княжна, не понимая, отчего так резко изменилось его настроение.

Стема огляделся, увидел, что воинам сейчас не до них – вон кто-то уже гусли притащил, плясать собираются, – и решил, что, если они незаметно уйдут, никто не поставит новому воеводе это в вину.

Он встал, увлекая за собой Светораду, и двинулся вдоль прохода к дверному проему. Откинув занавешивающую выход шкуру, вывел жену во двор.

Здесь уже стемнело, частоколы отдаленного тына островерхо выделялись на фоне темно-синего вечернего неба. Было прохладно, как всегда бывает весенними вечерами, когда солнышко-Хорос уходит на покой и земля вспоминает, что еще не прогрета до конца. Со стороны Итиля, за мысом, слышался плеск волн могучей реки, пахло сыростью, где-то вдали залаяла собака. Стема шел быстро, увлекая за собой Светораду, и она еле поспевала за ним.

Он вывел ее к берегу, где днем бабы лепили горшки. Сейчас здесь было пустынно и их никто не мог подслушать.

– Ты не останешься тут, Светорада, таково мое слово! – строго и твердо произнес Стемид. – И не ссылайся ни на какую Согду. Что мне до нее, что мне до всех женщин под серединным небом?⁸⁰ А без тебя мне хоть заря не всходи. И потерять тебя мне горше жизни, тяжелее, чем лишится веры в помощь богов!

Светорада, хотевшая было возразить, растроганно взяла в потемках его руку, почувствовала, как он крепко сжал ее пальцы.

– Ты не останешься, – повторил Стемид. – Если Ростов прячется в чащах и за болотами, то тут, на речном пути, постоянно идет движение. С полуночи уже прошли новгородские суда, идут и варяжские, а болгары и хазары правят струги с полудня, направляясь в Новгородскую Русь. Пока никто из них ничего не говорил о том, что творится у престола князей Олега и Игоря, но однажды и сюда могут прийти вести или, что еще хуже, приплывет кто-нибудь из торговых гостей, который Днепром ходил, а значит, может признать в тебе смоленскую княжну, некогда за Игоря Киевского просватанную. Ты понимаешь, чем для нас обоих это может обернуться?

Он на умолк, взволнованно дыша. Светорада тоже молчала, понимая, что ее Стема прав. Ей даже стало страшно. Он же продолжил:

– И если я готов служить и добиваться власти и почета, чтобы дать тебе достойное существование, готов стать воеводой в столь беспокойном месте, как путь от Варяг в Хазар, то ты не должна быть подле меня, не должна быть на виду. Поэтому ты вернешься в Ростов. Я так велю, а жена обязана слушаться мужа. Так ведь, Светка моя? – почти шепотом добавил он, слыша, как она сердито задышала во тьме.

Светорада была воспитана править, он всегда помнил об этом, потому никогда ничего не делал, не посоветовавшись с ней. И пусть мужи так себя не ведут с женами, но ведь не каждому достаются в жены женщины княжеского рода, причем похищенные от высокородных женихов накануне свадебного пира!

Он обнял Светораду, чувствуя, как у его груди бьется ее сердце, и стал говорить, что для него нет ничего важнее, чтобы так и оставалось, чтобы она всегда была рядом. А если для этого им придется нечасто видаться, то тем слаще будут эти редкие встречи. И уже думая совсем об ином, Стема начал нежно целовать ее щеки, опустился к губам, коснулся их сперва нежно и ласково, потом, когда она едва заметно ответила, стал целовать со все возрастающей страстностью.

Но княжна увернулась.

– Хитер ты, Стемка Стрелок. Всегда знаешь, как меня уломать. Но думается мне, что ты прав. Я знала, что непроста будет моя жизнь подле тебя, но я ни о чем не жалею, только бы нас никто не нашел... Только бы мы всегда были вместе.

Стеме казалось, что и прохладная ночь течет сладким медом, когда она так говорила. Неужто это та же капризная смоленская княжна, которую он когда-то почти ненавидел за ее причуды и вздорный нрав? Теперь рядом с ним была верная и понимающая женщина. И такая красавица! Едва сдерживая нетерпение, он подхватил ее на руки и понес прочь. И век бы так нес, оберегая от всех, пряча, владея ею, наслаждаясь... Никто ее у него не отберет! Никому ее не отдаст!

В это время на плывущем по реке Итиль хазарском корабле у высокого штевня стоял горбун Гаведдай. Несмотря на попутный ветер и скорое течение, он не дал гребцам отдыхать этой ночью и велел торопиться. Его не интересовали земли болгар, не заботили и торги, ради которых он отправился в это плавание. Он думал о том, что негаданно узнал: пропавшая на

---

⁸⁰ По поверьям славян срединное небо то, которое нависает над миром людей. На верхнем живут боги, а низинное располагается над подземным миром.

Руси перед свадьбой с Игорем княжна Светорада живет здесь, на самой окраине подвластных Олегу земель!

Когда Гаведдай увидел ее на берегу, ему поначалу подумалось лишь о редкостном сходстве этой девы с той, которая по сей день, словно болезненная заноза, сидела в сердце его господина царевича Овадии бен Муниша. Однако после слов Аудуна...

Когда-то молодой Овадия сватался к дочери смоленского князя, но получил отказ. И с тех пор ни воинские походы, ни борьба за власть при дворе кагана⁸¹, ни самые красивые наложницы не могли избавить его от тоски по Светораде Смоленской. Каково же будет благородному сыну кагана узнать, что исчезнувшая смоленская красавица безвестно живет на окраине Руси, а какой-то мальчишка рус называет ее своей женой?

---

⁸¹ Каган – правитель у хазар, хотя в этот период фактическая власть находилась уже не в руках каганов, а у их главных военачальников бек-шадов.

Глава 7

Если весна в ростовских землях была куда холоднее, чем в краях, где Светорада жила ранее, то и пришедшее ей на смену лето не спешило побаловать людей теплом. Поэтому и частые дожди, и холодные рассветы, и пробирающая по ночам сырость здесь были привычны. Но на праздник Ярилы⁸² народ все одно повеселился вволю. Светораде тоже было весело, особенно когда Стема прибыл из своего Медвежьего Угла в Ростов. После плясок и обильного пира в честь божества удали и жизни Ярилы, после песен и хороводов, когда они уединились вечером в их закрытой боковуше, Стема ласкал ее так, словно хотел получить прощение за то, что так долго не приезжал. Однако княжна еще и его рассказов на празднике поняла, насколько муж доволен службой.

Ее Стемид... Ее воевода, которого она чтит и уважает. Лежа на груди молодого мужа, она оглаживала новый шрам у него на скуле, почти привычно прикидывая в уме, что со времени его нанесения прошло дней так десять. Эх, какая непростая у них жизнь! Да и бывает ли она простой?

– Я хочу родить тебе ребенка, – прошептала Светорада, целуя его закрытые глаза. – Так мне было бы спокойнее.

– Так уж и спокойнее, – негромко засмеялся Стема, но, видя острый блеск в ее золотистых глазах, не спорил. – Ладно уж, постараемся, – сказал, запуская пальцы в ее распущенные волосы.

Он смотрел, как она откидывает голову, бережно поворачивал ее на спину и склонялся к ней. Учатившееся дыхание Светы казалось ему прекраснее плеска волн на Итиле, ее кожа была нежнее шелка, который он привез жене в подарок. Да, теперь он мог позволить себе наряжать и баловать свою княжну, мог позволить родить с ней ребенка, правда, пока слабо представлял, как это будет, но если она хочет, то и он не прочь.

Утром Светорада вышла проводить его, несмотря на ранний час и прохладу. Кутаясь в широкую накидку, смотрела, как Стема отъезжает, все время оглядываясь, и машет ей рукой. Его теперь сопровождали конные воины, да и сам Стема в его дорогой куртке с множеством начищенных блестящих блях смотрелся внушительно. И хоть голову не покрыл, растрепан был (торопился, даже не позволив ей как следует расчесать его отросшие волосы), но все одно смотрелся настоящим витязем, а не мальчишкой-стрелком, в которого некогда так безоглядно и страстно влюбилась смоленская княжна Светорада.

В утренней дымке стала видна фигура идущей от хозяйственных построек Верены. Молодая женщина несла миску с солеными грибами прошлогоднего сбора, по пути подхватила один, жевала с явным удовольствием. Верена этой весной вновь забеременела, вот ее все время и тянуло на соленьечное.

– Что, распрощалась с милым? – сказала она, становясь рядом с кутающейся в накидку Светой. – А мне опять ваша возня за перегородкой спать всю ночь не давала. Все хотите нагнать нас с Асольвом и тоже ребеночка зачать?

– Попробовали, – просто отвечала Светорада. А сама подумала: вдруг и впрямь на этот раз получится?

Ей хотелось родить свое дитя. В глубине души она завидовала Верене. Та говорила, что после девочек-близняшек они на этот раз непременно ждут сына. Да что они, вон и Гуннхильд, несмотря на почтенный возраст, тоже забеременела. И Верена добавила: пусть Нечай и редко заглядывает в усадьбу Большой Конь, а своей жене сумел ребеночка сделать. Так что и

---

⁸² Ярилин праздник – 5 июня – день ухода весны и прихода лета. Ярила – бог плодородной силы у славян, его празднование означает начало лета.

у Стрелка с Медовой должно сладиться в этом деле. Чтобы у такой любящей пары да все прахом пошло – да ни в жизнь! А из Светы мать выйдет превосходная – ее вся ребятня в усадьбе любит, так и льнет к ней.

И правда, малыши в Большом Коне отличала вниманием веселую и ласковую жену воеводы Стрелка. Она и сама охотно нянчилась и играла с ними, но особым ее расположением пользовался сын Аудуна и Русланы Взимок, родившийся в ночь обоснования Светорады в Ростове. Близняшки же подруги Верены и младшие дочери Гуннхильд, так те просто ходили за Светорадой по пятам, им нравилось слушать ее сказы о жар-птице или мече-кладенце. А старшая дочь Гуннхильд Бэра, как дитя, дурачилась с веселой Светой. Дети и подростки чутьем улавливали ее нежность и доброту к ним, да и веселая она всегда была, ласковая. Только Асгерд, как-то пришедшая в усадьбу отца и наблюдавшая за играми Светы с ребятней, отметила, что той, как видно, боги и забеременеть не дают, потому что она сама еще дитя – все бы ей петь, скакать да веселиться.

Светорада расслышала только, что «боги не дают ей забеременеть», и опечалилась. В глубине души ее донимала тревога, отчего до сих пор их любовь со Стемкой не имеет ожидаемых последствий. И вспоминались странные слова лесного волхва, что ей трудно будет выносить дитя. Но ведь у них со Стемкой еще столько времени для любви, друг для друга и для продолжения рода... У них все получится. Ибо позволить себе завести ребенка они уже могли.

То, что пришлый Стрелок так скоро выбился в воеводы, в Ростове никого особо не удивило, как и то, что Стемид баловал свою жену, одевая ее в бархат заморский и легкие вуали-паволоки. Причем ей удавалось так умело сочетать кроенные из шелка платья с мерянскими меховыми узорами и местной традицией носить у висков треугольные подвески из бронзы, что вскоре и иные ростовчанки стали подражать этой манере Медовой. О ней вообще много говорили, и она была едва ли не самой известной женщиной в Ростове. И хотя Светорада, как и ранее, помогала Гуннхильд по хозяйству, делала она это скорее благодаря своей бьющей через край энергии, нежели из обязанности принятой в род.

Как-то следившую за работами на огородах Светораду заехал навестить вернувшийся с выездки лошадей Скафти. Ярл Аудун, который теперь почти не навещался в Ростов, проводя все время в речном дозоре, наказал старшему сыну приглядывать за своими конями. Вот и ныне, перегнав кобылиц с жеребятами на новую луговину, Скафти решил поболтать с женой воеводы Стрелка.

Светорада с удовольствием смотрела на прекрасных животных. Особенно ей нравилась одна новая кобыла в табуне, поджарая, рыжая с атласным отливом и большим пятном на крутолобой изящной голове. Аудун приобрел ее не так давно, но Светорада уже ездила на ней и оценила легкую мощь животного. И сейчас Скафти, проследив за взглядом Светы, сам предложил проехать вдоль озера.

Ах, как же ей было любо взвиться на горячую кобылку, показать свое умение наездницы, а лошадка, даром что горяча, все же признала волю всадницы, смирилась под ее маленькой, но твердой рукой. Вот они с варягом и промчались галопом вдоль берега, распуская притаившуюся в камышах водную птицу.

Когда возвращались вдоль опушки леса, Скафти неожиданно остановился, глядя в сторону деревьев, где сквозь подлесок виднелась чья-то фигура. Светорада проследила за его взглядом и ей сперва показалось, что это один из мерянских шаманов в своем рогатом головном уборе. Потом с удивлением поняла, что перед ними женщина.

– Это Согда, – сказал Скафти.

Светорада чуть закусила губу. Она уже слышала, что в последнее время эта женщина перебралась из лесов на реке Итиле ближе к Ростову, устроив в зарослях леса свою кумирню. И вот она приближалась к ним со Скафти. Красивая, медно-рыжие косы спадают едва ли не до колен, лицо необычное, а смотрит хмуро.

Скафти спросил, что понадобилось чародейке племени подле Ростова.

– Ко мне скоро придут те, кому нужна моя ворожба, – отозвалась Согда, продолжая при этом оценивающе разглядывать Светораду, и ее узкие темные глаза стали колючими.

Княжне стало неприятно под ее взглядом и она тронула коленями бока лошади, ускорив ее ход. Да и нет у нее нужды с шаманками разговаривать, поэтому вскоре Светорада отвлеклась, заведя идущих из лесу своего приятеля Киму и юную Беру. Причем молодые люди шли, взявшись за руки.

Скафти сказал:

– Этот Кима еще тот ловкач. Год назад все на Асгерд заглядывался, потом вокруг тебя вьюном вился, а теперь решил увлечь дочку нашей Гуннхильд. Нечай, как муж Гуннхильд, уже высказал Киме, дескать Бэра ему почти что сестра. Но этот белокрысы все настаивает, что она не родня ему по крови, а значит он может сватать падчерицу отца. Думаю он девушку и к Согде водил, чтобы та поддержала его в том, что не кровным родичам нет беды вступить в брак. Ведь слово столь почитаемой шаманки тут много значит.

– Но он и впрямь может ее сосватать, если получит разрешение шаманки, – заметила Светорада, считавшая в глубине души, что Кима и резвушка Бэра были бы неплохой парой.

Скафти о чем-то подумал и засмеялся.

– Скоро тут будут отмечать день вашего Купалы плодородного⁸³. У нас на старой родине это называется праздник Лета и мы тоже гуляем в это время. Но уж не так, как вы! У вас на Купалу люди словно сходят с ума, пьют, веселятся, любят кто с кем, вроде так подзадоривая подателя летнего плодородия Купалу. И кажется мне, что белокрысы Кима постарается во время веселья уложить дочку Гуннхильд где-нибудь под кустом.

При последних словах Скафти не улыбался. Ведь несмотря на то что этот красавец варяг сам задрал немало подолов, честь девушки его рода для него много значила. Вот и заметил, что постарается предупредить сестру, чтобы та присматривала за Бэрой на празднествах. И вдруг подмигнул ехавшей рядом княжне:

– Ну а за тобой кто приглядит на Купалу, красавица?

– Ко мне муж приедет на праздник, – уверенно произнесла Светорада. А саму кольнуло – приедет ли? Заметив иронию во взгляде Скафти, даже слегка стегнула его по колену концом кнутовища. – Не смей сомневаться в Стрелке! И пусть в купальскую ночь всякому дозволяется любить, я знаю одно: не будет Стрелка, я ни к кому иному не подойду.

– А жаль, – усмехнулся Скафти, за что опять получил кнутовищем по колену.

Но тут их внимание привлек идущий вдоль кромки леса тиун Усмар.

– Кажется и этот тоже к Согде направляется, – с некоторым удивлением заметил Скафти, проводив взглядом мужа сестры.

И хотя тиун раскланялся с ними, Скафти отвернулся. А вот Светорада чуть склонилась в приветствии. Так уж вышло, что ей теперь часто приходилось общаться с Усмаром. Посаднику Путяте было спокойнее, если Медовая проверяла подсчеты Усмара, и, как ни странно, у них с тиуном это получалось споро и, можно сказать, миролюбиво. Причем за все это время Усмар ни разу не повел себя с Медовой непочтительно.

– Может, он уже и забыл, что некогда лихое задумал, – даже заступилась за Усмара Светорада. Скафти только пожал плечами. Своего деверя он явно недолюбливал.

В Ростов Усмар вернулся уже под вечер, шел веселый, улыбался своим мыслям. А помрачнел он, только когда стал приближаться к своему терему. На пороге едва поздоровался с женой. На Асгерд было светлое длинное одеяние, длинная шаль с кистями прикрывала округлившийся живот. Ее волосы были спрятаны под плотную головную повязку, а вдоль щек колы-

---

⁸³ Купальский праздник происходит в самую короткую ночь в году – с 22 на 23 июня. Считалось, что с этого момента начинается время подателя плодоносящих сил земли, сытой жизни и благополучия.

хались серебряные подвески, похожие на веточки инея. Она принарядилась для мужа, но он довольно грубо сказал, что она похожа на ледяное изваяние.

– И сама ты ледяная, – добавил Усмар. – Обнимаешь тебя – и будто холодом веет.

Асгерд смолчала. Она все не могла понять, отчего муж то и дело упрекает ее в холодности. Разве она не заботится о нем, разве не ждет его, не следит за хозяйством? Что же ему надо от нее еще? Неужели он хочет, чтобы она стонала и визжала под ним, как какая-то полудикая мерянка?

О ком думает Усмар, Асгерд поняла, когда муж сказал:

– А ведь Медовая одна на Купалу останется. Мне Тогда доложила, что Стрелка дела на Итиле задержат.

Опять Медовая... Да еще эта шаманка... Асгерд почувствовала, как больно сжимается сердце. Ах, как бы ей заставить милого мужа полюбить ее со всей силой... так же, как она сама его любит.

В день перед Купальской ночью в Ростове царило оживление. Вдоль берега озера, где по традиции проводились гуляния, еще с утра натаскали дров для кострищ, установили скамьи для нарочитых градцев, расстелили войлочные и меховые коврики для их жен. Лето хоть и ступало в силу, но было еще холодно, а земля только недавно прогрелась.

В самом Ростове девушки плели гирлянды из зелени и украшали свои жилища; все принаряжались, молодые люди перемигивались друг с другом, зная, что этой ночью они много чего могут себе позволить. Старики же больше думали об угощении, хозяйки доставали из подполов соления и меда, а меж собою обсуждали, что нагадают волхвы насчет будущего урожая. Все понимали, что в столь обильном на дичь и рыбу ростовском краю они не изголодаются, но так хотелось есть хлебушек до следующего урожая, не выгребая из сусеков последние крохи.

Вечером на берегу Неро собралась внушительная толпа. Из окрестных селений явились мерянские шаманы, но держались в стороне, с независимым видом поглядывая на вышедших из чащи волхвов в чистых светлых одеждах. По обычаю все сначала наблюдали за требами. Путята не поскупился выставить для жертвоприношения толстую свинью, купцы торгового ряда, скинувшись, приобрели круторогого вола для заклания, а кожевники овец привели. Все одно после сами же полакомятся их жертвенным мясом ради здоровья и благополучия.

Угощения и впрямь хватало. Меды и наливки кружили головы, веселые песни поднимали настроение. Когда стемнело и от вод Неро потянуло туманом, только ярче запылали костры на берегу. Смех, песни, хлопки, веселые оживленные голоса, освещенные кострами лица – все это вызывало у собравшихся праздничное возбуждение. А там и гусельки забренчали, рожки загудели, в бубны ударили, и вскоре песни сменились хороводами и танцами. Главный же хоровод повели вокруг большого соломенного чучела в венках и зелени, изображавшего того самого Купалу, которого в разгар празднества должны поджечь, чтобы свет его огня отменил запрет на купание в зачарованных водах. До того же момента нельзя – нечисть не позволит и утащит.

Светорада сидела среди скандинавок усадьбы Большого Коня. Держалась степенно, хотя глаза ее так и блестели, когда смотрела туда, где шли пляски. Ах, как же ей хотелось плясать!.. Но нельзя. Она мужнина жена, а е Стема так и не приехал. И что же ей теперь, и на празднике повеселиться нельзя? Светорада только вздохнула, когда Гуннхильд и Асгерд повели в сторону усадьбы недовольную Бэру и остальных своих женщин. Скандинавские женщины хоть и давно жили в этом краю, но не считали что им следует оставаться на лихое купальское буйство. Не их это был бог, хотя и они следили за ритуалами и пировали до ночи с местными.

А вот почитавшая местного Купалу Верена осталась. Жена варяга Асольва, веселая и хмельная от меда и наливок, льнула к плечу Светорады, а на подошедшего Усмара замахала рукой, отгоняя. Но Усмар держался приветливо, подсел к ним, расправляя складки своего

нарядного, сверкающего бисерными нашивками кафтана. Тиун принес с собой бутыль с запечатанной пробкой, откупорил и, налив немного в чашу, протянул Светораде.

– Изведай заморского зелья, красавица!

Это было настоящее вино, сладкое и густое,пряно пахнувшее какими-то неизвестными травами. Княжна Светорада такое только в отцовском тереме пробовала. Сделав глоток, она удивленно взглянула на тиуна.

– Где и раздобыл такое? Не иначе ромейское?

– Угадала, красавица! Мне его мытник с Итиля передал, прикупив пару бутылей у хазарских торговцев.

Светорада медленно смаковала вино, чувствовала, как от него по телу разливается блаженное тепло. Хотелось расслабиться, откинуться на мягкие овчины, на которых они сидели с Вереной. Она видела, как тиун пристально смотрит на нее, но это не раздражало ее, как ранее, а неожиданно вызывало приятное чувство. Пусть смотрит. С нее от его восхищенных взглядов не убудет.

Усмар вновь плеснул из бутылки в плоскую чашу и протянул ей. Но тут и Верена выразила желание испробовать это темное заморское зелье. Однако едва Светорада протянула подруге чашу, Усмар неожиданно выбил ее из руки. Верена и Светорада расшумелись, обрызганные темным вином, взволновались, что следы с их нарядных одежд не так-то просто будет отстирать. Правда, Верена, скоро успокоившись, снова протянула Усмару чашу, делая знак, чтобы налил. Но тиун не стал ее угощать, даже разволновался отчего-то и отстранил рукой настырную родственницу, заявив, что пусть, мол, Асольв не поскупится для нее. Разобидевшаяся Верена ушла жаловаться мужу, а тиун торопливо, будто опасаясь чего, вновь плеснул темного вина в чашу Светорады.

– Пей, – уговаривал, – не для всякой подобный напиток. Он из самого солнца и соков земли, он дарит радость и красу. Вон как вспыхнули твои щечки, Медовая, словно сам ясный Купала послал тебе свою благодать.

Светорада послушно выпила. Ох и вкусное же! Она попросила, чтобы тиун и Верену угостил, но он молча глядел на нее и улыбался. И она тоже стала улыбаться ему, найдя сегодня тиуна на удивление милым и приятным.

Но тут рядом оказался Скафти и, потеснив от Светорады Усмара, властно взял ее за руку и повел прочь. Она только оглянулась на тиуна, оставшегося сидеть на шкурах среди разложенных яств. Его лицо показалось ей озадаченным и расстроенным, но девушку это только позабавило. Эх, все не успокоится Усмар, не усвоит, что она не для него. Как и его вино не для Верены. Но отчего же не для Верены? Обидел славную женщину, пожадничал...

Светорада стала говорить про это Скафти, но не заметила, когда он отошел. У Светорады слегка кружилась голова. Весь мир мелькал то ярким светом огней, то темнотой нависающего в вышине неба. Появилось странное ощущение, будто огни этой ночи зажигались в ней самой и она вся горит, но это был волнующий жар. Он разлился по ее телу, приятным теплом вспыхнул в ее лоне и горячечной волной прокатился по животу, по ногам, вспыхнул и в груди, которая вдруг стала такой чувствительной, что даже трущаяся о соски ткань рубахи вызывала волнение и истому. Голова была непривычно легкой, княжна тряхнула ею, сбрасывая нарядную повязку, наслаждаясь свободой рассыпавшихся по плечам волос.

Ей было жарко, и Светорада жадно облизнула языком пересохшие губы. Они горели, но не от жажды а от волнующего нетерпения. О, как ей захотелось, чтобы к ее устам прикоснулись... чтобы приникли и ласкали их! Ее даже качнуло в сторону прошедшего мимо мужчины. О да это же сам посадник! Обычно Светорада несколько робела перед ним, а тут проводила таким взглядом, словно только сейчас заметила, какая мощная и коренастая у Путяты фигура. Подумалось сколько же в нем силы! Мужской силы и крепости. И словно замороженная княжна шагнула следом.

Рядом опять возник Скафти, смеялся, подходя, веселый, растрепанный, рубаха на груди расшнурована и видна его сильная мускулистая грудь. Светорада протянула руку, желая коснуться его там, у самого сердца. Но Скафти не понял, просто словил ее кисть, увлек к кострам, где все плясали и смеялись.

Светорада подчинилась, смеясь и не понимая, что с ней происходит. И, когда Скафти поднял ее и закружил, ей показалось, что она сама вспорхнула, став легкой, почти невесомой в его сильных руках. Но особенно сладостно стало, когда он опустил ее, все еще не разжимая рук, и Света оказалась в кольце его объятий. Но когда сама обняла его, Скафти неожиданно отпрянул. Посмотрел пытливо:

– Когда это ты успела так охмелеть, моя сладкая калина пряжи?

– Сладкая? А вот ты попробуй меня на вкус, – смеялась Светорада, подставляя ему свои пухлые губы. Чувствовала, как он напряжен, и сама едва не сходила с ума от нестерпимого горячего желания обнять его, прильнуть к сильному мужскому телу...

Но Скафти повел ее в кострам. Его силуэт то возникал перед ней на фоне огня, то растворялся во мраке и Светорада хватала его за руку, такую сильную, увлекающую. Ей хотелось, чтобы он увел ее куда угодно, чтобы заставил подчиняться!..

У костром молодежь совершала прыжки через огонь. Считалось, что священное пламя огней купальской ночи очищает от хворей и несет благодать. В эту ночь дозволялось все, и в этом не было ни греха, ни темных помыслов, ни злых страстей, а только радость и любовь. Светорада сияющими глазами смотрела, как пары, взявшись за руки, визжа и хохоча, взлетают над кострами, как взлетают подолы, мелькают быстрые ноги, развеваются в свете огней волосы.

Откуда-то вновь появился Усмар, протянул руку, приглашая прыгнуть с ним через костер. Света и пошла бы, да Скафти не пустил. Если прыгать, то только с ним, сказал. И стал увлекать ее, а Усмар застыл, глядя растерянно и почти несчастно.

Светораду тянуло к огню, как ночную бабочку к свету. Она чувствовала в себе некую сводящую с ума беспечность. Эх, была не была! Они разбежались и взлетели. Прыжок был долгим, но и мгновенным. И вот они уже оказались в толпе собравшейся за костром молодежи, побежали к следующим огням. Мельком Светорада опять увидела Усмара, который с кем-то говорил, указывая на Светораду. Неужели Тогда? Что, и эту дикарку занесло на веселый Купальский праздник? Но сейчас об этом думать не хотелось. Сегодня всякому воля. И Светорада, увлекаемая Скафти, неслась к следующему костру; они прыгнули – Светорада завизжала, Скафти хохотал.

Она опять прильнула к нему, обняла, ощущая, как страстно хочет его.

– Ну поцелуй же меня, любимый!

Но варяг довольно сильно тряхнул ее.

– Да что же это с тобой? Праздник совсем замутил голову?

Светорада не ожидала, что он может быть таким грубым. И это в момент, когда ее неудержимо тянет к нему, хочется обнять его мощные плечи, коснуться бедра, провести ладонью по крутым ягодицам, взлохматить длинные волосы с вдовьей косичкой на виске. Сегодня такая ночь! Прочь все печали! И Светорада не удержалась, чтобы не прильнуть ртом к груди варяга, там, где расходились тесемки на рубахе. Скафти замер на миг, коснулся ее волос, тяжело задышал. Потом отстранился.

– Идем-ка я отведу тебя в усадьбу! Ты сегодня сама не своя, Медовая.

Он говорил строгим голосом, да и увлекал ее за собой почти грубо. А она все смеялась, потом стала упираться и рвалась туда, где молодежь покатила со склона зажженные колеса в воды Неро. Они неслись, как маленькие солнышки, а затем с шипением гасли в воде. Вокруг все кричали радостно и возбужденно. Это была традиция – смешать огонь и воду, – ибо огонь и вода очищают душу и тело. Это знак, что пора и Купале вспыхнуть жарким пламенем. Вокруг его разгорающегося соломенного изваяния уже побежал хоровод, все, стар и млад, влились в

него с радостными криками. Даже строгого Путятю увлекли в пляску молодежи, и он шумел, крича вместе со всеми. Ибо в это мгновение нет хворей, нет возраста, а есть только сила и ликование!

Светорада визжала, вырываясь из рук Скафти.

– Отпусти, если сам не хочешь меня, варяг!

Она видела, как люди, на ходу сбросив одежду, кинулись в воду и теперь плещутся, весело дурачась. Даже степенные бабы, оставив расшалившихся с девушками мужей, спешили избавиться от длинных рубах и бухались мясистыми телами в сверкающую от огней воду. А нагие парочки уже бежали вдоль берега в темень, чтобы предаться священной любви этой колдовской ночи. Некоторые даже не стремились укрыться, плескались в воде, обнимались и целовались на глазах у всех, ошалевшие и счастливые в меркнувшем свете догорающего изваяния Купалы.

По знаку волхвов стали заливать костры, потянуло дымом, но в потемках шум как будто только больше усилился. Визг, смех, тяжелое дыхание, топот ног. Светорада и не заметила, как оказалась среди взбудораженной толпы, чьи-то руки обнимали ее, она тоже кого-то обняла, но тут опять рядом оказался несносный Скафти, вырвал ее из чьих-то объятий, подхватил на руки, понес. Она же льнула к нему, урча, словно кошка, и не понимала, что делает, когда стала покрывать его лицо и шею быстрыми жадными поцелуями.

– Отстань, Света! Опомнись!

И это слывающий первым любостаем в округе Скафти сын Аудуна? Ну ничего, она его заставит! Он не сможет противостоять ее рвущейся страсти!

Скафти нес ее быстро, они оказались в стороне от беснующегося люда, он зашел в воду и почти швырнул в нее Светораду.

– Остудись немного!

Холодная вода с отдаленными бликами сверкающих огней, заставила ее задохнуться в первый миг. Но тело все еще было напряженным, мокрая одежда казалась тяжелой и ненужной, Светорада путалась в подоле, стягивала с плеч противное полотно рубахи и высвобождая напряженные груди. В какой-то миг заметила, что возле Скафти стоит Согда. Шаманка что-то говорила, хватая за руки варяга, и он не заметил как позади него появился Усмар. Подкрался и чем-то сильно ударил Скафти по голове.

Когда варяг упал и Согда склонилась над ним, Светорада на мгновение опомнилась, кинулась к ним.

– Вы что творите?

Но Усмар уже шагнул к ней, жадно обнял, сжал грудь, шептал жарко:

– Говорил же, все одно моя будешь!

Светорада глядела в склоняющееся к ней лицо, ощущая разом и ужас, и восторг. Ее переполняло чувство полета, потому что тому, кто стоит над пропастью, уже нечего бояться. Ей даже хотелось кинуться в открывающуюся перед ней бездну – это было страшно, но упоительно. От жаркого шепота Усмара, от его отдававшего вином дыхания у нее отяжелела голова. И когда Светорада склонила ее на плечо тиуна, когда ощутила его жаркие прикосновения к своему телу, она стала растворяться в пожирающем ее желании, жадно отвечая на его исступленные поцелуи. Возникшая рядом Согда раздражала ее. Но та была настойчива, теребила тиуна, обнимавшего мокрую, нагую Светораду.

– У меня тут лодка, – сказала шаманка. – Лучше бы нам исчезнуть, уплыть подальше, не привлекая к себе внимания.

Светорада поняла только, что Усмар взял ее на руки, а потом стал укладывать на днище лодки, на мягкий подстеленный мех. Согда гребла, а они все целовались с Усмаром, и он быстро и резко скидывал с себя одежду, почти стонал от ласки давно желанной им женщины.

Потом они как будто пристали к берегу. Согда разожгла огонь и, подняв вспыхнувшую лучину, увидела, как охотно жена Стрелка опрокинулась на овчину, брошенную на каменистую

почву небольшого островка. Уже раздетый Усмар жадно навалился на нее. Приподнявшись на руках, он быстро и сильно двигался, владея красавицей с разметавшимися волосами, которая извивалась под ним и стонала. Потом тоже приподнялась, опершись на локти и откинув голову, словно увлекаемая потоком длинных разметавшихся волос. В последнем отблеске догоравшей лучины Согда заметила, как подрагивают груди молодой женщины, крепкие и округлые, с бледными, возбужденно вздернутыми сосками.

«А ведь она и впрямь красавица, – подумала шаманка. – Каково будет Стрелку узнать, что и его благоверная вот так... С нами...»

Протянув руку, Согда стала во тьме ласкать упругие холмики подрагивающей груди Медовой. Светорада застонала. Во тьме она не видела лица Сгоды, в котором появилось нечто волчье – резче обозначились скулы над втянутыми щеками, загорелись исподлбья глаза. Потом Согда раскрыла красные губы и принялась целовать, сосать рот Светорады. Та жадно отвечала, совсем не понимая, что делает. Усмар же рычал, целуя то Свету, то Сгду, которая быстро раздевалась. Трехрогий шаманский убор упал, разметались длинные косы. Она лезла под Усмара, целуя его и эту Медоваую, жену Стрелка, упиваясь ощущением, что это она покрывает ту, ради которой отверг ее молодой воевода из Медвежьего Угла...

Ночь на Купалу – самая короткая в году. Солнце всходило, и клубившийся над спокойными водами озера Неро плотный туман становился розоватым, зыбким, пронизанным отблесками плещущейся воды. В тишине слышались отдаленные песни встречавших рассвет людей. А там стали появляться лодки, полные девушек и парней, поднимались и опускались весла, слабо плескалась вода. Люди плыли навстречу солнцу и пели.

Сквозь полупрозрачную пелену начал проступать каменистый остров, который в последнее время называли Велесовым. Кое-кто стал оплывать его, двигаясь к скрытому в тумане солнцу и славя его дружным пением. Однако пара лодок все же подошла к Велесовому островку почти вплотную, и в стройный хор поющих голосов врезался громкий и удивленный вскрик. Некоторые проплыли мимо, умиротворенные дивным утром, но другие свернули на голос. Послышались возгласы, смешки.

Кима, тоже оказавшийся в числе тех, кто причалил, он только и смог выдохнуть:

– Вот это да! Эх, Медовая...

Там, на смятой овчине, сплетаясь тесным узлом, спали нагими тиун Усмар, Света жена Стрелка и шаманка Согда. Рыжие тонкие косы Сгоды переплелись с разметавшимися волосами Светы, Усмар прижимал к себе обеих женщин, прильнувших к нему.

Кима опомнился, когда подплыл еще кто-то на лодках, шикнул на них, стал отгонять. Однако весть уже пошла от лодки к лодке: кто посмеивался, кто строго заметил, что неладно это. Кима выбрался на берег и, сорвав с себя рубаху, накрыл ею Свету, стал разнимать обнимавшие ее руки шаманки, скинул с ее бедра согнутую ногу Усмара. Привести в себя молодую женщину не мог, зло озирался по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.